

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский государственный нефтяной технический университет»

На правах рукописи

Желнова Анжелика Валерьевна

**Трансформация внешних связей российских регионов:
структурные и институциональные аспекты
(на материалах Республики Башкортостан)**

Специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Дорожкин Ю.Н.

Уфа - 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы исследования внешних связей регионов Российской Федерации.....	17
1.1. Теоретическая интерпретация внешних связей регионов суверенного государства.....	17
1.2. Факторы современных трансформаций внешних связей российских регионов.....	53
Глава 2. Структурные и институциональные аспекты трансформации внешних связей Республики Башкортостан в новых геополитических, национальных и региональных реалиях.....	74
2.1. Структурная адаптация внешних связей Республики Башкортостан к современным реалиям.....	74
2.2. Институциональная трансформация внешних связей Республики Башкортостан в новых условиях развития.....	101
Заключение.....	142
Список использованных источников и литературы.....	152

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена нарастающей турбулентностью и глобальной нестабильностью в современном мире, в результате чего суверенные государства и их регионы сталкиваются с новыми вызовами, требующими постоянной адаптации и трансформации их внешних связей. В современной России, являющейся федеративным государством, внешние связи остаются одним из наиболее эффективных инструментов решения актуальных проблем ее регионов. Политическая практика на международной арене убедительно свидетельствует о том, что стратегия активного развития внешних связей на региональном уровне успешно реализуется не только в России, но и в ряде других стран, в частности в Китае, где провинциальные администрации играют ключевую роль в глобальных партнерствах. Опыт субнациональных образований по всему миру ярко иллюстрирует: формирование разветвленной системы взаимовыгодных внешних контактов выступает фундаментальным элементом обеспечения социально-политической стабильности и сохранения территориальной целостности государства в целом. Более того, такая сеть связей становится одним из определяющих факторов стимулирования экономического роста, повышения общественного благосостояния и решения локальных вызовов развития.

Для регионов Российской Федерации данная проблематика приобретает особо важное значение в контексте преодоления долгосрочных последствий глобальной пандемии COVID-19, а также в условиях ввода западных санкционных мер, которые неуклонно наращивают объемы, проникая в новые сферы отношений и затрагивая все больше субъектов страны.

Последние, с одной стороны, сталкиваются с разрывом полноценных, давно установленных и разносторонних отношений между регионами-партнерами в странах Запада. С другой стороны, перед ними открываются новые возможности для динамичного и плодотворного сотрудничества с регионами центрально-азиатских, ближневосточных и дальневосточных стран. Развитие внешних связей российских регионов вновь, как и в 1990-е гг., оказывается эффективным способом решения разного рода региональных проблем. Поэтому не случайно, что федеральный центр официально предоставляет российским регионам достаточные возможности для самостоятельной деятельности по укреплению и расширению сети внешних связей. Такая политика, направленная на развитие современных производств, специализацию регионов, территориальное разделение труда, а также межрегиональную кооперацию, уже привела к заметным результатам, позволила сохранить и увеличить экономический потенциал субъектов Российской Федерации, поддержать социальное благополучие и культурное развитие.

Таким образом, многообразие и динамизм внешних связей становится одним из ключевых способов выживания и развития регионов, укрепления российского государства в целом, что является основополагающим национальным интересом.

В научном измерении актуализация проблематики внешних связей региона связана с необходимостью систематизации и обобщения накопленного опыта сотрудничества субъектов Российской Федерации как между собой, так и с регионами зарубежных стран, с необходимостью определения характера и направленности трансформации внешних связей регионов в текущих условиях. Исследование накопленного опыта по формированию и развитию внешних связей в условиях мировой нестабильности и турбулентности является важной научной задачей.

В рамках данного исследования проблематика трансформаций внешних связей российских регионов подвергается детальному анализу на примере Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации, который

занимает одно из ведущих положений среди наиболее динамичных и одновременно типичных участников этой сферы деятельности. Этот регион выделяется своим обширным практическим опытом, накопленным за почти 35 лет систематического и всестороннего сотрудничества не только с другими субъектами страны, но и с административно-территориальными образованиями зарубежных государств. Республика Башкортостан представляет собой классический случай успешной реализации региональной внешней политики в условиях федерализма, где внешние контакты служат инструментом экономической диверсификации, привлечения инвестиций и укрепления межрегиональных альянсов в других сферах.

В фокусе исследования - внешние связи Республики Башкортостан. Хронологические границы исследования начинаются с введения беспрецедентных антироссийских санкций в 2014 г. в связи с присоединением к России Республики Крым и заканчиваются маем 2025 г.

Степень научной разработанности проблемы. Вряд ли можно сказать, что проблематике внешних связей регионов уделяется довольно большое внимание в научной литературе. При этом базовые аспекты исследования регионов заложил Ф. Бродель, который описал формирование и проанализировал развитие региональных пространств [22]. С Роккан разработал понятие «поясов городов», обосновал концепцию «структуры раскола» между центром и периферией, выявил предпосылки формирования территориальной политики [232].

В свою очередь Т. Хаггерстранд сформулировал теорию «пространственной диффузии инноваций» [199], которая применима к анализу социально-экономического развития регионов. Дж. Нейсбит и М. Китинг показали формирование нового регионализма, продемонстрировали изменение статуса и трансформацию значения региона в современных условиях [112; 71; 207].

Сфера региональной политики довольно подробно исследована Г.А. Аванесовой, В.И. Бутов, А.А. Керимовым, О.В. Кузнецовой, В.Г. Игнатовым,

Ю.Н. Никифоровым, Е.Б. Михайленко, Б.М. Штульбергом и др. [2; 17, с. 82-91; 52, с. 86-96; 63; 83, с. 7-20; 84, с. 12-21; 8, с. 102-108; 87; 106, с. 28-30; 113; 169].

Этнополитическое устройство Российской Федерации анализируются в работах Л.М. Дробижевой, Ю.В. Попкова, В.А. Тишкова и др [50; 67; 98, с. 84-91; 122, с. 22-27; 155].

Коллектив авторов под эгидой ИМЭМО РАН рассмотрел особенности региональной политики в странах дальнего зарубежья, заметно отличающихся по своему типу и уровню развития (Германия, Италия, Испания, США, Китайская Народная Республика, Марокко, страны Латинской Америки), показав, как их опыт может быть полезен для России; особое внимание было уделено новому этапу наднациональной региональной политики Евросоюза, причинам и факторам проведения региональной политики, законодательному и организационному обеспечению и инструментам региональной политики с выделением особенностей и значения процессов децентрализации в разных странах [134].

М.Л. Лебедева, Д. де Оливейра и др. сформулировали теоретические основания роли и места региона в политическом процессе [5; 88, с. 71-74; 227, р. 97-115].

Л.Б. Вардомский, А.Г. Гранберг, В.А. Дергачев, В.В. Карякин, Т.В. Пол и др. исследовали проблематику международного регионального сотрудничества [49; 44; 70; 145 с. 203-226; 202]. А.Д. Воскресенский, К.А. Ефремова, Д.А. Кузнецов и др. изучили роль региональных подсистем и комплексов в современных международных отношениях [34, с. 30-58; 54, с. 5-19; 81, с. 1-13; 165, с. 50-62].

Среди публикаций, появившихся за последние 5 лет и посвященных внешним связям регионов и смежным темам, необходимо также отметить следующие. Работы ведущих специалистов по пространственному развитию России, в которых предлагаются решения проблем современного российского пограничья, освоения транзитного потенциала России, задач пространственного размещения производительных сил, трансформации социально-географического

пространства России, региональных особенностей человеческого потенциала, вышли в рамках коллективного труда, изданного РАН [37].

А.С. Гончаров и Г.Г. Уварова проанализировали региональную политику в Российской Федерации в условиях геополитической трансформации последних лет, сделав вывод о том, что актуализировалась необходимость нахождения «гармоничного баланса между государственным управлением и автономией регионов» [42, с. 156-163].

С.В. Губарьков охарактеризовал текущее финансовое состояние Российской Федерации в контексте современного мирового порядка и предложил основные стратегические направления реформирования внешнеэкономической российской политики [46].

И.Р. Насыров и Ю. Д. Якубов показали современные тенденции развития сотрудничества российских регионов на материалах деятельности представительств субъектов, а именно – представительств Республики Татарстан, определили перспективные направления повышения эффективности представительской работы и расширения ее географии [109, с. 684-700].

Д.С. Телегин комплексно проанализировал сущность регионализации, определил ее политические, экономические, и культурно-цивилизационные истоки [154, с. 353-357].

М.Л. Лагутина и Е.Б. Михайленко предлагают свое видение процесса эволюции теорий регионализма и полагают, что современный регионализм как новое направление исследований включает в себя не только сравнительные исследования (от региона к региону), но и исследования процесса регионализации и регионостроительства, формирования региональных порядков и подсистем, изучение их глобального контекста [86]. Помимо этого, в работах Е.Б. Михайленко исследованы не только трансформации региона в качестве актора международных отношений, но и динамика регионалистских процессов, которые способствовали созданию специализированных субнациональных органов власти. Именно эти процессы заложили основу для эволюции внешних

связей регионов, их систематизации и перехода к институционализированным формам взаимодействия на глобальном уровне [106, с.28-38; 105].

Есть диссертационные исследования, которые касаются темы внешних связей регионов. Так, В. Цзиньхуэй очертил круг проблем и выявил перспективы российско-китайского взаимодействия в регионах Дальнего Востока с учетом современных геополитических условий [167]. С.П. Артеев проанализировал развитие взаимодействия Республики Коми и Венгрии, сформулировал модель формирования внутригосударственного региона как субъекта мировой политики [6].

К.Ж. Сарабасова выявила природу, особенности, главные тенденций развития и тренды трансформации сотрудничества российских регионов [141, с. 62-66].

Особый интерес представляет работа Л.Н. Габдрахмановой, которая исследовала развитие горизонтального федерализма в современной России [38].

Однако на сегодняшний день неразработанной остается тематика значительных трансформаций внешних связей субъектов Российской Федерации в современных условиях, факторы, а также структурные и институциональные аспекты этих трансформаций.

Актуальность, недостаточная разработанность и существенная значимость перечисленных проблем определили выбор темы диссертационного исследования.

Объект исследования – внешние связи российских регионов.

Предмет исследования – трансформация внешних связей российских регионов в современных условиях (на примере Республики Башкортостан).

Цель исследования – выявить и обосновать структурные и институциональные аспекты трансформации внешних связей Республики Башкортостан в контексте современных вызовов и угроз.

Задачи диссертационного исследования:

- проанализировать эволюцию теоретических подходов к пониманию внешних связей субнациональных образований (регионов) и выявить ключевые

факторы, определившие трансформацию этих связей у российских регионов в современных реалиях;

- оценить степень и характер влияния новых геополитических реалий и национальных санкционных режимов на структурные параметры трансформации внешних связей;

- исследовать структурные аспекты адаптации внешних связей Республики Башкортостан к новым условиям. Определить, какие новые рынки (страны) и логистические коридоры стали приоритетными, как изменилась товарная специализация экспорта и импорта, и насколько успешно происходит импортозамещение в критически важных отраслях региона;

- изучить институциональную трансформацию системы управления внешними связями Республики Башкортостан в ответ на новые вызовы.

Научная новизна исследования заключается в комплексном исследовании внешних связей Республики Башкортостан в современных условиях, в рамках которого получены следующие основные результаты:

- сформулировано понятие внешних связей региона суверенного государства и сформулирована модель этих связей (в контексте проводимого исследования);

- оценены и систематизированы факторы современных трансформаций внешних связей Российской Федерации и ее регионов (на материалах Республики Башкортостан);

- раскрыто понятие адаптации Российской Федерации и ее регионов к современным геополитическим, национальным и региональным реалиям;

- выявлены уникальные черты и отличительные особенности структурно-функциональной модели адаптации внешних связей регионов России, которая характеризуется наличием многообразия инструментов, сочетающих экономическую, политическую и культурную составляющие;

- установлены характеристики институциональной адаптации внешних связей Республики Башкортостан.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что ее фундаментальные положения и выводы способствуют расширению научных представлений о механизмах функционирования внешних связей региональных образований. Достигнутые результаты обладают потенциалом различного применения в повседневной деятельности государственных структур и организаций, ориентированных в том числе на межрегиональное партнерство, при воплощении разнообразных проектов в экономической, социальной и культурной сферах. Содержание работы может быть задействовано в образовательном процессе в рамках подготовки и проведения лекций, семинарских дискуссий, а также практических занятий по курсам политологии и политической регионалистики, равно как и в научно-исследовательской деятельности.

Методология и методы диссертационного исследования основаны на положениях теорий политической регионалистики (М. Китинг, Р.Ф. Туровский и др.). Главными в диссертации являются системный анализ исследования (Г. Алмонд, Д. Истон, Т. Парсонс), который применялся при рассмотрении внешних связей региона как целостной политической системы, а также неинституциональный подход исследования (Г. Беккер, Д. Норт, М. Олсон и др.), который использовался при анализе регионов как относительно автономных политических акторов, являющихся частью государства и позволил проанализировать исторический и социокультурный контекст, определяющий развитие внешних связей.

Структурно-функциональный анализ позволил выявить роль и важность структурных компонентов внешних связей.

Институциональный подход позволил проанализировать специфику функционирования институтов в сфере внешних связей.

Методология исследования также включала исторический анализ, который помог проследить истоки и этапы развития внешних связей региона.

Ценностно-нормативный подход был использован при анализе эволюции региональных институтов для оценки степени интеграции федеральных ценностей в локальные нормы.

Для выявления и анализа тенденций трансформации внешних связей Республики Башкортостан автор проделал статистический анализ основных показателей региона, а также содержательный (по смыслу) и структурный (по контексту и формату) контент-анализ источников, опубликованных на правительственных и новостных сайтах Республики Башкортостан с января 2014 г. по май 2025 г.

Также были использованы общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Эмпирическую базу исследования составляют:

- нормативно-правовые акты Российской Федерации по тематике диссертационного исследования;
- материалы исследований, анализирующих развитие внешних связей регионов;
- материалы, отражающие основные показатели Республики Башкортостан;
- материалы масс-медиа России.

Положения, выносимые на защиту:

1) Регион в составе суверенного национального государства – это субнациональный политико-государственный субъект (актор), обладающий внутренней и внешней автономностью, ресурсами и полномочиями для самостоятельного решения проблем и задач на своей территории. Под внешними связями региона понимается весь комплекс его отношений и взаимодействия с иными акторами внутри данного государства и за его пределами.

2. Система факторов трансформации внешних связей регионов суверенных государств включает в себя:

- *глобализацию* (зависимость внешних региональных связей от изменения мировых процессов развития и включенность в них);

- *глокализацию* (нелинейное и диалектическое развитие глобально-локального взаимодействия);

- *геополитические изменения*, остающиеся сегодня ведущей движущей силой, трансформирующей внешние связи регионов России и определяющих их динамику и масштаб;

- *экономические потребности* перестройки и развития региональной экономики в современных условиях мирохозяйственной турбулентности и торговых войн, потребности развития региональной экономики в условиях антироссийских санкций, беспрецедентного политико-экономического давления и необходимости импортозамещения;

- *децентрализацию власти* под влиянием как внутренних так и внешних условий развития национальных государств, что расширяет потенциал внешних связей регионов;

- *взаимодействие приграничных регионов* различных стран в интересах обеспечения государственной безопасности, миграционного регулирования, защиты окружающей среды, в условиях чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и др.;

- *социокультурный фактор* трансформации внешних связей регионов с учетом этнических, религиозных особенностей, необходимости социально-гуманитарного сотрудничества регионов с соотечественниками за рубежом;

- *цифровизацию коммуникаций* в сфере трансформации внешних связей регионов, которая обуславливает новые технологические возможности быстрее и эффективнее развивать данные связи, в том числе в киберпространстве.

3. Под воздействием вышеуказанных факторов в настоящее время происходит адаптация внешних связей Российской Федерации и ее субъектов (включая Республику Башкортостан) к трансформирующимся современным реалиям. Под адаптацией внешних связей субъектов федеративного государства понимается приспособление (перестройка) структурных и институциональных составляющих внешних связей, их задач, структуры, оформленности, целевых

аудиторий к трансформирующимся реалиям, вызовам и угрозам с учетом потенциала имеющихся ресурсов и открывающихся новых возможностей.

Адаптация внешних связей Российской Федерации и ее субъектов включает в себя следующие отличительные черты:

1) адаптация носит не естественный, а вынужденный характер. Она навязана внешними геополитическими обстоятельствами;

2) адаптация осуществляется в условиях беспрецедентного санкционного давления, что обуславливает проведение релевантной внешним обстоятельствам государственной политики как российского государства в целом, так и его регионов;

3) процесс адаптации происходит на фоне специальной военной операции и ее последствий, требующих привлечения значительных материальных, финансовых и человеческих ресурсов.

4. Структурный аспект модели адаптации внешних связей регионов России, включая Республику Башкортостан, предполагает:

- коренную и решительную смену политико-географической и экономико-географической ориентированности внешних связей России и ее регионов с условного Запада на столько же условный глобальный Юг;

- изменение самой внутренней структуры внешнерегиональных связей и иерархии элементов всестороннего сотрудничества, их приоритетности. На первый план выходят экономические отношения. Другие сферы и направления всестороннего взаимодействия – культура, туризм, научно-образовательное сотрудничество, участие негосударственных акторов в глобальных процессах интеграции и т.д. занимают пока весьма незначительную долю во внешних региональных взаимосвязях. Таково прямое следствие вынужденного характера адаптации внешних связей регионов, нехватки финансовых и материальных ресурсов, сил и времени, готовности осуществлять в полном объеме внешнерегиональное взаимодействие.

- трансформацию прежде всего ведущего сегмента структуры современных внешних связей – экономического сотрудничества российских

регионов со своими партнерами из других стран. Речь идет о резком сужении экономического взаимодействия с ныне недружественными странами и поиск альтернативных путей развития внешних связей, ориентацию на новые рынки. Это означает сложное и порой длительное по времени выстраивание практически с нулевого цикла отношений с политико-государственной и бизнес-элитой других стран и территорий-партнеров. Кроме того, в ходе налаживания потока экспорта и импорта потребовалось формирование новой логистики, подстраивание под новые национальные и политические системы, политические культуры, бизнес-культуры, этно-культуры, местные интересы и традиции. Разница культур осложняет установление, расширение и углубление внешних связей российских регионов, сужает многообразие и снижает динамику этих связей.

5. Внутрискрутурная адаптация внешнеэкономической деятельности Республики Башкортостан к трансформирующимся реалиям состоит в:

- изменении структуры экономического комплекса Республики Башкортостан, диверсификации экономики, активном участии малого и среднего предпринимательства и расширении транспортной сети;

- существенной коррекции структуры экспорта (диверсификация экспорта, переориентация с сырьевого на несырьевой, рост доли несырьевой и неэнергетической продукции и др.);

- положительной динамике роста экспорта в дружественные страны и их регионы при расширении номенклатуры поставляемой продукции (Узбекистан, Китай, Беларусь итд).

6. Под воздействием вышеуказанных факторов в настоящее время происходила также таргетированная институциональная адаптация внешних связей регионов России, включая Республику Башкортостан. Данная адаптация предполагает обновление системы права, создание релевантных структур государственного управления, а также развитие таргетированной активности региональных органов власти в соответствии с трансформирующимися

реалиями, вызовами и угрозами с учетом потенциала имеющихся ресурсов и открывающихся новых возможностей.

Она включает в себя следующие аспекты:

- институционально-нормативный (законы, указы, решения региональных властей);
- институционально-функциональный (соответствующие органы власти: Глава региона, Правительство республики, министерства, и пр.);
- институционально-деятельностный (активность региональной власти по развитию и эффективному функционированию всей системы внешних связей).

Институциональная активность государственных органов Республики Башкортостан во многом опирается на некоторую децентрализацию российской вертикали власти, включая предоставление регионам большей автономности.

Ставка на расширение самостоятельности российских регионов является частью современной модели адаптации их внешнерегionalных связей. Это привело к расширению и интенсификации внешних связей Республики Башкортостан с большим числом дружественных стран, прямых продуктивных контактов не только с региональными, но и центральными органами зарубежных государств с целью повышения эффективности взаимодействия и реализации совместных масштабных проектов. Это новый этап и следствие институциональной активности государственных органов Республики Башкортостан.

Степень достоверности и апробация результатов работы. Результаты исследования подтверждены данными авторских исследований, статистических отчетов и публикаций в медиа, официальными документами, нормативно-правовыми актами, научными статьями.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение и рекомендована к защите на кафедре социальных и политических коммуникаций Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета. Основные выводы диссертационного исследования представлены в шести публикациях, из них три статьи

опубликованы в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ при Министерстве науки и высшего образования РФ, другие доклады представлены на научно-практических конференциях: Международная научно-практическая конференция V Соловьевские историко-философские чтения «Гуманитарные науки и общественные процессы: взаимное влияние и формирование траекторий развития» (30.11.2024, Москва), Международный форум KAZAN DIGITAL WEEK – 2024 (9-11.09.2024, Казань) и др.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения, списка источников и литературы, содержащего 255 названий. Общий объем работы - 179 страниц.

Глава 1. Теоретические основы исследования внешних связей регионов Российской Федерации

1.1. Теоретическая интерпретация внешних связей регионов суверенного государства

При определении понятия регион многие отечественные авторы обращаются к российскому законодательству [55, с.133-246]. Последнее не содержит понятия региона, но в нем наличествует термин «субъект Российской Федерации» (РФ). Тем самым происходит отождествление этих двух понятий. Так, в Конституции РФ субъект РФ может иметь формы республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа, которые формально равноправны (но на практике дело обстоит иначе – республики имеют больший вес, нежели области; республики имеют конституции, а области – уставы и пр.), обладает своим законодательством, имеет собственные и совместные с федеральной властью полномочия, причем собственные полномочия не указываются, лишь отмечается, что субъекты РФ «обладают всей полнотой государственной власти» вне границ того, что находится в зоне юрисдикции правительства Российской Федерации и вне пределов совместной компетенции [75].

Ряд других исследователей не вполне согласны с таким совмещением и указывают, что в российских реалиях регион – это часть территории государства, в которой прослеживается единство природных, социально-экономических, национально-культурных и др. условий, которая не обязательно совпадает с границами субъекта РФ, в ряде случаев может включать в себя несколько

смежных субъектов РФ [54, с. 5-19]. Например, это Урал, Западная Сибирь, Поволжье, Северный Кавказ и др.

Наиболее часто цитируется определение Р.Ф. Туровского, в котором регион – это «административная единица первого субнационального уровня», а также «часть государственной территории, которая характеризуется определенными политическими качествами и характеристиками» [156].

Можно заметить, что общей чертой в подходах к региону является его рассмотрение как части государственной территории. Действительно, регион сегодня представляет собой территорию, которая характеризуется социально-исторической целостностью. Также на его базе формируется идентичность [10], что позволяет рассматривать регион как механизм трансляции ценностей в самом широком смысле.

Для решения задач диссертации нельзя обойтись без еще одной важнейшей черты регионов – наличия организаций (региональное правительство, промышленные группы, национально-культурные объединения и пр.), которые устанавливают и поддерживают отношения с аналогичными акторами из других регионов.

С понятием «регион» тесно связано понятие «региональная политика». В рамках последней часто рассматривают и внешние связи регионов.

Исследователи выделяют следующие факторы, которые влияют на формирование региональной политики:

- масштабы, формы и векторы использования материальных и нематериальных ресурсов (включая человеческий капитал);
- местоположение (география) региона, наличие или отсутствие доступа к транспортной системе, ресурсной базе, рынкам сбыта;
- социально-экономическое состояние, включающее показатели благосостояния населения, безработицы, развитость промышленного (аграрного, IT и т.д.) производства, уровень дифференциации, диффузию инновации и пр.;
- политическая стабильность и эффективность работы регионального правительства;

- наличие собственной инфраструктуры (аэропорты, железные дороги, морские или речные порты, логистические центры, телекоммуникационные сети, энергетические объекты и т.д.) [42, с. 156-163].

Основополагающим направлением региональной политики можно считать устойчивое и поступательное развитие, для чего решаются такие ключевые задачи, как предупреждение и преодоление рисков групповых (межэтнических и пр.) и территориальных конфликтов, содействие экономическому росту, реализация программ увеличения трудоспособного населения, поддержание стабильности, модернизация с учетом требований времени и др. Решение этих задач во многом зависит от внешних связей региона, поэтому последние можно также считать важнейшим компонентом региональной политики.

Специалисты подчеркивают, что именно на региональном уровне возможно эффективно нейтрализовать негативные последствия глобализации и усилить ее положительный эффект [79, с. 145-150].

Без учета политической составляющей вряд ли можно получить полное представление о регионе. Авторы указывают, что именно механизм реализации власти и тип управления являются ключевыми для рассмотрения территориального пространства [114, с. 91-100].

Суммируя изложенное, регион можно определить как обладающий признаками внутренней и внешней автономности и акторности политико-государственный субъект (субнациональный актор) суверенного государства, располагающий необходимыми и достаточными полномочиями для самостоятельного решения проблем и задач на своей территории.

Из этого определения следует, что регион, хоть и находится в какой-либо степени подчинения центру (от степени этого подчинения прямо зависят перечни юридически зафиксированных и фактически предоставленных возможностей для самостоятельного действия), однако, является политико-государственным субъектом – актором.

«Акторность внутригосударственного региона» как понятие становится все более употребляемым в научной литературе. Одна из предпосылок этому –

расширение международных и других внешних связей регионов (субнациональных акторов), для которых уже наметилось место в своде международного права и принципов мировой политики. Вместе с тем политическая субъектность субнационального актора является весьма сложным и проблемным вопросом в праве, международных отношениях, внутренней политике [59, с. 73].

Сегодня в политической практике и научной литературе прослеживаются два основных взгляда на политическую субъектность субнационального актора. С одной стороны, считается, что внутригосударственные регионы относятся к числу акторов мировой политики [89; 91, с. 7-9; 110]. С другой стороны, скептики отрицают наличие у внутригосударственного региона возможности оказывать собственное влияние (что является основополагающим признаком акторности) на процесс принятия политических решений [93, с. 446-453; 96]. Вместе с тем достигнут консенсус относительно того, что так называемые глобальные города (те, которые имеют влияние на мировую экономику и являются ее структурными элементами: Гонконг, Лондон, Нью-Йорк, Токио, Сан-Паулу, Шанхай и др.) можно считать политическими акторами [236; 200; 25, с. 384-388; 144].

Диссертанту представляется, что вопрос об акторности внутригосударственных регионов можно разрешить на основе политической теории и практической политики. С общетеоретической точки зрения в системе демократического типа предполагается наличие нескольких центров власти, конкурирующих между собой, что прекрасно продемонстрировал Р. Даль [186].

Ключевыми характеристиками акторности называются:

- возможность влиять на политику;
- наличие ресурсов [230, р. 255-274].

Более широкий перечень включает в себя восемь признаков акторности:

- активность;
- обладание актуальными и потенциальными ресурсами;
- способность применять имеющиеся ресурсы эффективно;
- осознание собственных интересов;

- способность принимать собственные решения и проводить самостоятельную стратегию;
- способность оказывать систематическое и заметное влияние на систему;
- признание другими политическими субъектами;
- учет заявленной актором позиции другими политическими субъектами в своей деятельности [168, с. 30-35].

Альтернативная классификация критериев акторности сформулирована на основе политической практики еврорегионального строительства:

- способность определять и заявлять собственные интересы и формулировать стратегии перспективного развития;
- способность оказывать влияние на процессы в сфере экономики;
- способность осуществлять сотрудничество и взаимодействие с иными сторонами, в т.ч. негосударственными;
- способность к эффективному ведению переговоров;
- способность представлять и позиционировать себя [11, с. 486-504].

В практическом измерении именно демократической является та мировая система, представленная ООН (конечно, с рядом оговорок, которые в рамках диссертации можно опустить), или Европейским Союзом, где существует множество центров власти разного типа, и др. В таких системах присутствуют и иные формы и акторы (от транснациональных корпораций (ТНК) и глобальных общественных движений до террористических организаций), в т.ч. неинституционализованные, которые так или иначе оказывают влияние на политический процесс. Все более заметное место среди этих акторов занимают внутригосударственные регионы, которые наиболее активны в Евросоюзе и государствах, его составляющих (подробнее – далее).

Таким образом, в мировой политике и внутренней политике многих стран налицо фактическое количественное и качественное многообразие акторов и центров принятия решений, оказывающих разного рода влияние (подробнее – далее). Кроме того, согласно положениям теорий политического менеджмента, политических систем, международных отношений, систематическая

практическая деятельность какого-либо субъекта способна оказывать воздействие на политическую систему и процесс, на структуру и организацию, на связи и отношения, тем самым влияя на положение дел, меняя их, что приводит к трансформации всей системы. По сути, речь идет об одном из механизмов модернизации.

Изложенное позволяет заключить, что и современная политическая теория, и практика не препятствуют, а напротив, показывают и возможность, и фактическое оформление признаков акторности у внутригосударственных регионов. Это свидетельствует о том, что субнациональные единицы могут являться политическими субъектами со своей спецификой как в пределах государства, так и в рамках Поствестфальского мироустройства.

Регионы как субнациональные акторы (или как еще называют «нетрадиционные акторы политики или международных отношений») обладают рядом специфических характеристик, обусловленных их сложной и гибридной сущностью [6]. Во-первых, регионы так или иначе находятся в подчинении центрального правительства и одновременно с этим имеют ряд признаков государственности. Во-вторых, регионы чаще всего имеют полномочия, ядро которых примерно одинаково, но при этом регионы не являются самостоятельными военно-политическими игроками, как национальные государства.

В связи с изложенным специфика акторности регионов в сравнении с национальным государством прослеживается в различии масштабов ее применения: национальное государство преимущественно имеет дело с глобальными вопросами, а регионы – с социально-культурными и торгово-экономическими в рамках отдельных инициатив.

Еще одной важной особенностью акторности регионов является отсутствие у них суверенитета. Радикальная точка зрения на этот вопрос состоит в том, что субнациональные акторы не имеют никакой правосубъектности. В качестве доказательства приводится Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., в которой не упоминаются субъекты стран в качестве

отдельных и самостоятельных акторов при осуществлении международных отношений [26].

Однако сегодня это понимание выглядит устаревшим, особенно с учетом радикальных изменений, произошедших в 1980-е гг. и позднее, связанные с новым регионализмом и децентрализацией. Так, М. Китинг считает, что «новый регионализм отмечен двумя связанными между собой особенностями: он не ограничивается рамками национального государства; и он ставит между собой регионы в конкурентной борьбе, а не предоставляет новые роли в национальном разделении труда. Новый регионализм современен и предусмотрителен, в отличие от провинциализма, который противился переменам и отстаивал традицию. Тем не менее, старый и новый регионализмы продолжают сосуществовать в нелегком сотрудничестве, отыскивая новый синтез всеобщего и особенного» [71, с. 81; 207].

Кроме того, не стоит забывать об институте разграничения полномочий между центральным и региональными правительствами, который создает легитимную основу для акторности субнациональной единицы.

С учетом изложенного внешние связи региона можно определить как комплекс его отношений (политических, экономических, культурных и др.) и способов взаимодействия с иными акторами (государственными органами, политическими организациями, коммерческими предприятиями, общественными организациями и т.д.) как внутри государства, так и за его пределами.

В ходе расширения внешних связей регионов более четко обозначаются региональные интересы, которые в некоторых случаях не совпадают с национальными интересами и аккумулируются ресурсы, все более возрастающие с увеличением сети участников этих внешних связей (регионов, наднациональных структур, международных неправительственных организаций и др.). В связи с этим регионы обретают черты самостоятельных акторов и все чаще рассматриваются как негосударственные политические акторы мировой политики, способные оказывать значительное влияние [3, с. 25-33; 92, с.7-16].

Децентрализация – еще одно условие формирования акторности региона. В ее обоснование выдвигаются, главным образом, два аргумента, которые стали классическими:

- во-первых, местные власти больше знают обо всех обстоятельствах внутри региона и лучше владеют ситуацией [193];

- во-вторых, передача полномочий местным властям повышает степень их ответственности [204, p. 1719-1742].

Наконец, как уже было отмечено, важной особенностью регионов как субнациональных акторов является территориальность – обладание территорией делает их ближе всего к государству среди других основных негосударственных акторов глобальных процессов.

Для аналитического рассмотрения регионов как субнациональных акторов чаще всего используются материалы из области международных отношений. Например, теория Б. Рассета, Х. Старра и Д. Кинселла. Эти исследователи трактуют акторность как комплекс характеристик: самоидентификация, собственные интересы, автономность, признание со стороны других акторов и агентов, создание новых транснациональных акторов и влияние на нормативное измерение мировой политики. Все это является необходимыми компонентами акторности [233, p. 12-19].

В рамках этой теории понятие акторности служит удобным методологическим инструментом, позволяющим отделить регион (как субнациональный актор) от иных глобальных акторов и агентов и проследить динамику вовлечения регионов в международные отношения. Слабым местом этой теории является трудность определения процента соответствия кандидата в субнациональные акторы перечисленным выше критериям, а также неясность выявления конкретного способа влияния актора на глобальные (и внутригосударственные) процессы.

Особое внимание исследователи уделяют влиянию политических элит на процесс усиления акторности региона. Деятельность региональных политических элит в России существенно повышает акторность субъектов

Федерации, позволяя им выступать не просто как административные звенья, а как самостоятельные игроки в федеративной системе и на международной арене. Это влияние особенно ярко проявляется в современных условиях трансформации внешних связей регионов, когда элиты вынуждены адаптировать локальные стратегии к глобальным вызовам, сдвигам в геополитическом ландшафте, одновременно отстаивая уникальные интересы своих территорий. Такая динамика опирается на внутреннюю организацию элит, их механизмы обновления и способность эффективно распределять ресурсы, что делает регионы более устойчивыми и инициативными в политических процессах.

Меркулов А.В. обозначил, что правящая элита на региональном уровне традиционно складывается из трех взаимосвязанных компонентов, каждый из которых обеспечивает баланс власти и ее проекцию на разные сферы жизни субъекта. Политическая элита здесь предстает главным носителем властных полномочий, формируя повестку дня и принимая судьбоносные решения, которые определяют траекторию развития региона. Бюрократическая элита, в свою очередь, представляет собой сеть управленческих кадров, отвечающих за практическую реализацию этих решений, мониторинг исполнения и корректировку на ходу в ответ на возникающие проблемы. Дополняет эту систему коммуникационная и идеологическая элита, куда входят интеллектуалы, деятели культуры, религиозные лидеры и журналисты, которые не только формируют общественное восприятие власти, но и создают идеологическую основу для ее легитимности [102, с. 120]. В совокупности такая триединая модель должна гарантировать не только внутреннюю сплоченность элиты, но и ее способность к эффективному диалогу с федеральным центром, где региональные приоритеты интегрируются в общенациональные стратегии, усиливая позиции субъекта в общей федеративной архитектуре и открывая двери для внешних инициатив.

Эксперты неоднократно отмечали наличие глубоких расхождений среди элитных групп по фундаментальным темам: от моделей экономических реформ и модернизации институтов власти до критики федеральной политики и

концепций роли России в мировом порядке. Эти противоречия напрямую влияют на характер современной российской государственности, поскольку специфика регионального роста и стабильности во многом предопределена особенностями мышления и поведения правящих кругов как в столице, так и в провинции. Процессы смены элит, включая жесткий отбор кадров и целенаправленную селекцию наиболее подходящих фигур, превращаются в настоящую лабораторию для отработки новых методов координации между региональными властями и федеральным центром, включая цифровизацию управления и гибкие механизмы обратной связи. В итоге, региональная политическая элита предстает уникальной социальной прослойкой: ее представители доминируют в вертикали власти иерархического общества, занимают ключевые посты в аппарате управления, а также аккумулируют разнообразные ресурсы как финансового характера так и административного и пр. Это дает им возможность не только официально руководить регионом, но и вмешиваться в процессы неформально, направляя региональную политику в выгодное русло и продвигая личные или групповые интересы [99].

На переднем плане всегда оказываются влиятельные персоны, такие как Главы республик, губернаторы, депутаты региональных законодательств, представители крупного местного бизнеса и руководители силовых ведомств, которые фактически определяют распределение бюджетных средств, долгосрочное планирование и характер отношений с федеральным руководством. Благодаря этому регионы эволюционируют в статус активных субъектов, способных инициировать собственные проекты и реагировать на внешние сигналы с опережением. Особенно показательны в этом плане ресурсные республики вроде Башкортостана и Татарстана: их элиты последовательно добиваются особого положения в федерации, вплетая регионы в глобальные сети вроде БРИКС через многосторонние переговоры, совместные инвестиционные платформы и альтернативные логистические коридоры. Деятельность этих элит наглядно демонстрирует акторный потенциал территорий — они проводят экономические маневры, адаптируя производства

под новые рынки, и ведут необходимую деятельность на субнациональном уровне, что приобретает особую остроту после пандемии COVID-19, в рамках проведения специальной военной операции и в эпоху западных санкций. В эти годы региональные лидеры организовывали антикризисные меры, стараясь сбалансировать внешние ограничения с локальными потребностями в рабочих местах, инфраструктуре и социальной поддержке, что не только стабилизировало экономику, но и стимулировало диверсификацию партнерств на глобальный Юг.

Но несмотря на очевидные успехи, в системе остаются серьезные угрозы нестабильности: доминирование «партии власти» в составе элит гарантирует предсказуемость и лояльность центрального правительства, но жестко подавляет плюрализм мнений и конкуренцию за посты, что со временем приводит к застою и потере гибкости. В условиях стремительных перемен во внешней политике от торговых войн до технологических блокад, подобная жесткость рискует ослабить адаптационные способности регионов, делая их уязвимыми перед новыми шоками. Для закрепления долгосрочной акторности требуется постепенная трансформация в сторону гибридных моделей, где сочетаются централизованный надзор с зонами здоровой конкуренции, а ротация элит стимулируется не только сверху, но и за счет местных инициатив, с учетом культурных и экономических особенностей каждого субъекта. В конечном счете, способность региональных элит к стратегическому балансу между лояльностью центру и автономными маневрами становится определяющим фактором для успешной трансформации внешних связей российских регионов, подчеркивая их не последнюю роль в эволюции федерализма в посткризисной России [103].

Еще одной актуальной и эффективной аналитической рамкой для рассмотрения современного региона является концепция «Европа регионов», сформулированная Д. де Ружмоном, состоит из нескольких основополагающих принципов, предлагающих альтернативную модель европейского пространства, состоящего не из национальных государств, а из малых автономных коммун, что должно обеспечить и гарантировать «культурный партикуляризм», максимально

свободное экономическое сотрудничество и совместное развитие. Таким образом, в концепции упраздняется идея и форма национального государства и предлагается новая модель территориального политического устройства и системы управления – совета региональных агентств, уполномоченных на рассмотрение вопросов в какой-либо отрасли или сфере. Эта идея получила выраженную поддержку и нашла многочисленных сторонников в Европе. Примечательно, что де Ружмон определяет регион как сугубо политическую единицу, базирующуюся на культурной, этнической, языковой общности [189]. Как видно, здесь отсутствует географическая составляющая, которая является ключевой для определения региона в большинстве подходов.

Одной из форм реализации идей регионализма на практике в Европейском Союзе является созданная для нужд статистики номенклатура NUTS (Номенклатура территориальных единиц для целей статистики), которая включает классификацию территориальных единиц и является стандартом территориального деления европейских государств. Актуальная ее версия действует с 1 января 2021 г. и предполагает три региональных уровня:

- NUTS-1, на котором находятся 92 региона;
- NUTS-2, на котором находятся 242 региона;
- NUTS-3, на котором находятся 1 166 регионов.

Только к регионам второго уровня может применяться региональная политика. Иными словами, на втором уровне находятся субнациональные единицы, обладающие признаками акторности. Однако, Европейский Комитет регионов состоит из 329 членов из всех 27 стран-членов ЕС, что показывает его инклюзивный характер и организационную гибкость. При этом Швеция и Эстония исторически не вовлечены в регионализм, но широко поддерживают это общеевропейское движение, в т.ч. направлением своих представителей в Комитет регионов [238]. Вместе с тем в Европе есть и случаи не очень охотной поддержки регионализма. Например, в традиционно тяготеющей к унитаризму Франции (хоть и являющейся децентрализованной с точки зрения территориальной организации страны [19, с. 109]) с большим трудом

продвигается дело формирования претендующих на самостоятельность региональных правительств и представительств [201]. Такую ситуацию нельзя рассматривать как создание искусственных препятствий центральным правительством, т.к. та же Франция активно участвует в реализации таких альтернативных инициатив, как создание еврорегионов на прилегающих территориях разных стран – не обладающих прямой политико-государственной властью приграничных сообществ европейских стран, участвующих в международном трансграничном взаимодействии. По данным Еврокомиссии, в ЕС наличествует 158 еврорегионов, которые активно реализуют трансграничные проекты [189].

Категория «субнациональный актор» включает в себя разные типы акторов: например, в составе государства это не только регионы, но и города («глобальные города»).

Города как субнациональные единицы отличаются рядом особенностей: прежде всего ситуативностью своего участия во внешних связях [206, p.531-550]. Подобно другим акторам они активно участвуют во внутригосударственных и глобальных процессах, их значение, особенно «глобальных городов» в финансово-экономической сфере, постоянно увеличивается. Однако их полномочия и право участия естественным образом ограничивается (помимо ограничений, накладываемых политикой государства и тех, что зафиксированы на законодательном уровне) определенными областями [173]. Поэтому наблюдается формирование транснациональных сетей городов, через которые последние артикулируют и продвигают свои интересы и утверждают свой статус влиятельного актора [100, с.73-86; 184, p. 8-17; 198, p. 559-592]. На сегодняшний день действует организованная в 2004 г. Всемирная организация «Объединенные города и местные власти» (United Cities and Local Governments) [246]. Это глобальная сеть муниципалитетов, мегаполисов и регионов, а также их объединений, созданная для укрепления роли местных и региональных властей в процессе принятия глобальных решений. Всемирная организация ОГМВ состоит из 7-ми региональных отделений, отделений мегаполисов и отделений

регионов.

Проблематика развития такого типа регионов, как город, занимает довольно заметное место в современной науке [170, с. 483-488], особое внимание уделяется актуальным аспектам публичной политики города, процессам новой гуманизации и цифровизации [171, с. 169-177].

Российские исследователи концентрируются на сюжетах вовлечения рядовых граждан в процесс принятия решений на уровне города, построение интерактивной цепочки взаимодействий между городскими властями и горожанами, повышение уровня информированности и степени компетентности горожан о городской жизни, ее событиях [32, с. 88-96; 35, с. 63-68]. Исследования, посвященные этому типу региона, интенсифицировались в связи с коронакризисом, в ходе которого возникли новые социальные явления. Например, отмечается динамика стихийного участия в протестных акциях, в гражданской самоорганизации, в моделях электорального поведения, появилось движение «рассерженных горожан» [123, с. 118-129]. Вообще, современные авторы все чаще обращают внимание на перемещение исследовательского фокуса с проблематики электронного правительства и кибербезопасности [209] на темы «умных граждан», гармоничного развития человека, природы и техники [218], на первое место выходят вопросы «преодоления наследия индустриальной эпохи», а также возможности и угрозы нового мира в условиях цифровизации и цифровой среды [147; 210, с. 170-182]. Этот тренд не обошел стороной и политическую регионалистику, что особенно заметно по росту публикаций, посвященных «умным городам», хотя этот термин имеет неоднозначные оценки и подвергается критике [243].

Внешние связи городов являются одним из эффективных способов решения задач городского развития.

В отечественной политической науке существует консенсус относительно признания региона (субъекта Российской Федерации) актором, при этом отмечается, что «региональная политика «зажата» между внутренними подсистемами (муниципалитеты) и внешними для нее надсистемами

(федеральная политика России, международные отношения)», предлагается «концепция региональной стратификации политического пространства, которая позволяет конкретизировать диапазоны и формы связи «регион – муниципалитет», «регион – федеральный центр», «регион – актер международных отношений» в контексте понятия о единой системе публичной власти в России» [47, с. 151-164].

Определение специфики современного внутригосударственного региона в качестве политического актора позволяет аналитически рассмотреть его внешние связи.

В настоящее время в научной литературе употребляются разные понятия для описания связей государственных регионов как внутри государства, так и за его пределами. Чаще всего встречаются такие, как «внешние связи», «межрегиональное сотрудничество», «межрегиональное, международное сотрудничество», «парадипломатия», «приграничное сотрудничество». Следует проанализировать и сопоставить их.

Начиная с 70-х годов XX века в зарубежной политической науке для обозначения международной деятельности субнациональных органов власти стал использоваться термин «парадипломатия» [68, с. 301]. Понятие «парадипломатия», насколько известно, ввел в оборот Панайотис Солдатос как описание «внешнеполитической деятельности нецентрального правительства» [240, р. 34-53]. Его дальнейшему распространению способствовали работы И. Духачека, который стал использовать его взамен собственного концепта «микродипломатия» [188, р. 1-33]. В дальнейшем Ж. Паллар показал усилия органов Европейского Союза для развития парадипломатии: политика этого наднационального образования создает условия для перехода от деятельности по сокращению разного рода разрывов между европейскими субнациональными единицами к ведению полноценной автономной политики последними, которые становятся полноправными партнерами для общеевропейской системы власти. Например, Европейская комиссия может напрямую взаимодействовать с региональными властями [228, р. 653-656].

В современной научной литературе, посвященной парадипломатии, значительный вклад вносят российские исследователи А.А. Баков, В.Г. Благодатских, Т.В. Вербицкая, А.А. Керимов, Е.Б. Михайленко и другие авторы, которые анализируют теоретические подходы к определению данного понятия. Авторы подчёркивают, что зарубежные концепции обычно структурируют парадипломатию в три последовательных «слоя» или уровня развития внешних инициатив.

На начальном этапе, первом «экономическом слое», акцент делается на финансово-хозяйственных интересах. Региональные органы власти целенаправленно наращивают международное присутствие, чтобы стимулировать инвестиции из-за рубежа, привлекать иностранные компании для совместных проектов и открывать экспортные каналы на новые рынки. Этот уровень намеренно избегает политической ангажированности и культурных факторов, фокусируясь на материальной выгоде.

Переходя ко второму уровню, парадипломатия направлена в сторону комплексного сотрудничества, охватывающего культурные обмены, образовательные программы, научно-технические коллаборации и совместные инновационные проекты. Здесь внешние связи регионов становятся существенно шире и многопрофильнее, поскольку преследуют не только положительный экономический эффект, но и долгосрочные цели взаимопонимания и обмена опытом.

Вершиной модели выступает третий уровень, насыщенный политическим содержанием. Региональные элиты выстраивают глобальные партнёрства, направленные на демонстрацию и укрепление культурной идентичности, а также политической автономии своего сообщества, что способствует повышению его влияния в международном измерении [142, с. 16-17].

Концептуальная призма дипломатических и международных отношений предоставляет, пожалуй, наиболее разработанную и относительно релевантную оптику для рассмотрения внешних связей регионов. Именно поэтому ей отдают предпочтение многие авторы. Вместе с тем региональное измерение,

обладающее очевидной спецификой, не абсолютно совместимо с теоретико-методологической базой дипломатии. Для преодоления разрыва исследователи формулируют новые подходы, которые сводятся к представлению новых акторов на субнациональном и супернациональном уровнях, а также в негосударственной сфере (негосударственные организации): Дж. Уайзман предложил понятие многосторонней дипломатии [251], Р. Санер и Л. Ию сформулировали концепт полицентричной дипломатии [235, р. 41] и т.д. Такое развитие дипломатии встречает поддержку среди представителей разных направлений и школ: неореалистов (сомневающих в монополии центрального правительства на международные отношения), неолибералов (указывающих на плюрализм акторов), федералистов (сторонников многоуровневого управления) и, наконец, регионалистов, исследующих международную деятельность регионов, параллельную той, что ведет центр. При этом подчеркивается позитивный потенциал новых подходов, который состоит в том, что они открывают новые возможности для бизнеса, торговых отношений, инвестиций, трансформации глобальной экономики [211]. Кроме того, эти подходы могут сыграть положительную роль в понижении конфликтности национализма, могут придать ему мирный характер и оформить его в системе права. Указывается, что на практике эти подходы могут быть реализованы как в согласии с центром, так и вопреки его политике, что зависит от отношений, сложившихся между центром и регионами. Для характеристики этих отношений А. Тренч предложил три их типа:

- функциональный, который отражает взаимное влияние правительственных структур по техническим вопросам;
- финансовый, который характеризует решение финансовых вопросов;
- ориентированный на саммит, который отражает коллегиальное решение вопросов политики и обсуждение конституции [245, р. 224].

Зарубежными авторами парадипломатия интерпретируется как «субнациональная дипломатия» (субгосударственная). Охватываемые ей мероприятия региональных властей оформляются в специфическое

самостоятельное явление, динамично растущее и развивающееся, правда, в разных формах и объемах, с разной частотой и интенсивностью.

Ряд исследователей критикуют использование понятия парадипломатии, указывая на заложенное в нем противопоставление интересов центра и регионов, на санкционируемый им конфликт между региональными и центральными уровнями [197, р. 35-36]. Такая ситуация угрожает национальному единству, но при этом содержит в себе новые возможности для регионов [224, р. 287-297].

Авторы, соглашаясь в том, что парадипломатия является составной частью дипломатии, спорят относительно того, какие именно институты являются источником и законным исполнителем дипломатических отношений. Одни отдают предпочтение государству, подчеркивая, что только четко фиксируемые властные институты государств участвуют в формировании дипломатических отношений [183]. В таких процедурах участвуют только представители политико-государственной элиты – дипломаты, действующие по строгому регламенту, который требует большого количества времени. Другие, опираясь на реальную практику, утверждают, что сегодня фактически дела обстоят таким образом, что международные отношения создаются и осуществляются огромным числом самых разных акторов, которые прямо или косвенно участвуют в дипломатической деятельности [175, р. 43-48].

Действительно, естественным образом политические и общественные деятели регионального уровня в разных странах мира сближаются по своим интересам, их взаимодействие ширится, особенно, в рамках конкретных направлений (экологического, культурного и др.). Благодаря этому, к принятию решений подключается самый широкий круг заинтересованных групп и неправительственных и некоммерческих организаций, процесс принятия решений ускоряется и становится более эффективным.

Р. Купер назвал этот процесс «сетевой дипломатией» и охарактеризовал его как «открытую и транснациональную кооперацию» [181, р. 76]. Сетевая дипломатия – это не организационная структура, а горизонтальное объединение множества заинтересованных сторон, связанных общей целью и находящихся в

зависимости друг от друга. Несомненным преимуществом таких отношений является повышение ответственности и самоотдачи каждого участника, стремящегося путем внесения своего вклада максимизировать общий эффект от систематического сотрудничества. Примером здесь служит одно из направлений деятельности Британского совета, который выстроил сеть из тринадцати заморских отделений для совместной разработки, реализации, координации глобальных проектов и программ.

Понятие «приграничное сотрудничество», очевидно, имеет четко очерченную область применения, оно относится исключительно ко взаимодействию прилегающих друг к другу политико-территориальных образований разных государств. Наиболее широкий пласт исследований в этом направлении фокусируется на опыте разнообразных по уровню развития субнациональных единиц Европейского Союза, которые активно институционализируют формы своего объединения для совместного решения общих проблем, для решения задач углубления европейской интеграции, содействия росту социального благосостояния и экономическому процветанию, для помощи менее успешным соседям, для кризисного регулирования и пр. [195, р. 1-21; 223, р. 265-280; 234, р. 91-99; 237, р. 75-92]. Кроме того, приграничное сотрудничество рассматривается как значительная составляющая демократизации и процесса, направленного на улучшение взаимопонимания и снижение степени конфликтности [213, р. 365-382; 225, р. 35-56; 242, р. 669-687].

Р. Кеохейн и Дж. Най рассматривают сотрудничество в целом как ситуацию, в которой субъекты управляют своим поведением с учетом имеющихся у них ожиданий и существующих у других предпочтений посредством взаимной координации [208, р. 329-349]. В свою очередь, Ж.П. Деррьенник интерпретирует сотрудничество как взаимное удовлетворение результатами и обоюдное достижение целей [187]. В диссертационном исследовании под межрегиональным сотрудничеством понимаются совместные действия нескольких сторон на основе объединения ресурсов, сочетания общих интересов и взаимных уступок с целью достижения взаимовыгодного

результата. Очевидно, такое сотрудничество включает в себя два ключевых компонента:

- общность задач и целей;
- взаимная выгода от участия в процессе принятия решений.

Основным условием здесь является не столько исполнение императивного требования оказания помощи другому участнику отношений, сколько ориентация на то, что оказанная помощь позволит улучшить общее положение дел и в долгосрочной перспективе принесет пользу тому, кто ее оказал. Пожалуй, основной сложностью в построении межрегионального сотрудничества является согласование интересов сторон. Эта процедура чаще всего занимает очень много времени и отнимает много сил у всех участников. Для примера можно привести опыт Европейского Союза, в парламенте которого решения могут обсуждаться годами без видимого результата, на первый взгляд. Однако более глубокое рассмотрение позволяет увидеть результат, например в том, что в ходе обсуждения повышается культура диалога, стороны сближаются, лучше узнают друг друга, тем самым возникают доверительные отношения, что, несомненно, играет значимую роль в достижении результата по итогам достигнутых договоренностей. При этом, конечно, нельзя упускать из виду стремление каждого актора к доминированию, к сохранению суверенитета, продвижению своих интересов в процессе регионализации и в ходе межрегионального сотрудничества, в использовании результатов сотрудничества [73]. С одной стороны это стремление препятствует достижению согласия и ставит под угрозу весь процесс, однако, с другой стороны, это стремление, подталкивая участников к поиску новых ресурсов и возможностей укрепления своей позиции, часто парадоксальным образом приводит к мысли о том, что искомой цели проще достичь путем взаимных уступок и объединения усилий на основе общего интереса. Это приводит к такому положению, которое в теории международных отношений называется балансом сил.

Европейская рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве между территориальными сообществами или органами власти трактует

трансграничное взаимодействие (transfrontier cooperation) как целенаправленные совместные усилия, предпринимаемые для развития и поддержки добрососедских связей между сообществами или властями различных территорий, попадающих под юрисдикцию двух или более договаривающихся сторон. К этому относятся любые договорённости и механизмы, необходимые для реализации указанных целей укрепления межтерриториальных отношений [174]. В более широком контексте Европейского Союза межрегиональное сотрудничество (interregional cooperation) охватывает любые формы взаимодействия между регионами государств-членов, включая трансграничные процессы. Такой подход подчёркивает гибкость и многоуровневость региональной дипломатии в ЕС, способствуя интеграции и гармонизации на субнациональном уровне [192].

Российские исследователи также отслеживают процессы приграничного сотрудничества субъектов федерации, что неудивительно по причине протяженности российских границ и особенностей политико-территориального устройства нашей страны [41, с. 5-24; 101, с. 54-59; 149, с. 17-27; 153, с. 58-64; 143, с. 11-25]. Большое внимание при этом уделяется трудностям выхода регионов в сферу международной деятельности, обусловленную относительно небольшим опытом, непрекращающейся централизацией власти, центробежными и центростремительными тенденциями [111, с. 174-185]. Обширность проблематики приграничного сотрудничества обусловила формирование отдельного направления – лимологии, в рамках которого исследуются феномен границ и разнообразные аспекты межрегионального взаимодействия, связанного с границами [39, с. 560-566]. Вместе с тем сложность этой проблематики, особенно в условиях политической централизации, настраивает на скептический лад: некоторые авторы отмечают, что каждый регион необходимо анализировать отдельно ввиду уникальности его экономико-географического положения, особенностей ресурсной базы, управленческими возможностями и другими местными особенностями [24, с. 5-14].

В российском политическом процессе и законодательстве употребляются

понятия: «приграничное сотрудничество», «международное сотрудничество регионов», «внешнеэкономическая деятельность субъектов РФ», «гуманитарное сотрудничество» [51, с. 95-99].

Некоторые авторы при обсуждении вопросов приграничного сотрудничества используя термин «внешние связи» [138, с. 177-206], приходят к выводу, что исследование внешних связей (как бы они не определялись) субнациональных акторов оформилось в отдельное научное направление [60, с. 457-471].

В связи с изложенным в диссертации предлагается понятие «приграничное сотрудничество» считать составной частью более общей категории «внешние связи». Кроме того, диссертант предлагает в понятии «внешние связи» объединить все виды отношений регионов с иными акторами как внутри государства, так и за его пределами.

Внешние связи регионов находятся в юрисдикции государств, в составе которых находятся эти регионы, они не регулируются международным правом. Определяющим фактором для их реализации является форма государственного устройства, зафиксированная в конституции: самые большие возможности в этой сфере имеют субъекты конфедераций и существенен потенциал частей федераций, т.к. именно в этих формах предусматривается относительно самостоятельная внешняя деятельность регионов, а также наличествует соответствующая нормативная правовая база. В последнее время наблюдается подключение к собственной внешней деятельности и территорий государств с унитарной формой устройства. Это особенно ярко заметно в практике межрегионального и межмуниципального взаимодействия на пространстве Европейского Союза, которое поначалу было случайным, а сейчас стало систематическим и постоянным.

Влияние внешних (международных) связей регионов на внешнеполитический курс государства раскрывается в модели, состоящей из трех элементов [137, с. 29-31]:

- самостоятельно (либо в координации с центральным правительством)

установленные регионами двухсторонние и многосторонние международные связи в приоритетных сферах (экономической, культурной, научно-образовательной и др.), расширение и частота которых увеличивают пространство взаимодействия и, следовательно, общий положительный эффект от сотрудничества;

- различные формы неполитического (аппаратного, управленческого) взаимодействия центрального и регионального правительств, в рамках которых создаются совместные организационные структуры, что способствует снижению бюрократических издержек и повышению результативности, например, в ходе работы межправительственных комиссий, парламентского сотрудничества, спортивных мероприятий;

- различные формы политического взаимодействия (по вопросам власти и пр.) центрального и регионального правительств: совместная разработка международных договоров, участие в международных переговорах и пр., что позволяет усилить позицию национального государства (и/или региона).

Дж. Блаттер предложил три группы принципов в качестве оснований трансграничного сотрудничества, которые можно применить к рассмотрению внешних связей регионов:

- идейные,
- утилитарные,
- конкретно-целевые [176, p. 503-526].

Во внешних связях регионов эти принципы раскрываются следующим образом. Идейная группа является фундаментом для формирования общих смыслов, ценностей, нарративов и т.д., мотивирующих, обосновывающих и объясняющих межрегиональное сотрудничество, обнаруживающих способность к внешним связям, возможности их построения. Утилитарная группа является базой, обеспечивающей совместные взаимовыгодные проекты в сфере бизнеса, торговли, предпринимательства, она охватывает потенциал конкурентных преимуществ, сосредоточена на получении пользы от приложения общих усилий к достижению единой цели в рамках многостороннего сотрудничества.

Конкретно-целевая группа означает целеполагание, рассматриваемое как идентификация общих интересов (стратегических и/или тактических, ситуационных), а также способности и возможности обоюдного лоббирования интересов, совместное решение задач и достижение общей цели.

Наиболее пристальное внимание внешним связям регионов уделяют исследователи неолиберального направления. В его рамках повышение роли регионов в принятии решений на национальном и международном уровнях не обязательно подрывает государственный суверенитет, однако, способствует укреплению сотрудничества национальных государств с:

- наднациональными структурами;
- негосударственными акторами;
- транснациональными корпорациями (ТНК) и пр.,

а также, глубже встраивают национальное государство в сеть международных отношений, прочнее интегрируют национальное государство с разными институтами и усиливают взаимозависимость всех участников международных отношений [217].

В таком рассмотрении внешние связи регионов представляются формой мягкой силы (или гибкой власти), предполагающей участие негосударственных акторов в глобальных процессах и формировании повестки посредством построения сетей с целью содействия укреплению положительного восприятия государства и роста его влияния в мире [226].

Что касается моделей внешних связей регионов, то в мировой практике выделяются три основные модели организации внешних связей регионов, каждая из которых имеет свои особенности, преимущества и ограничения, обусловленные историческим развитием, политической культурой и конституционным устройством соответствующих государств:

1. Атлантическая модель основана на принципах нового регионализма, концепции «Европы регионов» и опыте Северной Америки. В рамках этой модели регионы обладают значительными юридически закрепленными полномочиями и широкими возможностями для самостоятельного выстраивания

международных связей. Это позволяет им активно участвовать в глобальных процессах, привлекать инвестиции и развивать партнерские отношения с другими регионами и странами.

2. Китайская модель характеризуется интенсивной, но опосредованной международной активностью регионов. Все инициативы и проекты реализуются в рамках генеральной линии центрального правительства, что обеспечивает согласованность действий и извлечение взаимной выгоды для всех сторон. Такая модель позволяет сочетать централизованное управление с гибкостью и инициативностью на региональном уровне.

3. Российская модель формально является федеративной, но на практике имеет выраженные элементы вертикали государственной власти. Это означает, что регионы обладают определенной степенью самостоятельности, но их внешняя активность во многом зависит от поддержки и координации со стороны федерального центра. согласования всех значимых инициатив с федеральными органами власти. Тем не менее, в последние годы наблюдается тенденция к расширению полномочий регионов в сфере международного сотрудничества, что связано с осознанием важности региональной составляющей во внешней политике государства и необходимостью более полного использования потенциала субъектов Федерации для решения общенациональных задач.

Д. Крикеманс на материалах деятельности конкретных государственных субъектов выделил следующие модели внешнеполитической деятельности регионов:

- модель Фландрии и Валлонии в Бельгии, видимо, наиболее активных в международной деятельности регионов на европейском пространстве, отдающих приоритет культурной и образовательной политике;

- модель Шотландии в Соединенном Королевстве, которая имеет законодательно закрепленный перечень полномочий, в своей внешнеполитической деятельности самое большое внимание уделяет укреплению имиджа;

- модель земель ФРГ, сосредоточенных почти только на техническом

сотрудничестве регионов по всему миру;

- модель Каталонии в Испании, Институт культуры которой наиболее активно реализует интегрированные программы культурно-экономического межрегионального сотрудничества, в которых делается ставка на популяризацию культурных достижений каталонцев и продвижение каталонской идентичности, посредством которых достигается узнавание, устанавливается взаимопонимание и контакты с другими регионами, растет престиж и влияние Каталонии, что используется для укрепления экономических связей [182, p. 37].

Несмотря на различия представленных моделей, в них прослеживаются общие черты, а именно:

- упор на программы улучшения имиджа и репутации региона посредством распространения оптимизированной информации о богатой региональной культуре и устойчивой идентичности, формирования образа сложившейся нации, а не этнического меньшинства;

- акцент на образовательные, экологические, туристические и культурные инициативы, нацеленные на обмен опытом и привлечение инвестиций, фондрайзинг, поиск внешних партнеров для реализации совместных проектов;

- направленность на повышение статуса региональных властей.

Общие черты и специфика внешних связей разных регионов раскрываются на материалах Уэльса и Шотландии, которые демонстрируют «значительные сдвиги», произошедшие в их внешних связях [53, с. 42-51].

Например, несмотря на приоритет парламентского суверенитета Соединенного Королевства в условиях децентрализации в Уэльсе и Шотландии появились новые органы региональной власти, легализация и легитимация которых потребовала принятия ряда документов – конкордатов и меморандума понимания, а также дополнительных соглашений. Но наиболее важно то, что возглавляющие эти регионы министры не входят в центральное правительство Соединенного Королевства, т.е. не подчинены ему.

Стоит напомнить, что Шотландия получила свою автономию в 1999 г. К

настоящему времени ей уже удалось заявить о себе как о нации с особой историей, культурой, идентичностью. В составе органов ее государственной власти находится Совет международной публичной дипломатии, который занимается внешними связями в сфере международной торговли, международного туризма, международного образования. Также функционирует организованное по горизонтальному принципу Министерство по Европе, внешним отношениям и культуре, которое координирует внешнеполитическую деятельность. Интересно отметить, что во внешнеполитической деятельности Шотландии участвуют и структуры Соединенного Королевства, например – Интернациональный и Британский совет Шотландского развития.

Наиболее активно используются такие формы внешних связей, как зарубежное политическое представительство, «эксклюзивный договор» (с одним зарубежным регионом), «общий договор» (с рядом зарубежных регионов), проведение международных культурных мероприятий (Эдинбургские фестивали, Игры содружества), участие в международных конференциях и конгрессах. При этом активно привлекаются неправительственные организации и представители гражданского общества. Например, эксклюзивный договор действует с Баварией, общий договор заключен с бельгийскими субнациональными единицами, расширяется договорное сотрудничество с Квебеком, землей Рейн-Вестфалия, Тосканой, австралийским штатом Виктория, китайской провинцией Шаньдун, Каталонией и др. Также выстроена сеть из семнадцати зарубежных представительств в США (Вашингтон), Европейском Союзе (Брюссель), КНР (Пекин), Бельгии, Канаде и др. Шотландия активно задействована в ключевых европейских платформах регионального представительства, что подчёркивает её значимость в институтах ЕС. В частности, она представлена в Комитете регионов Европейского Союза, Конгрессе местных и региональных властей Европы, Конференции периферийных морских регионов (CPMR), а также в Группе регионов с особыми законодательными компетенциями (REGLEG). Участие в этих структурах позволяет шотландским властям продвигать интересы автономии на

наднациональном уровне, координировать политику по экономическому развитию, устойчивости и трансграничным вопросам, а также влиять на формирование общеевропейских стандартов региональной автономии.

Еще один регион Соединенного Королевства – Уэльс – также активно расширяет внешние связи. В отличие от Шотландии, его правительство находится в зависимости от центральной власти (что является причиной значительно меньшей политизированности его внешних связей), однако, в его отношении в 1997 г. проведена процедура деволюции – передачи части полномочий Национальной ассамблее Уэльса – Сенедду, начавшему работу в 1998 г. (полномочия были расширены в 2006 и 2013 гг.), который может редактировать центральные законы применительно к специфике региона [20, с. 7]. Эти обстоятельства определили основную направленность внешних связей на взаимодействия в сфере культуры, в сфере экологии, на торгово-экономическое сотрудничество и привлечение инвестиций, на конструирование идентичности посредством культурных мероприятий, ориентированных на внешние аудитории. Например, правительства Уэльса и Катара организовали культурное сотрудничество и форум по вопросам культурного наследия валлийцев и катарцев [248]. Также Уэльс стал территорией проведения конференции «Морские нации», инициировал ряд гуманитарных программ («Уэльс для Африки» и др.), начал бизнес-проекты, ориентированные на расширение торговых отношений и привлечение инвестиций («Международный деловой Уэльс» и др.) [249; 250]. Активно развивается сотрудничество и с Европейским Союзом, особенно в сфере сельского хозяйства: в Брюссель регулярно приглашаются представители этого региона на заседание профильных общеевропейских наднациональных структур власти; регион представлен депутатами в Европарламенте и в Комитете регионов, функционирует представительство Уэльса в Брюсселе [36]. Кроме того, Уэльс участвует в Конференции периферийных морских регионов, в проектах «Цели развития тысячелетия», «Справедливая торговля и глобальное гражданство», поддержал Киотский протокол и т.д. [229, p. 145-146].

Для анализа новых обстоятельств П. Катценштайн и Р. Сил предлагают новый аналитический инструмент – понятие «аналитический эклектизм», которое, по их мнению, позволяет исследовать те случаи, в т.ч. внешние связи регионов, которые не укладываются ни в одну из существующих общепринятых теоретических рамок, путем совмещения разных положений и подходов [239, р. 411-431].

Все большее внимание исследователей привлекает опыт Китайской Народной Республики в сфере межрегионального взаимодействия. Такой выбор обусловлен тем, что в этой стране создано большое многообразие технологий адаптации регионов к условиям глобализации, разнообразие административно-территориальных образований [254], которые довольно сильно отличаются друг от друга по культуре, уровню развития, ориентации внешних связей, спецификой китайской политической системы и территориального устройства, не являющегося федеративным [255], что дает возможность провести сравнительный анализ внешних связей большого числа самых разных регионов в рамках одного государства. При этом в международной политике КНР строго придерживается курса на приверженность государственному суверенитету и территориальной целостности [90, с. 125-133]. Таким образом, особая модель внешних связей регионов КНР нуждается в отдельном рассмотрении.

Сю Ченган описывает административно-территориальное устройство КНР как «регионально децентрализованную авторитарную систему» [252, р. 1076–1151]. Стоит пояснить, что в политической жизни КНР не наблюдается строгой приверженности формализованным в Конституции принципам, приоритет отдается конструктивному и поступательному движению политического процесса, нацеленного на конкретный результат. Особенно заметно такое расхождение в сравнении положений Конституции и реальной политикой. Так, согласно Основному Закону, собрания народных представителей и народные правительства, образуемые в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения представляют центральное правительство. Вместе с тем ст. 115 китайской Конституции допускает автономию в приспособлении

директив центра к местным условиям. На деле же полномочия местных властей, особенно по сугубо экономическим вопросам, довольно значительны, центр реально контролирует весьма узкий перечень вопросов. Это действительно своеобразная система управления, парадоксально сочетающая централизацию и децентрализацию. Непротиворечивость и эффективность этой системы достигается, в основном, при помощи института ответственности конкретных персон в региональных правительствах перед центральным правительством и Коммунистической партией Китая, ведь именно центром назначаются и продвигаются по службе региональные чиновники. Поэтому местные власти, с одной стороны, строго следуют политике центра, с другой же стороны, прилагают все свои силы для эффективного решения местных проблем, пока они не привлекли внимание центра и не вынудили бы центр реализовать свои формальные полномочия. Таким образом, пока регион выглядит спокойным и процветающим, демонстрирует разнообразные показатели роста, то центральное правительство предпочитает не вмешиваться в его внутренние дела и вместе с тем поощряет местное руководство, которое одновременно накапливает потенциал.

Основа для самостоятельных действий региональных властей была заложена в период реформ Дэна Сяопина (с 1979 г.), когда на региональный уровень было передано право использовать по своему усмотрению доходы, полученные сверх установленной нормы. Это решение стало очень существенным стимулом для местных властей в их деятельности, повлияло на последующий беспрецедентный экономический рост КНР, помогло в полном объеме выполнить все социальные обязательства не только за счет государственного бюджета, но и на средства региональных бюджетов [177, р. 1-13]. В связи с тем, что не были установлены ограничения на привлечение инвестиций из-за рубежа, региональные власти Китая с самого начала 1980-х гг. начали конкурентную борьбу за инвестиции иностранных компаний, за размещение филиалов и производств транснациональных корпораций, а также за организацию особых экономических зон [204, р. 1719-1742]. Идея последних,

кстати, возникла в провинции Гуандун, эти зоны стали значительным фактором влияния местных властей и превратили КНР в одного из крупнейших мировых получателей прямых иностранных инвестиций.

Региональные власти в Китае располагают широким арсеналом инструментов для стимулирования социально-экономического роста, включая предоставление преференций иностранным компаниям, размещающим свои подразделения на их территории. К таким мерам относятся налоговые льготы, упрощение административных процедур для запуска и эксплуатации бизнеса, самостоятельное финансирование инфраструктурных объектов, необходимых инвесторам, обеспечение доступа к стратегической информации и другие формы поддержки. Аналогичные привилегии распространяются на отечественные предприятия, инициированные под контролем местных администраций [220].

Одним из ключевых механизмов реализации подобных инициатив, ориентированных на привлечение внешних ресурсов и создание благоприятных условий развития, служит их интеграция в государственные пятилетние планы. Этот подход позволяет систематизировать усилия по территориальной конкуренции и максимизировать отдачу от внешних инвестиций [180, p. 2-14; 203, p. 2-14].

С начала 2000-х годов центральное правительство КНР, отметив значительный разрыв в уровне благосостояния между прибрежными провинциями и внутренними районами, объявило о стратегии ускоренного развития последних, что усилило роль региональных властей в привлечении капитала и реализации амбициозных проектов [215]. Партийным чиновникам и бюрократии была поставлена задача выравнивания социально-экономических показателей в масштабе всей страны, что заставило их демонстрировать эффективность своего управления в каждой сфере. Для этого были запущены те экспериментальные региональные проекты, которые впоследствии стали существенной составляющей общегосударственного успеха [252, p. 1076-1151], способствовали карьерному росту местных чиновников [179], привели к росту региональной самостоятельности. В рамках экспериментов поощрялось

создание частных компаний (в т.ч. с привлечением иностранного капитала), образование муниципальных предприятий и т.д. Например, в 2002 г. стартовала «Стратегия возрождения старопромышленной базы Дунбея», охватывающая ряд северо-восточных субъектов. Инициатива «Один пояс — один путь», запущенная в 2010 году, изначально фокусировалась на поддержке менее развитых западных территорий, но со временем эволюционировала в масштабный геополитический проект глобального значения, охватывающий инфраструктуру, торговлю и инвестиции по всему миру. В рамках этой стратегии и шире активно стартовали практики установления «побратимских» партнёрств между муниципалитетами, провинциями КНР и регионами других государств, в целях осуществления культурного обмена, совместных экономических проектов и укрепления дипломатических контактов на субнациональном уровне, становясь важным инструментом осуществления внешних связей для Китая.

Эти и другие проекты помогают находящимся в хвосте регионам, способствуют сокращению дисбаланса в социально-экономическом развитии разных регионов КНР, увеличивают финансовый потенциал регионов, способствуют укреплению позиций региональных властей, при этом не меняя формальный статус регионов, закреплённый в законодательстве. В рамках принятых мер укрепилось положение прибрежных регионов, а также улучшилось состояние внутренних территорий, пополнился список китайских регионов, занимающих видное место в мировой экономике [194], ВВП которых превышает аналогичные показатели многих суверенных государств. Среди таковых стоит назвать провинции Гуандун, Хэбей, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун, города Пекин, Шанхай и др. [244].

В рамках политики выравнивания регионам оказывается очень существенная поддержка. Центральное правительство Китая предоставляет субнациональным образованиям существенную поддержку, позволяя адаптировать общенациональную стратегию привлечения прямых иностранных инвестиций к специфике местных условий. Региональным администрациям даётся право напрямую контактировать с представителями транснациональных

корпораций (ТНК), заинтересованными в масштабных вложениях в инфраструктуру, инновации и промышленный рост территории. Практика показывает, что ТНК предпочитают именно локальные власти как более гибких и оперативных партнёров [217, p. 14-34].

Центральные власти КНР целенаправленно расширяют инструментарий, доступный регионам для внешних контактов, не отступая при этом от контроля над внешней политикой и не ослабляя своих прерогатив. Напротив, такой подход создаёт дополнительные каналы реализации потенциала провинций в современных реалиях, повышая общую эффективность [205, p. 19-42]. Кроме того, это отражает стратегический расчёт на использование региональных сетей международного партнёрства, которые часто превосходят государственную дипломатию по гибкости, скорости реализации и экономичности [253, p. 21]. В итоге регионы превращаются в эффективных агентов влияния Китая на глобальной арене. Хотя их возможности ограничены отсутствием статуса субъекта международного права, эта активность открывает обходные маршруты для сотрудничества с партнёрами, которые по политическим или иным причинам не могут напрямую взаимодействовать с Пекином — например, с государствами, не имеющими дипломатических отношений с КНР.

Действительно, наблюдается обоюдовыгодное совмещение национальных и региональных интересов и расширение внешней политики. Исследования показывают организацию проектной деятельности в области внешних связей китайских регионов: управление проектами осуществляется небольшой командой, возглавляемой главой региона или секретарем регионального отделения Коммунистической партии Китая (КПК) [196. p. 825-848].

Обеспечение согласованности между центральными и региональными интересами в сфере внешних связей достигается через представителей Коммунистической партии Китая (КПК), выступающих в роли местных координаторов и прямых исполнителей директив Пекина. Эти партийные структуры гарантируют вертикаль подчинения, минимизируя расхождения в позициях. Дополнительно в провинциях функционируют региональные

канцелярии иностранных дел, тесно сотрудничающие с комиссиями по внешней торговле и экономическому партнёрству. Такая связка обеспечивает гармоничное сочетание политического и хозяйственного измерений внешней активности. Канцелярии подотчётны центральному правительству и сосредоточены на воплощении общенациональной внешнеполитической линии на местах: они организуют приём иностранных делегаций и визиты гостей, решают визовые формальности, координируют заграничные командировки чиновников и бизнесменов, мониторят медиапубликации, курируют побратимские программы, ведут консульскую работу [216]. По сути, эти структуры реализуют принцип контролируемой децентрализации: сохраняя политическую лояльность центру, они одновременно отстаивают локальные экономические приоритеты. Такой баланс позволяет разгрузить центральные ведомства по внешней политике, делегируя рутинные операции на региональный уровень и повышая общую оперативность системы.

Ведущие позиции в построении внешних связей продолжают занимать приморские районы – территории, расположенные на побережье: провинция Гуандун, город Шанхай и т.п.

В силу культурно-исторических предпосылок и географического положения эти регионы наиболее активно участвуют во внешних связях, некоторые из них имеют представительства за рубежом, но более широко используются сети представительств каких-либо предприятий, компаний, корпораций мирового уровня, находящихся в юрисдикции этих регионов. Так, в Шанхае с 1999 г. действует Совет по развитию зарубежных инвестиций, который управляет шестью офисами в Гамбурге, Лондоне, Лос-Анджелесе, Осаке, Роттердаме, Франкфурте. В их функции входит также помощь региональным производителям, желающим наладить сбыт своей продукции за рубежом.

Тесная интеграция представителей бизнеса, партийных и региональных чиновников отражается в позиции, которую занимают предприятия, участвующие во внешних связях. Поэтому политический компонент зачастую неотделим от сугубо экономических интересов. Отсюда и такая специфика

китайских внешних связей как обязательная демонстрация единства взглядов и подходов, сокрытие разногласий между представителями КПК, представителями региональных властей и представителями бизнес-сообщества, представление достигнутого успеха как результата коллективных усилий по достижению цели, указанной Центральным Комитетом КПК.

Еще один показательный пример – многолетняя практика внешних связей провинции Гуандун (административный центр – Гуанчжоу).

Власти этого региона, пожалуй, одними из первых в 1990-е гг. и наиболее широко воспользовались правом направления в местный бюджет части доходов, полученных от иностранных инвестиций [178, р. 9-33]. Значительную роль здесь сыграло личное стремление руководителей того времени к повышению своего статуса и получению других преимуществ посредством увеличения значения региона и формирования его имиджа как основоположника новых трендов экономического развития в масштабе всей страны [247, р. 290].

Аналитики отмечают: несмотря на унитарный характер государства, в Китайской Народной Республике прослеживаются элементы децентрализации, особенно в фискальной области, а субнациональным образованиям делегированы широкие полномочия по управлению социально-экономическим прогрессом [139, с. 46-55]. Внешние контакты китайских регионов выходят далеко за пределы чисто торгово-экономических рамок и во многом опираются на уникальное национально-культурное своеобразие территорий с доминирующими этническими группами. К примеру, провинции Дунбэя (Северо-Восточный Китай) с преобладанием корейского населения активно развивают партнёрства с Южной Кореей, аналогично тому, как другие регионы взаимодействуют с «исторической родиной» своих диаспор. Пекин расценивает эти инициативы как компонент национальной «мягкой силы» [185]. Близость языка, традиций и менталитета стимулирует туризм, культурные обмены, образовательные программы и совместные проекты в гуманитарной сфере. В итоге такие связи повышают международный имидж как регионов, так и Китая

в целом, усиливают привлекательность для инвесторов, укрепляют авторитет местных элит, что мотивирует чиновников к их поддержке и расширению.

Действительно, регионы КНР имеют необходимую институциональную основу, обеспечивающую относительно самостоятельное участие (в рамках внешней политики, определяемой центральным правительством) в межрегиональных и международных отношениях, создающую возможность взаимодействовать с ТНК без участия центра, а также выстраивать и содержать собственные сети представительств.

Итак, изложенное позволяет сделать следующие выводы. Регион в составе суверенного (национального) государства – это обладающий признаками внутренней и внешней автономности и политико-государственный субъект (субнациональный актор) государства, располагающий необходимыми ресурсами и полномочиями для самостоятельного решения задач и проблем данного региона.

Под внешними связями региона рассматривается весь комплекс его отношений, сотрудничества и взаимодействия с иными акторами внутри данного государства и за его пределами.

1.2. Факторы современных трансформаций внешних связей российских регионов

В современной научной литературе существуют разные подходы к систематизации факторов трансформации внешних связей регионов национального государства. Так, Л. Суса определил пять ключевых факторов, подталкивающих регионы к межрегиональному и международному сотрудничеству: геополитический, исторический, культурный, политический, экономический [242, р. 669-687].

Отечественные исследователи выделяют собственные наборы факторов:

- геополитические, культурно-языковые, фактор устойчивости и защищенности региона, социально-экономические, этноконфессиональные [138, с. 177-206];

- внутренние: политические, экономические (асимметричность развития и др.), социальные параметры государственного развития, территориально-государственное устройство, процесс децентрализации, развитие федеративных отношений, рост национализма;

- внешние: особенности внешней политики и степень участия в глобальных процессах [9, с. 164-172].

Схожие факторы выделяют и другие специалисты [18, с. 215-221; 97, с. 250-255; 221, р. 3-8]. Справедливым будет утверждение о том, что на трансформацию внешних связей регионов влияет вся сложнейшая совокупность факторов, которые порой трудно отделить один от другого.

Один из фундаментальных факторов современных трансформаций внешних связей российских регионов – глобализация, представляет собой

процесс интенсивного усиления трансграничных потоков капитала, товаров, услуг, информации, технологий и людей, приводящий к фундаментальным изменениям в организации экономической, социальной и политической жизни.

3. Бауман полагает, что глобализация не является равномерным и всепроникающим процессом, а представляет собой «глобальную локализацию», при которой глобальные процессы затрагивают преимущественно мобильные и ресурсодостаточные акторы, оставляя периферийные территории и социальные группы в условиях относительной изоляции. Эта асимметричная природа глобализации определяет специфику ее воздействия на внешние связи регионов, где успешное включение в глобальные цепочки взаимодействия и развития становится ключевым фактором конкурентоспособности территории, в то время как отставание в этом процессе ведет к углублению региональных диспропорций развития. Глобализация выступает как процесс «ликвидации границ» для мобильных элементов социальной структуры при одновременном ужесточении контроля и барьеризации для «неинтегрируемых» групп населения и территорий. Для внешних связей российских регионов это означает кардинальную трансформацию традиционных моделей взаимодействия, ориентированных на национальные рамки, в сторону сетевых, транснациональных конфигураций сотрудничества [12, с. 102-103].

Особое влияние на современную трансформацию внешних связей регионов оказывает фактор глокализации. Процесс и понятие глокализации изучаются довольно давно, это явление уже не вызывает удивление и поначалу казавшееся оксюмороном его понятие сейчас относится к уважаемым и общепринятым категориям политической регионалистики и географии. Стоит напомнить, что первоначально этот термин применялся для обозначения процедуры приспособления к местным условиям распространяемых в глобальном масштабе товаров транснациональных корпораций [16, с. 24-53]. Позднее сфера употребления этого понятия расширилась, оно стало активно использоваться политологами и специалистами других социальных наук.

Р. Робертсон определил глокализацию как единство локальных и

глобальных трендов, которые взаимно проникают друг в друга, взаимно дополняют друг друга и при некоторых условиях способны сталкиваться [231, р. 28].

Любопытное значение приобрел такой аспект глокализации, как местное сопротивление глобальной установке на унификацию и единообразие во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

3. Бауман полагает, что глобализация и глокализация – это две составляющие единого процесса «перераспределения привилегий и дискриминации» [12, с. 102-103]. Действительно, в социально-политической жизни на субнациональном уровне чаще всего наблюдаются нелинейное и диалектическое развитие глобально-локального взаимодействия или противодействия.

В целом концепция глокализации позволяет проанализировать и объяснить процессы и условия активизации внешних связей регионов как федеральных, так и унитарных государств, распознать конфликты, оказывающиеся ведущими факторами нарастания межрегионального взаимодействия, обнаружить новые формы и каналы участия регионов в процессе принятия решений.

Это особенно заметно в практике Европейского Союза, что неслучайно, т.к. при строительстве этого наднационального образования изначально сочетались два направления – интеграция и регионализация. Так, с 1980-х гг. наряду с целенаправленной работой по унификации и объединению политико-государственной деятельности регионов, все более поощряется и прямое межрегиональное взаимодействие, а также работа регионов с союзными органами власти в Брюсселе.

Трудно не согласиться с тем, что геополитические изменения остаются ведущей движущей силой, трансформирующей внешние связи регионов и определяющих динамику их внешней активности. Особенно это заметно в практике приграничных регионов, которые естественным образом, посредством примыкания к территории другого государства, включены в международные связи. Многие специалисты отмечают неизбежность формирования внешних

связей у приграничных территорий, т.к. все страны прямо заинтересованы в установлении добрососедских отношений по периметру своих границ [7, с. 60-71; 69, с. 48-51]. Действительно, по всему миру наблюдается широкое использование, например, такого инструмента внешних связей приграничных территорий, как облегченный режим пересечения границы, чаще всего обусловленный наличием родственных связей, этно-религиозной общностью, торгово-экономическими и другими задачами.

Внутригосударственные регионы также испытывают на себе сильное влияние геополитических изменений последних лет. Применительно к российским условиям речь идет о последствиях нарастающего противостояния с США и их союзниками, выражающегося в т.ч. в антироссийских санкциях.

В подобных обстоятельствах федеральный центр сталкивается с объективными ограничениями в решении всех вызовов, стоящих перед субъектами Федерации, чьи территории простираются от южных субтропических зон до арктических широт Крайнего Севера. Разнообразие климатических, экономических и социальных условий делает невозможным централизованное управление без делегирования полномочий. В связи с этим Москва нередко предоставляет регионам значительную свободу действий, особенно в сфере межрегионального взаимодействия внутри страны. Это касается координации транспортных коридоров, совместных инвестиционных программ, обмена ресурсами и решений пограничных вопросов между субъектами.

С другой стороны, на фоне глобальных ограничений внешние связи регионов превращаются в стратегический резерв для поддержания международных контактов там, где федеральные структуры ограничены или заблокированы. Такие инициативы открывают лазейки для партнёрств в областях, недоступных прямому вмешательству Москвы, например, через гуманитарные проекты, культурные обмены или экономические ниши, не подпадающие под санкции. Примерами здесь может являться участие регионов в деятельности международных организаций, в которых российские регионы

предстают своего рода дипломатическими агентами России и т.д.

Экономические потребности перестройки также выступают одним из определяющих факторов трансформации внешних связей российских регионов, ориентированных на сохранение традиционных рынков сбыта, освоение новых географических направлений и диверсификацию ресурсной базы региональной промышленности. По мнению С. Губарькова, адаптация российской экономики к новому мировому экономическому порядку связана с геополитической ситуацией, обострившейся с 2014 г. и усугубившейся после 2022 г., что требует пересмотра внешнеторговых связей и активного развития сотрудничества со странами Глобального Юга и Северо-Восточной Азии в рамках стратегии «Поворот на Восток». Значительное число санкций негативно влияет на механизмы международного сотрудничества, стимулируя регионы к поиску альтернативных рынков и партнерств для обеспечения устойчивости внешнеэкономической деятельности. С. Губарьков отмечает, что в условиях формирования двух полюсов силы – США и Китая – у России имеются шансы занять достойное место в новом миропорядке через укрепление суверенитета и таможенного сотрудничества с дружественными странами. Это предполагает меры по смягчению санкционного давления и совершенствованию экономических условий взаимодействия. Экономический фактор таким образом превращает внешние связи регионов в инструмент стратегической адаптации к изменяющемуся глобальному порядку [46, с. 9-21].

Особое внимание авторы обращают на такой содействующий внешним связям региона фактор как рост национализма. А. Лекур и К. Морено выделяют три типа влияния национализма на региональные внешние связи:

- идентификация, т.е. выделение и разграничение этнических групп по языку и менталитету (страна Басков в Испании, Валлония в Бельгии), определения своеобразия; построение связей с родственными группам за рубежом, например, Фландрия развивает сотрудничество с Нидерландами, Квебек с Францией, Татарстан и Башкортостан – с Турцией и т.д.;

- определение и артикуляция интересов на основе выработки понимания

об общем благе, в котором выделяется два уровня: акцентированные и политизированные культурные различия и идеология (например, многие башкиры придерживаются консервативных и традиционалистских взглядов);

- мобилизация под влиянием националистической риторики в ходе борьбы за власть между различными группами, при этом способность заявить о себе на международном уровне предстает дополнительным преимуществом и становится весомой составляющей политического успеха [214].

Применительно к России, среди этих факторов особенно выделяется движущая сила меняющегося в современных условиях федерализма. Вообще, в современном федерализме постепенно ушла в прошлое строгая схема распределения полномочий между центром и регионами, в которой вся международная деятельность относилась исключительно к прерогативе центра, который аккумулирует все ресурсы, дотирует и субсидирует территории с помощью этих ресурсов. На смену этой схеме пришли иные формы федеративных отношений: кооперация центральных и региональных правительств в каких-либо отраслях с выходом регионов на международный уровень для решения правительственных задач, нацеленная на привлечение инвестиций на конкретные территории. Поощрение самостоятельной активности наиболее успешных, конкурентоспособных, предприимчивых субъектов государства, а также стимулирование конкуренции органов государственной и региональной власти по аналогии с коммерческими предприятиями, действующими в условиях свободного рынка, для достижения общественных интересов. Однако в России, как будет рассматриваться далее, федеральный центр стремится сохранить полный контроль над регионами.

Субъекты Российской Федерации все чаще превращаются в пилотные полигоны где отрабатываются новаторские стратегии устойчивого развития и отдельные инициативы. Полученный опыт здесь апробируется на практике, после чего успешные наработки переносятся в другие регионы или масштабируются на общенациональный уровень [56, с. 28-30]. Особенно мощным импульсом к активизации внешних связей стала пандемия COVID-19,

выступившая одним из определяющих факторов трансформации региональной внешней активности. Этот вызов заставил регионы искать новые пути экономического развития и подтолкнул государства к пересмотру региональной политики для решения задач антикризисного управления и принятия мер для восстановления темпов устойчивого социально-политического развития [30, с. 22-36; 72; 1, с. 167-179]. Первыми мерами на начальном этапе распространения коронавирусной инфекции в Российской Федерации стали освобождение от налогов, сохранение уровня занятости, долговое субсидирование. Затем региональным властям было позволено расширить перечень антикризисных мероприятий с учетом местных особенностей [27, с. 112-118; 85; 95; 132, с. 176-189]. Впоследствии стало ясно, что новый формат антикризисной политики регионов и антикризисной региональной политики федерального центра оказался в состоянии обеспечивать устойчивое социально-политическое и экономическое развитие территории. Пандемия COVID-19 создала уникальные условия, в которых российские региональные элиты продемонстрировали принципиально разные подходы к управлению кризисом, что привело к чёткому разделению их на две категории. Адаптивные регионы, сумевшие быстро мобилизоваться, оперативно переориентировать ресурсы и даже усилить позиции. Эти субъекты Федерации проявили гибкость в принятии решений: оперативно вводили локальные карантинные меры, налаживали импровизированные логистические цепочки для поставок медоборудования, привлекали частный бизнес к совместным проектам. В результате они не только минимизировали экономический спад, но и открыли новые ниши, от цифровизации госуслуг до экспорта локальных продуктов через альтернативные рынки. Такой подход позволил им сохранить кадровый и финансовый потенциал, а в некоторых случаях выйти на траекторию посткризисного роста. Вторая категория - ригидные регионы. Они, напротив, оказались зажаты в рамках бюрократических шаблонов и консервативных практик. Их власти медлили с корректировкой стратегий, полагались на федеральные директивы без локальной адаптации, что привело к затяжным локдаунам, дефициту ресурсов и

накоплению долгов. Отсутствие инициативы в поиске внешних партнёров усугубило проблемы, сделав восстановление долгим и болезненным, что подчёркивает ключевую роль управленческой пластичности в федеративных системах: успешные регионы использовали кризис как катализатор инноваций, в то время как ригидные потеряли темпы развития.

Значение пандемии COVID-19 как одного из ведущих факторов трансформации внешних связей российских регионов подтверждается многими авторами [61]. В ходе разработки и реализации противоэпидемиологических мер регионы получили ряд дополнительных полномочий в сфере здравоохранения и социальной политики: определение степени строгости ограничений жизнедеятельности населения, порядок взаимодействия с зарубежными государствами с целью прекращения пандемии и т.д. В период пандемии наблюдалось расширение сотрудничества по усиленному контролю над передвижением граждан через границы, совместному регулированию работы пунктов пропуска, перемещению транспортных средств (автобусов, фур и др.) и т.д. Одним из наиболее ярких примеров здесь является совместная работа с китайской стороной, особенно по линии городов-побратимов. Так, в феврале 2020 г. мэрия Магадана, узнав о заражении, передала побратиму Шуаньяшаню 2 000 медицинских масок и 200 защитных костюмов. В ответ китайские власти в апреле 2020 г. передали пятьдесят тысяч средств индивидуальной защиты [40]. Подобная акция также имела место и во взаимодействии между городом Уфой Республики Башкортостан и городом-побратимом Наньчаном, КНР: В 2020 китайская сторона направила столице Башкортостана 20 000 одноразовых медицинских масок в качестве благотворительной помощи.

Коллектив отечественных учёных детально разобрал антикризисные стратегии субъектов Южного федерального округа (Республика Адыгея, Астраханская, Волгоградская области, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Республика Крым, Ростовская область, город Севастополь). Исследование охватило период трёх основных волн пандемии COVID-19, когда регионы разрабатывали и внедряли локальные меры реагирования, а также отслеживало

эволюцию их подходов в условиях коронакризиса. Эксперты изучили спектр инициатив: от введения ограничений и распределения федеральных субвенций до поддержки МСП и здравоохранения. Особое внимание уделено динамике изменений - как власти корректировали тактики под новые вызовы. Ключевые выводы анализа свидетельствуют о консервативной ориентации региональных элит: руководители южных субъектов преимущественно следовали федеральным установкам, избегая радикальных самостоятельных шагов. Такое поведение объясняется нежеланием ассоциироваться с рисками в условиях высокой неопределённости, так как непредсказуемые последствия могли подрвать политический капитал руководства. В итоге регионы ограничились ролью исполнителей, а не инициаторов. Основная уязвимость, выявленная исследователями - дефицит эффективной коммуникации. Слабая информационная работа привела к недоверию населения, слухам и низкой дисциплине, что снизило отдачу от мер и усилило социальное напряжение. Авторы подчёркивают необходимость развития прозрачного информирования для будущих кризисов. Этот кейс ЮФО иллюстрирует типичную дилемму российского федерализма: баланс между лояльностью центру и локальной автономией [66, с. 296-316].

Тема обеспечения национальной безопасности, традиционно актуальная для федеральной повестки, в текущих геополитических реалиях приобретает определяющее значение для эволюции внешних контактов субъектов Российской Федерации. Примером здесь является трагическое событие – террористический акт, совершенный 22 марта 2024 г. в Московской области (г. Красногорск) на границе с г. Москва, унесший жизни жителей почти 40 российских субъектов, некоторые исполнители которого были задержаны в Брянской области. В преодолении катастрофических последствий теракта, проведении расследований и оказании поддержки жертвам и их близким были задействованы специализированные службы и структуры власти из множества субъектов РФ. Координация охватила оперативные штабы, МЧС, МВД и волонтёрские формирования из разных регионов, демонстрируя федеративную

солидарность, так как без участия регионов сегодня вряд ли возможна эффективная реализация этой компетенции, особенно в приграничных регионах. Напомним, только с Казахстаном Россия имеет границу протяженностью 7598,8 км, это самая длинная в мире непрерывная сухопутная граница (США и Канада имеют границу в 8891 км, но она не является сплошной, т.к. имеет разрыв между Аляской и другими штатами США).

Все регионы, располагающиеся на российско-казахстанской границе (со российской стороны: Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Оренбургская, Челябинская, Курганская, Тюменская, Омская, Новосибирская области, Алтайский край и Республика Алтай; с казахстанской стороны: Абайская, Актюбинская, Атырауская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Костанайская Северо-Казахстанская, Павлодарская области), активно взаимодействуют по вопросам обеспечения безопасности, предотвращения чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и их последствий. В этом сотрудничестве участвуют местные подразделения министерств по чрезвычайным ситуациям России и Казахстана. Особое внимание уделяется реализации «комплекса защитных мер в паводковый период, недопущению лесных и степных пожаров, ликвидации аварий на промышленных объектах, а также последствий пусков космических ракет» [62, с. 38-51].

В случаях напряженных отношений между странами межрегиональное взаимодействие является большим подспорьем. Например, с 2000 года продолжается сотрудничество органов власти Приморского края с военными и правительственными структурами Японии по поиску и спасению моряков, проводятся совместные учения [65, с. 9-16].

Отдельно необходимо отметить связи приграничных регионов и структур ФСБ с коллегами по другую сторону российской границы – аналогичными канадскими, американскими, китайскими, корейскими, казахстанскими и др. подразделениями. В СМИ регулярно появляются сообщения о результатах совместной работы по перехвату контрабанды, пресечению поставок

запрещенных веществ и оружия, нелегальной миграции, пиратства и пр. В период пандемии COVID-19 в России удалось справиться со многими проблемами во многом благодаря межрегиональному взаимодействию по совместному обеспечению безопасности.

Значительная удаленность многих российских регионов от центра стала еще одним фактором развития и трансформации их внешних связей. Большие расстояния часто затрудняют централизованное финансирование и снабжение, нормальную циркуляцию товаров и услуг, доставку отсутствующих ресурсов. В этих условиях актуализируется прямое межрегиональное сотрудничество как внутри государства, так и за его пределами. Тем самым, помимо прочего, обеспечивается экономическая и социально-политическая стабильность. Ряд российских регионов еще с 1990-х годов успешно решает вопросы самообеспечения и поддержания производственных цепочек. В качестве примеров можно назвать Республику Башкортостан, Республику Татарстан, Забайкальский край, Приморский край и др., в экономике которых существенную роль играют торговые связи с зарубежьем.

Многие российские регионы тесно интегрированы (конечно, ввиду санкций эта интеграция значительно уменьшилась) в мировые транспортные коридоры. Так, нахождение в пространстве оживлённых сухопутных и морских маршрутов северных российских субъектов (особенно Архангельская область и Республика Карелия) обусловило построение разветвленных связей со Скандинавскими странами и Финляндией. Например, до 23 февраля 2022 Архангельская область и Норвегия на основе двухсторонних отношений продвигали туристические проекты: круизы от Северной Норвегии до Архангельска с заездом на Соловецкие острова [115].

Четыре региона «Русского севера» (Архангельская и Мурманская области, Ненецкий автономный округ, республики Карелия и Коми) вместе с субнациональными территориальными единицами Норвегии, Швеции и Финляндии с 1993 года работают в организации БЕАР (Баренцев Евро-Арктический регион) для решения задач по устойчивому развитию, охраны

окружающей среды, улучшения положения коренных народов Севера [48], а также входят в программу «Европейский инструмент соседства и партнёрства – Коларктик», направленную на преодоление отсталости, нивелирование эффекта периферийности, сближение общественности, содействие социально-экономическому развитию северных окраин Норвегии, России, Швеции, Финляндии [80, с. 88-97].

Расцвет этой программы пришелся на 2007-2013 года, когда в российских субъектах были реализованы заметные инфраструктурные проекты, осуществлялась поддержка малого и среднего бизнеса, предпринимались меры по формированию местного патриотизма и любви к малой родине.

Так, был реконструирован контрольно-пропускной пункт Борисоглебск, расположенный на автодороге в Мурманской области, была отремонтирована автомагистраль на отрезке город Кандалакша и село Аллакуртти (Россия, Мурманская область) – контрольно-пропускной пункт Салла (Финляндия), была проведена экологическая инициатива по переводу электростанций с углеводородного топлива на альтернативные источники энергии местного происхождения [57, с. 85-96]. В период с 2014 по 2020 гг. на данную программу было израсходовано 63 436 180 евро, из которых 24 718 090 евро внес Европейский Союз, остальные средства поступили от стран-участниц [127].

Иные субнациональные единицы Российской Федерации также выстраивают внешние связи (особенно до санкций) с регионами стран Евросоюза. Например, Калининградская область участвует в ряде европейских региональных организациях, куда также входят представители регионов Беларуси, Латвии, Литвы, Польши, Швеции (в разных сочетаниях): «Неман» (с 2002 г.), «Лына-Лава» (с 2003 г.), «Шешупе» (с 2004 г.), «Сауле» (с 1999 г.); Псковская область и Республика Карелия входят в сообщество «Псков – Ливония» (вместе с Литвой и Эстонией) и «Карелия» (вместе с Финляндией). Однако на практике многие из этих образований не выполняли своих задач на российской территории («Лына-Лава», «Сауле», «Шешупе») [116, с. 97-110]. Пожалуй, только одно из перечисленных межрегиональных образований

оказалось успешным – «Карелия», которое на протяжении нескольких лет подряд признавалось лучшим «еврорегионом» в европейском пространстве [28, с. 70-73]. Расцвет активности пришелся на 2000 – 2012 гг., когда в рамках этого пространства был реализован 501 проект на 132 млн евро. В настоящее время участие российской стороны в проектах на европейском пространстве по понятным причинам практически остановлено. Однако на восточном направлении межрегиональное сотрудничество только расширяется. Здесь еще раз можно убедиться в приоритетном значении геополитического фактора в трансформации внешних связей регионов.

Большое значение для российских регионов, граничащих с азиатскими странами, имеет фактор оттока местных трудовых ресурсов и коренного населения в целом в центральную часть нашей страны. При этом наблюдается постоянный рост численности мигрантов из стран Средней Азии и КНР. В этих условиях сформировался относительно новый тренд, получивший название фронтальерство. Этот термин обозначает явление трудовой миграции из приграничных районов соседних стран, которое становится все более обширной и значительной сферой сотрудничества регионов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока с субъектами Казахстана и КНР. При этом сотрудничество с казахстанской стороной осложняется тем, что через казахстанскую территорию прибывают мигранты из Киргизии, Таджикистана, Узбекистана.

Фактор миграции оказался особенно значительным для трансформации внешних связей регионов в период пандемии COVID-19. Закрепившаяся тогда зависимость российских регионов от мигрантов на сегодняшний день не только сохранилась, но и усилилась, в т.ч. в связи с СВО. Поэтому федеральный центр расширил полномочия регионов в сфере миграционного регулирования. Так, региональные правительства получили право в зависимости от текущей социально-экономической ситуации, показателей, от потребностей рынка труда устанавливать или снимать ограничения на выдачу патентов на своей территории [45, с. 173-191]. Наиболее активно этим правом пользуются (Амурская область, Приморский край, Хабаровский край).

К другим важным факторам трансформации внешних связей регионов относятся социокультурный и этнический. Эти факторы обуславливают поддержание общности между населением разных регионов, которая заметно отражается на многих аспектах жизнедеятельности. Например, на производстве и торговле, т.к. в этих сферах естественным образом преобладают товары и услуги, наиболее востребованные с учетом религиозных, культурных, этнических особенностей.

Регионы с большим числом представителей финно-угорских народов этносов (Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Карелия, Удмуртская Республика, Ханты-Мансийский автономный округ) сотрудничают с Финляндией (финская ветвь – марийцы, удмурты, мордва), Венгрией (угорская ветвь – ханты и манси).

Республики Башкортостан и Татарстан расширяют внешние связи с Турецкой республикой и исламским миром, ведущими представителями которого являются Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты. Эти две страны имеют собственные интересы и на Северном Кавказе – в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечне.

Бурятия, Калмыкия и Тыва, титульные этносы которых относятся к монгольской группе, исповедуют буддизм, чьи традиции коренятся в кочевой культуре, укрепляют внешние связи с регионами Монголии, а также стран буддийского мира (особенно Тибет). В этих регионах наиболее развито животноводство, соответственно, продукция животноводства является основной статьей их оборота.

Буддийская религия является прочной базой отношений перечисленных регионов и населяющих их буддистов, которые совершают общие обряды, пользуются одним календарем, воспроизводят практики народной медицины. Создаются и действуют межрегиональные буддийские организации. Активно развивается межрегиональное паломничество. По данным исследований, только в период с 2008 по 2014 гг. около 160 тыс. монгольских буддистов посетили Бурятию для молитвы Итгэлту Хамбу [107, с. 79-84], что лучше всего показывает

повышение авторитета Бурятии и располагающегося на ее территории одного из центров буддизма, который имеет заметные шансы войти в число мировых. Стоит напомнить, что у России и Монголии есть огромный опыт взаимодействия, которое всегда имело геополитический подтекст: Монголия искала у России защиты от притязаний своего мощного соседа – Китая.

Специальная военная операция России и санкции стран Запада кардинально изменили десятилетиями складывающиеся внешние связи российских городов, которые укреплялись в ходе общемировой урбанизации, планетарных процессов децентрализации, сетевизации политики, нарастания влияния и властного потенциала субгосударственных (субнациональных) акторов. Произошла драматическая остановка многообразных двухсторонних отношений и полная отмена многих направлений сотрудничества. В 2022 году только с Санкт-Петербургом расторгли побратимские связи девять городов (из девяноста семи) Польши, Литвы, Эстонии. Вместе с тем активизировалось сотрудничество с городами Вьетнама, Индии, КНР, правда, в основном, торгово-экономического направления. Несмотря на трудности укрепилось и еще одно направление – формирование внешних связей с новыми территориями, возникшее с 2014 года, с момента возвращения Крыма в состав России и продолжившееся с 2017 года в связи с программой побратимства Интеграционного комитета «Россия – Донбасс». Происходящие буквально каждый день территориальные изменения придают свежие силы и все более важное значение побратимству с этими территориями. Так, в 2022 г. в рамках подписания соглашения о побратимстве столицы Донецкой Народной Республики Донецка и столицы Республики Башкортостан Уфы по проекту «Помощь жителям из ЛНР и ДНР» жители пострадавших районов были размещены в Уфе [129]. В том же году Санкт-Петербург стал городом-побратимом Мариуполя, Москва стала городом-побратимом Луганску, Севастополь стал городом-побратимом Мелитополя [119]. Кроме того, формируются внешние связи между российскими областями и городами Донбасса: между Сахалинской областью и Шахтерском было подписано

соглашение о сотрудничестве [31]. Ясно, что сотрудничество не будет ограничено только помощью в восстановлении городской инфраструктуры, будут проекты в сфере туризма, промышленности, торговли.

Авторы отмечают, что в связи с нарастанием глобальной конкуренции побратимство является одним из наиболее эффективных инструментов привлечения как местных жителей, так и зарубежных акторов к проблемам городского управления, являющимся остро актуальным направлением [118, с. 164-188].

Феномен побратимства означает нарастающую устремленность к единству, ведущую к серьезным изменениям во всех сферах, особенно в измерении идентичности. В фокусе оказываются такие темы, как вклад городов-побратимов в воссоединение разделенных сообществ и др. [212]. Вместе с тем отмечается, что побратимство может использоваться как манипуляция со стороны городской бюрократии или других заинтересованных групп, желающей политизировать какое либо историко-культурное обстоятельство, либо получить дополнительные преференции и доступ к ресурсам, поэтому этот инструмент необходимо использовать с осторожностью. В качестве примера можно привести опыт побратимов российского Благовещенска и китайского Хайхэ, которые намеренно сосредоточились исключительно на торговых отношениях и развитии туризма, при этом осознанно отстранились (по крайней мере пока) от обсуждения вопросов, касающихся границ, государственной безопасности, национального возрождения [222, с. 513-533].

Выделяются такие модели побратимства, как:

- побратимство-помощь, в рамках которой стороны помогают друг другу в двухстороннем или одностороннем порядке;
- презентационное побратимство, в рамках которой формируется имидж, репутация, престиж регионов, осуществляется лоббирование различных интересов;
- политическая декларация, в рамках которой делаются заявления о своей позиции [33, с. 581-600].

В текущий санкционный период прежние политико-государственные механизмы в субъектах РФ, многие из которых сводились к сохранению статуса-кво под лозунгом стабильности, к конформизму и консерватизму региональных правительств, оказались недейственными. В этих условиях развернулись две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, усиливается контроль центральной власти над региональной политикой и сокращается пространство политической самостоятельности, с другой – регионы получают некоторые дополнительные полномочия. На сегодня именно регионы до сих пор являются одной из фундаментальных опор, обеспечивающих устойчивость государства и национальное единство, что обуславливает необходимость наращивания их самостоятельности и автономии, особенно в сфере безопасности для тех, которые граничат с Украиной (включая присоединенные территории). Поэтому наряду с трансформацией системы взаимоотношений между центром и регионами, а также представлениями о региональной политике, изменения претерпевают и внешние связи регионов.

Факторы трансформации внешних связей регионов, влияющие на динамику межрегионального сотрудничества внутри государства и на международной арене, формируются в конкретных экономических, политических, геополитических, духовных, исторических, социальных условиях под влиянием текущих обстоятельств в их многообразном сочетании и взаимовлиянии.

Некоторые исследователи полагают, что российская региональная политика ранее и в некоторой степени в настоящее время не вполне содействует развитию межрегионального взаимодействия и сотрудничества. Проблемы заключаются в пробелах законодательства, в скрытом поощрении конкуренции регионов за федеральное финансирование инвестиционных проектов и субсидирование социальной политики с целью обеспечения стабильности, в сохраняющемся неравномерном развитии регионов, в непрозрачности и неравномерности финансирования регионов федеральным центром [29, с. 48-53].

Действительно, существующие трудности показывают неоднозначность

развития внешних связей российских регионов. Лучше всего дела обстоят в сфере культуры, сложнее всего – в совместно финансируемых проектах. Например, по оценкам специалистов [82, с. 16-25], на макрорегиональном уровне осталось пять формально действующих межрегиональных ассоциаций: «Центральный федеральный округ»; «Стратегическое партнерство «Северо-Запад», «Юг», «Северный Кавказ», «Сибирское соглашение», «Дальний Восток и Забайкалье». Однако в настоящее время они не реализуют масштабных межрегиональных проектов. Ассоциации «Большая Волга» и «Большой Урал» и вовсе прекратили свое существование. Некоторые исключения представляют собой три инициативы. Первая – это ОАО «Корпорация развития» (с 2006 по 2012 гг. – ОАО «Корпорация «Урал Промышленный – Урал Полярный»), учрежденная Тюменской областью и входящими в ее состав округами, а также Свердловской и Челябинской областями, которая решает амбициозные задачи, среди которых строительство железнодорожной магистрали «Северный широтный ход» и др. Затруднения при решении такого рода задач чаще всего возникают по поводу вклада каждого конкретного участника в общее дело и при обсуждении значения каждого проекта для жизнедеятельности того или иного региона.

Вторая – это Комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь», объединяющий усилия Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва, который, среди прочего нацелен на строительство железнодорожной линии «Элегест – Кызыл – Курагино» (способствующей освоению природных ресурсов Тывы) и строительство трансграничной автомагистрали «Красноярск – Абакан – Кызыл – Хандагайты – Улангом – Ховд – Урумчи».

Третья – это АНО «Дирекция Московского транспортного узла», организованной при участии органов федерального правительства, а также правительств Москвы и Московской области.

В последнее время наметилось еще одно направление региональных внешних связей – социально-гуманитарное сотрудничество российских

регионов с молодыми соотечественниками за рубежом, развивающееся в Москве (Международный Пушкинский конкурс, стипендия правительства Москвы на обучение русскоязычных студентов стран СНГ и Прибалтики), Санкт-Петербурге (ежегодный комплекс культурно-просветительских мероприятий «Театральный Петербург»), Татарстане (Всемирный форум татарской молодежи) и Ямало-Ненецком автономном округе (проекты «Наша история – наша Победа!», «Дорога добра»). Этот тип внешних связей становится все более перспективным в последнее время, когда из России выехало большое количество молодежи и трудоспособных граждан среднего возраста. К числу наиболее значительных проблем этого направления исследователи относят слабую организацию информационной работы органами государственной власти (нехватка информации о мероприятиях и пр.), недостаточную вовлеченность рядовых граждан и общественных организаций [13, с. 467-475].

Еще одним важным фактором трансформации внешних связей регионов является цифровизация. В настоящее время широкое распространение получила так называемая умная специализация регионов, которая дала положительный эффект в инновационном развитии регионов в странах Европейского Союза, зарекомендовала себя в Австралии и Южной Корее, странах Латинской Америки [4; 21, с. 32-47; 58, с. 65-81; 64, с. 4-15; 78, с. 494-498; 136, с. 37-45; 166, с. 35-45]. Речь идет о первоначально европейской инициативе, заявленной в стратегии «Европа 2020» и в Программе инноваций ЕС как региональные инновационные стратегии умной специализации (*regional innovation strategies of smart specialization*) [191; 190], состоящие в возможности мотивированного выбора инновационных предпринимательских проектов под государственное или частное финансирование с целью создания конкурентных преимуществ. Предикат «умный» означает движимый знаниями и нововведениями устойчивый инклюзивный рост зеленой экономики, обеспечивающей социальное, территориальное и экономическое единство. Примерами реализации этих инициатив стали проекты во французской Тулузе, где наряду с развитием завода Аэробус было расширено предпринимательство и появились научно-

исследовательские предприятия по производству спутников и GPS-технологий. В итальянской Флоренции, где коллаборация археологов и бизнесменов привела к разработке новых IT-приложений для управления и обслуживания археологических памятников и исторического наследия.

Суммируя изложенное, диссертант предлагает следующий перечень основных факторов трансформации внешних связей регионов:

- *глобализация* (зависимость внешних региональных связей от изменения мировых процессов развития и включенность в них);

- *глокализация* (нелинейное и диалектическое развитие глобально-локального взаимодействия);

- *геополитические изменения*, выражающиеся, прежде всего, в противостоянии со странами Запада и их союзниками, что полностью ограничивает развитие внешних связей с регионами наиболее развитых государств и обуславливает поворот к сотрудничеству с регионами стран Ближнего Востока, Дальнего Востока, Центральной Азии, Южной Америки, а также в наличии общих границ и интересов у регионов;

- *экономические потребности* перестройки и развития региональной экономики в современных условиях мирохозяйственной турбулентности, торговых войн, направленные на сохранение имеющихся и поиск новых рынков сбыта для производимых в регионах товаров и услуг, а также ресурсной базы для региональной промышленности;

- *децентрализация власти* под влиянием как внутренних так и внешних условий развития национальных государств, что расширяет потенциал внешних связей регионов;

- *взаимодействие приграничных регионов* различных стран в интересах обеспечения государственной безопасности, миграционного регулирования, защиты окружающей среды, в условиях чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и др.;

- *социокультурный фактор* трансформации внешних связей регионов с учетом этнических, религиозных особенностей, необходимости социально-гуманитарного сотрудничества регионов с соотечественниками за рубежом;

- *цифровизация* в сфере трансформации внешних связей регионов, которая обуславливает новые технологические возможности быстрее и эффективнее развивать данные связи, в том числе в киберпространстве.

Глава 2. Структурные и институциональные аспекты трансформации внешних связей Республики Башкортостан в новых геополитических, национальных и региональных реалиях

2.1. Структурная адаптация внешних связей Республики Башкортостан к современным реалиям

Для выявления и общей характеристики трансформации внешних связей Республики Башкортостан автор проделал содержательный (по смыслу) и структурный (по контексту и формату) контент-анализ источников, в том числе опубликованных на правительственных и новостных сайтах Республики Башкортостан.

Для удобства и эффективной работы все источники были разделены на три группы:

- источники внутреннего происхождения (служебные документы министерств, ведомств, учреждений, в которых прослеживается процесс принятия политико-государственных решений каков он есть, а также нормативно-правовые акты);
- источники внутреннего происхождения, направленные на внешнюю аудиторию (публикации министерств, ведомств, учреждений в СМИ, рассчитанные на широкую общественность, в которых информация о политико-государственных решениях и результатах правительственной деятельности оптимизирована для создания благоприятного впечатления);
- источники внешнего происхождения, направленные на министерства, ведомства, учреждения (статистические отчеты и другие исходные материалы).

Исследователь выработал комплексный набор параметров для систематического формирования корпуса материалов, подлежащих контент-анализу. Эти критерии обеспечивают репрезентативность выборки и минимизируют субъективизм: тип контента (новостные публикации, отчеты, пресс-релизы, статистические материалы), тип креатора контента, стороны, участвующие во взаимодействии, платформа распространения, частотность упоминаний, минимальный объем, временной диапазон и способ распространения. Единицами анализа выступили слова и словосочетания, отражающие основную тематику и связанные с ней: межрегиональные отношения, межрегиональное взаимодействие, межрегиональное сотрудничество, внешние связи региона. При этом внимание обращалось на само событие, а также на его оценку. Представление корректных оценок события стало доступно при помощи метода Q-сортировки и шкалирования путем парного сравнения.

Для оценки эффективности и перспектив развития внешних связей Республики Башкортостан автор применил метод анонимного группового фокусированного интервью с девятью экспертами. Отбор участников экспертных интервью осуществлялся из ближайшего профессионального окружения диссертанта по методу однородной выборки, обеспечивая высокую релевантность и контролируруемую гомогенность группы. Критерии соответствия были следующими:

Возрастной диапазон: 30–60 лет — зрелая профессиональная когорта с пиковым опытом и стратегическим мышлением.

Текущая занятость: штатные сотрудники органов исполнительной власти Республики Башкортостан на момент проведения исследования (2021–2025 гг.).

Стаж работы: минимум 5 лет непрерывно в региональных структурах, что гарантирует глубокое понимание внутренней «кухни».

Такая фильтрация позволила привлечь не просто компетентных специалистов, а носителей уникальной информации: лиц с доступом к непубличным данным, закулисными знаниями о принятии решений и

практическим опытом трансформаций внешних связей. Личное знакомство диссертанта с экспертами обеспечило высокий отклик и доверительный характер бесед.

Кроме того, экспертная выборка рекомендуется при исследовании относительно небольших специализированных социальных групп. Для получения достоверных выводов исследование опиралось на принцип контролируемой репрезентативности: в экспертную группу были включены респонденты определенной половозрастной группы с профессиональными чертами, характерными для генеральной совокупности (чиновники ведомств Республики Башкортостан). Это позволило отразить типичные взгляды целевой аудитории. При этом диссертант имел в виду, что такая выборка не может считаться действительно репрезентативной для рассматриваемой совокупности, т.к. она не соответствует принципу систематической случайности. Ограничение этого рода неизбежны в таких исследованиях. Однако их можно преодолеть с помощью проверки результатов материалами контент-анализа, что и сделал диссертант.

Решение использовать экспертные фокусированные интервью как ключевой качественный инструмент исследования продиктовано их способностью извлекать не просто разрозненные факты, в отличие от стандартных опросов, а глубоко проработанные свидетельства, позволяющие поэтапно воссоздать динамику событий во внешних связях Республики Башкортостан и выявить фундаментальные тенденции их развития. Такой подход обеспечивает доступ к нюансированным нарративам участников процесса, где фиксируются не только видимые действия, но и скрытые мотивы, контекстуальные факторы и причинно-следственные связи, определяющие трансформации внешнего взаимодействия в условиях федерализма и глобальных вызовов. В результате метод даёт возможность реконструировать полную картину эволюции партнёрств, начиная инициациями контактов заканчивая институционализациями отношений, а также обнаружить повторяющиеся

закономерности, такие как адаптация к новым вызовам в современных реалиях, что недостижимо при поверхностных методах сбора данных.

В беседе каждый участник высказал свою точку зрения по представленным вопросам согласно плану обсуждения и заранее составленному списку вопросов с приложенной инструкцией, позволяющей снизить помехи, реактивность, повысить уровень релевантности и т.д. Такие требования предполагают индивидуальный подход к участникам при проведении интервью. По окончании структурированной части опроса, чтобы глубже осветить приоритеты, которые сами эксперты выделяют как существенные, и тем самым расширить концептуальные рамки исследования, диссертант организовал с каждым респондентом импровизированную неформальную дискуссию по проблематике работы. В ходе этих кратких бесед, лишённых жёсткого плана, для фиксации ключевых фактов и выявления скрытых паттернов формулировались уточняющие вопросы, опирающиеся непосредственно на ранее озвученные суждения участников. Такой приём позволил органично развивать диалог, вскрыть дополнительные нюансы трансформаций внешних связей Республики Башкортостан и интегрировать субъективные оценки в общую аналитическую картину, повышая глубину выводов. Ранее дискуссионты не были задействованы в аналогичном мероприятии, что уменьшает помехи и нефункциональное поведения.

Анализ, сделанный автором, показывает, что под воздействием факторов, описанных в предыдущем параграфе, в настоящее время происходит структурная и институциональная адаптация внешних связей Республики Башкортостан, как одного из типичных регионов Российской Федерации, к трансформирующимся современным реалиям.

Диссертант определяет адаптацию внешних связей субъектов федеративного государства как приспособление (перестройку) структурных и институциональных аспектов внешних связей, их целевых аудиторий под трансформирующиеся реалии, вызовы и угрозы с учетом потенциала имеющихся ресурсов и открывающихся новых возможностей.

Специфика адаптации Российской Федерации как суверенного государства и его регионов имеет отличительные черты:

- носит вынужденный, а не органический характер, навязана внешними геополитическими обстоятельствами и направлена на приспособление к новым реалиям любыми доступными способами и средствами;

- осуществляется в условиях беспрецедентного санкционного давления, что обуславливает релевантную внешним обстоятельствам государственную политику, поведенческую модель как государства в целом, так и его регионов;

- происходит на фоне специальной военной операции и ее последствий, требующих привлечения значительных материальных, финансовых и человеческих ресурсов.

Перечисленные особенности определяют специфику прежде всего структурно-функциональной модели адаптации внешних связей регионов Российской Федерации. Эта модель включает, по мнению диссертанта, по меньшей мере три элемента.

Первый элемент заключается в резкой смене политико-географической и экономико-географической ориентированности внешних связей Российской Федерации и ее регионов с условного Запада на столь же условный глобальный Юг [104, с. 302-307].

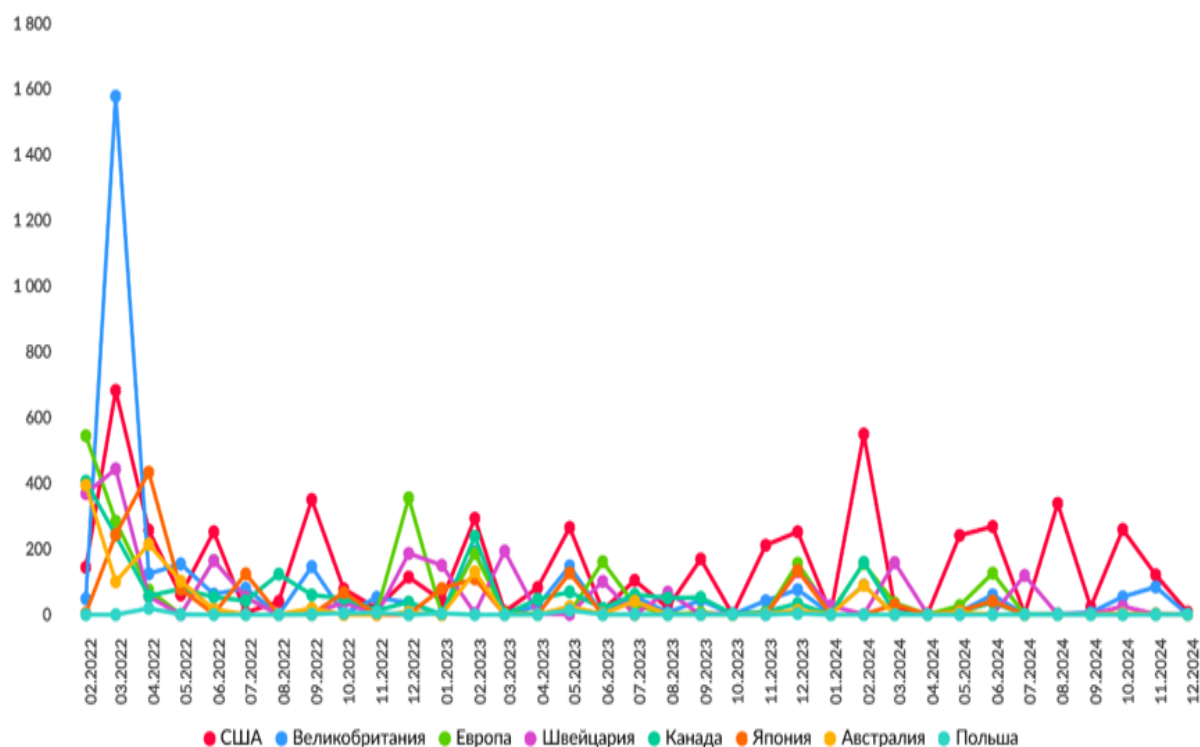
Второй элемент заключается в изменении самой внутренней структуры внешне-региональных связей, значимости и приоритетности разных элементов всестороннего сотрудничества. На первый план выходят экономические отношения. Другие области и направления комплексного взаимодействия — такие как культура, туризм, научно-образовательные контакты, участие негосударственных акторов в глобальных интеграционных процессах и т.п. — пока занимают весьма ограниченное место во внешних региональных связях. Это является непосредственным следствием вынужденной адаптации внешних контактов между регионами, недостатка финансовых и материальных ресурсов, а также ограниченности времени, возможностей и готовности к реализации всего спектра задач в рамках данного направления региональной политики.

Третий элемент состоит в глубокой трансформации ведущего сегмента структуры внешних связей – экономического взаимодействия российских регионов со своими партнерами из других стран. Речь идет прежде всего о том, что вынужденный характер адаптации внешних экономических связей к новым геополитическим реалиям предполагает прекращение отношений с ныне недружественными странами и поиск иных, часто альтернативных путей развития внешних связей. Это предполагает сложный и зачастую продолжительный процесс выстраивания с нуля отношений с политико-государственными и бизнес-элитами новых стран и регионов-партнёров. Помимо этого, в процессе организации экспортно-импортных потоков требуется создание новой логистической инфраструктуры, а также адаптация к иным национальным и политическим системам, особенностям политической культуры, ведения бизнеса, этнокультурной специфике, местным интересам и традициям. Культурные различия заметно усложняют процесс установления, расширения и углубления внешних связей регионов.

Экономические санкции, введенные в отношении Российской Федерации странами Запада и их союзниками, оказались беспрецедентными в истории и международной практике [46, с. 9-21]. На сегодняшний день их насчитывается 17 852. По их числу Россия занимает первое место в мире, за ней с огромным отрывом следуют Иран (2 058 санкций) и Китайская Народная Республика (2 015 санкций) (см. рисунок 1) [140].

Комплекс ограничительных мер, наложенных на множество российских юридических и физических лиц, целые промышленные отрасли, финансовую систему в целом, а также ключевые секторы общественной жизни, нанёс сокрушительный удар по экономике страны [172, с. 27-42], на экономику регионов, на их внешние связи, что стало причиной многих новых проблем [241].

САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКИХ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

ИСТОЧНИК: X-Compliance, 21.02.2022 - 16.12.2024

Санкционные списки, по которым считались данные

Инициаторы ограничений: Европа, Великобритания, США, Канада, Швейцария, Австралия, Япония, Польша

Санкционные списки: The Restrictive measures (sanctions) in force (EU), HM Treasury (UK), OFAC (USA), DFATD (Canada), SECO (Switzerland), DFAT (Australia), Japanese finance ministry sanctions (Japan), BIS (USA), The EU Air Safety List (EU), UK sanctions list, List of persons and entities subject to sanctions (Poland)

Рисунок 1 – Динамика введения санкций в отношении российских физических и юридических лиц со стороны зарубежных стран (2022-2024 гг.)¹

Нельзя упускать из виду, что западные санкции не просто добавили новых вызовов, а резко обострили давно тлевшие системные диссонансы и накопленные диспропорции в экономике и внешней активности российских регионов. Уже существующие хронические проблемы под давлением рестрикций переросли в острые кризисные явления. Поэтому современное

¹ Для проведения анализа существующего массива работ по тематике, связанной с введением санкций в отношении Российской Федерации были выбраны несколько критериев: временной (выборка за период 2022-2024 гг.), качественный (анализ статистических данных). Для поиска использовался термин «показатели экспорта». Данные для анализа были выгружены в формате jpg с портала «X-compliance» (рисунок 1).

состояние внешних связей регионов во многом обусловлено структурными проблемами, накопившимися за последние десятилетия.

Как отметили опрошенные эксперты, среди таких структурных проблем следует выделить сырьевую ориентацию экспорта, зависимость региональных бюджетов от поставок энергоносителей на мировой рынок, постоянная потребность в импортном высокотехнологичном оборудовании и в импорте инновационных технологий. Именно по этим направлениями в первую очередь ударили санкции, и именно эти направления оказались в поле зрения региональных властей в последние годы. Кроме того, впервые в истории страны Запада и их союзники инициировали исключение участия России и ее регионов из областей культуры и спорта (чего не было даже в самой острой фазе противостояния СССР и США), к этому добавились манипуляции с исторической памятью и действия по переписыванию истории. Как отмечают эксперты, необходим незамедлительный переход к экономическому новому порядку [148, с. 7-29].

В этой связи перед регионами в ходе реализации их внешних связей встали следующие задачи:

- корректировка стратегических приоритетов во внешней деятельности таким образом, чтобы избежать сильной зависимости от Китайской Народной Республики (что становится все сложнее), найти способы восстановить отношения со странами, которые поддерживают антироссийские санкции, но не являются их главными инициаторами (прежде всего, Республика Корея, Сингапур, Япония), а также расширить и углубить взаимодействие с регионами стран СНГ и ЕАЭС, стран т.н. глобального Юга (арабских стран, Ирана, Индии, стран Африки, Латинской Америки, стран Тихоокеанского региона, стран Юго-Восточной Азии);

- формирование основанных на открытости новых правил и принципов осуществления внешних связей на взаимовыгодных условиях, а именно: оптимизация режима и механизмов двухстороннего сотрудничества, усиление взаимных гарантий, улучшение инвестиционного климата и т.д.;

- разработка новых транспортно-логистических схем и страховых мер желательно с участием федерального центра, который предоставлял бы гарантии, возможно, посредством особых партнерских структур, компетентных в решении проблем, возникающих на международном уровне в торговле, логистике, страховании, взаиморасчетах, в урегулировании конфликтов и т.д.

Что же касается непосредственно Республики Башкортостан - политическая эволюция данного региона воплощает собой уникальную траекторию национально-территориального обустройства в рамках российского федерализма, где исторически сложившиеся традиции самоуправления гармонично переплелись с институтами советской автономии и постсоветского суверенитета.

Политогенез башкирских земель коренится в традиционных механизмах управления, которые возникли ещё в XVI веке после добровольного присоединения к Русскому государству. В этот период родоплеменные сходы, известные как шуро, и крупные курултаи выполняли роль децентрализованных органов власти, регулируя распределение пастбищ, сбор ясака в виде мехов и мёда. Эти структуры функционировали на основе консенсуса, где старейшины достигали согласий по ключевым вопросам, что позволяло башкирам сохранять внутреннюю сплочённость. К XIX веку, в составе Уфимской губернии, эти институты эволюционировали в полусамостоятельные волостные управы, где шуро продолжали решать локальные споры, миграцию и торговые связи с Поволжьем и Оренбургом. Эта дуалистическая система заложила фундамент для будущей автономии, поскольку Башкирия выступала буферной зоной Урала, развивая экономические сети по обмену скотом и кожами. Переход от анархических курултаев к институционализированному самоуправлению под надзором губернаторов не только сохранил этническую идентичность, но и подготовил почву для советского этапа, где историческая память о компромиссах с центром стала ключом к внешнеполитической акторности региона. Революционные потрясения 1917 года стали поворотным моментом, когда национальное движение кристаллизовалось в формальные структуры: 28

ноября Башкирское центральное шуру провозгласило создание Башкурдистана - первой национальной автономии на территории России. Учредительный курултай избрал Башревком под руководством З. Валидова, который начал переговоры с Временным правительством и большевиками, кульминацией которых стал историческое соглашение 1919 года между Советской властью и Башкирским правительством. Этот документ, первый в советской истории, учредил Башкирскую АССР (столица перенесена в Уфу в 1922 году) с широкими правами на недра, лесные ресурсы, языковую политику и определение внутренних границ, что позволило башкирам сохранить этнический контроль в условиях гражданской войны. Эволюция от революционных шуру к однопартийной системе с элементами башкиризации кадров (до 30% в элите к 1980-м) обеспечила индустриальный рывок и этностабильность, превратив БАССР в форпост Урала. Эта модель компромиссов - автономия в культуре за экономическую лояльность, напрямую повлияла на последующие внешние инициативы, где регион выступал надёжным партнёром центра.

Распад СССР спровоцировал «парад суверенитетов», в ходе которого 11 октября 1990 года Верховный Совет БАССР принял Декларацию о государственном суверенитете, трансформировав автономию в Башкирскую ССР, а с 25 февраля 1992 года в Республику Башкортостан [15].

Как указали опрошенные эксперты и согласно результатам авторского контент-анализа, истоки структурной перестройки внешних связей республики восходят как раз к началу 1990-х годов. С 1990 г. по 2000 гг. В Республике Башкортостан существовало стремление региональной власти утвердить свой статус и авторитет, как относительно самостоятельного актора в Российской Федерации и на международной арене, что подкреплялось вышеупомянутым положением о суверенитете, зафиксированном в первой редакции Конституции Республики Башкортостан 1993 года. Был учрежден пост Президента (первый Президент республики Муртаза Рахимов), Госсобрание Курултай, включающее в себя 150 депутатов, а также принцип двуязычия.

В тот период предпринимались попытки принятия политических решений в обход федерального центра. Основанием для такой деятельности служили экономический, социокультурный и этнический факторы. Ведь, как известно, Башкортостан – это один из наиболее развитых промышленных (с опорой на нефтедобычу и нефтепереработку) и сельскохозяйственных субъектов Российской Федерации, на территории которого проживает башкирский этнос. Совокупность этих черт определила и специфику региональной политики. Эта специфика особенно проявилась в широком развитии межрегионального сотрудничества с территориями Турецкой Республики, с регионами Урала при создании ассоциации «Большой Урал» и т.д.

С начала 2000-х в российской политике наметился вектор на укрепление вертикали власти, федеральный центр начал усиление контроля над региональной политикой, что выразилось, в том числе, в приведении республиканского законодательства в соответствие с федеральными законами. С 2008 г. по настоящее время наблюдается тенденция полного подчинения региональной системы власти федеральному центру, выражаемая, помимо прочего, в назначении И.о. Главы региона лично Президентом Российской Федерации (11 октября 2018 года после досрочной отставки Рустэма Хамитова, Президент Российской Федерации В.В. Путин назначил Радия Хабирова временно Исполняющим обязанности Главы Республики Башкортостан. В сентябре 2019 года Р.Ф. Хабиров победил на выборах и официально вступил в должность, а в 2024 году был переизбран на второй срок). Эти обстоятельства внутренней политики оказывали прямое и наиболее заметное влияние на процесс адаптации внешних связей, на подход к построению межрегионального сотрудничества за пределами России вплоть до периода пандемии COVID-19.

Еще одним мотивом для обновления стратегии развития внешних связей регионов стали Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и национальный проект «Международная кооперация и экспорт».

Сегодня одним из ведущих направлений внешних связей Республики Башкортостан является межрегиональное сотрудничество за пределами России. Стоит напомнить, что республика с самого начала 1990-х гг. одна из первых в современной России активно налаживает, поддерживает, расширяет и углубляет межрегиональное сотрудничество по всему миру. Эту динамику диссертант проследил в статистических обзорах, публикациях СМИ в ходе описанного выше контент-анализа.

В последние годы Республика Башкортостан, подобно большинству субъектов Российской Федерации, оказалась под ударом беспрецедентного шквала вызовов: многоуровневые западные санкции, парализующие огромное количество сфер, глобальный шок от COVID-19 с его локдаунами, разрывом цепочек взаимодействия и рецессией, геополитическая турбулентность, усугубляющая внутренние диспропорции и др. В этих условиях региональное правительство ищет выходы и новые возможности, пытается приспособиться к новым реалиям и продолжить межрегиональное сотрудничество.

Как подтвердили опрошенные эксперты, в этих условиях и в соответствии с возникшими задачами в Республике Башкортостан развернулась работа по адаптации внешних связей, в т.ч. согласно государственной программе «Развитие внешнеэкономических связей, международного и межрегионального сотрудничества Республики Башкортостан» [43].

Анализ полученных результатов показывает, что одним из наибольших преимуществ Республики Башкортостан является географическое положение в сочетании с разнообразным ландшафтом и климатом: регион расположен в предгорьях Южного Урала в центральной части Евразии, на его богатой природными ресурсами территории площадью 143 тыс. кв. км. есть живописные пространства – степи, скалистые хребты, горные реки и водопады, большие озера и водохранилища, что, с одной стороны определяет уникальный неповторимый облик региона, с другой – роднит и делает его похожим на самые разные регионы в других частях планеты. Эта особенность позволяет создавать совместные проекты, например, в сфере экологии. Это направление уже активизировано во

внешних связях с Республикой Беларусь, в частности, по совместному разведению занесенных в «Красную книгу» зубров из Беловежской пуши в природном парке «Мурадымовское ущелье».

Расположение региона в области соприкосновения Азии и Европы и нахождение в радиусе 500 км от главного города региона – Уфы – городов с населением более миллиона человек и других населенных пунктов с численностью жителей более 25 млн человек способствует формированию логистического и транспортного узла (хаба) для компаний из других регионов России и стран мира. В настоящее время региональное правительство действует в этом направлении – формируется инфраструктура, главным образом, транспортная сеть. Например, прорабатывается карта транспортной логистики «река-море»: в прошлом году получено технико-экономическое обоснование на реализацию проекта строительства речного порта и контейнерного терминала в г. Агидель, который планируется сделать ключевым пунктом на речном пути через ряд портов на реках европейской части России, а также на побережьях Азовского, Балтийского, Белого, Каспийского и Черного морей. Этот путь открывает дорогу сообщению с регионами Индии, Ирана, Китайской Народной Республики. Стартовало строительство железной дороги «Сибай-Подольск-Новорудная», которая на 250 км сокращает маршрут между восточными районами Среднего и Северного Урала с регионами Казахстана, Средней Азией и Китайской Народной Республики. Строится транспортно-логистический парк «Уфимский» стоимостью свыше 37 млрд. рублей. Расширяется масштаб деятельности оптово-продовольственного рынка «Евразийский центр международной торговли» (оптово-продовольственный рынок). Инициировано создание двух агропромышленных парков площадью около 300 га. Осуществляется совместное участие в международных логистических проектах: в ориентированном на развитие экспорта-импорта сельскохозяйственной продукции в рамках Евразийского экономического союза проекте «Агроэкспресс» с общим объемом вложенных денежных средств более 10 млрд. рублей. В его рамках планируется создание маршрутов ускоренных

контейнерных поездов с использованием современных логистических технологий. Подобные решения позиционируются как способы купирования транспортных издержек и логистических задержек, что несомненно повышает конкурентоспособность региона за счет прямого доступа к глобальным рынкам без посредников. Фискальные эффекты трансформации также значительны: общие налоговые поступления в бюджет страны от транспортно-логистической отрасли увеличились на 15%, достигнув 450 млрд рублей в прошлом году. Эти средства направляются на финансирование национальных проектов («Комплексная транспортная система», «Международные кооперация и экспорт»), обеспечивая замкнутый цикл: регионы генерируют доходы через логистические хабы, федеральный центр реинвестирует в инфраструктуру. Важным институциональным нововведением стало делегирование субъектам полномочий по квотированию пропускных мощностей портов и КПП, что позволяет адаптировать логистические потоки под локальные нужды рынка труда и производства без риска сепаратизма, балансируя федеративные интересы [146]. Для региона логистическая автономия означает переход от сырьевой зависимости к диверсифицированным внешним связям. Таким образом, федерализм снова эволюционирует от жесткой вертикали к сетевой модели, где субъекты получают инструменты для самостоятельного формирования транспортных коридоров, сохраняя стратегическое соответствие внешнеполитическим приоритетам центра.

Адаптация к санкционным ограничениям и повороту на глобальный Юг создает конкурентные преимущества для экспортеров и логистических операторов, но требует значительных инвестиций в цифровизацию и диверсификацию, сопряженных с определенными рисками. Малый бизнес сталкивается с дефицитом кадров, рискуя выбыть из рынка. Преимущества доминируют для крупных игроков (FESCO, РЖД-Логистика), получающих доступ к рынкам и субсидиям, поэтому малый бизнес нуждается в господдержке (например, кредиты под 3–5%), что в дальнейшем отразится в повышении конкурентоспособности российских компаний в глобальном пространстве, где

логистическая автономия регионов, таких как Республика Башкортостан, создает устойчивые цепочки поставок [23].

Очередное преимущество башкирского региона – его минерально-сырьевой потенциал, состоящий из 200 месторождений нефти и газа, 20 месторождений железа, месторождений меди, цинка, серебра, золота, 1100 месторождений общераспространенных полезных ископаемых, что стало мощным фактором создания и развития промышленности в регионе. Этот потенциал обеспечил нахождение республики в числе лидирующих в эффективной промышленной политике регионов, которые формируют две трети валового внутреннего продукта России, выпускают половину объёма общероссийской продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей [15].

В республике выстроены два крупнейших многоотраслевых комплекса:

- технологически связанные между собой добыча и переработка нефти и газа, а также нефтехимическая и химическая промышленность;
- машиностроение.

Нефтегазовый комплекс, состоящий из более чем 20 предприятий, – это становой хребет региональной экономики, соответственно, именно он во многом определяет направленность и характер внешних связей региона в экономической сфере, его вклад оказывается решающим в экспортном потенциале республики, хотя, как уже отмечалось, в последнее время активно развивается несырьевое направление как мера адаптации внешних связей региона к новым реалиям и вызовам.

Нефтяная промышленность сосредоточена вокруг компании «Башнефть». Ежегодная добыча нефти в регионе составляет около 15 млн. тонн, при этом перерабатывается более 20 млн. тонн (за счет поставок извне), из которых свыше 7 млн. тонн составляет дизельное топливо, 4 млн. тонн – бензин, более 200 тыс. тонн – нефтяные масла [131].

В нефтегазохимической промышленности Башкортостана лидирует компания «Газпром Нефтехим Салават», которая производит многочисленные виды полимеров, бензин, дизельное топливо.

Все эти предприятия активно вовлечены во внешние связи региона в экономической сфере и являются своего рода рычагами институционального влияния, позволяющими Башкортостану отстаивать свои интересы в распределении федерального бюджета, инфраструктурных проектах и геоэкономической роли, так как регион имеет блокирующий пакет акций компании «Башнефть», что дает ему уникальное преимущество среди нефтегазовых регионов – баланс экономической мощи и политического влияния.

Помимо реализации нефтегазохимической продукции внешние связи региона развиваются в сфере экспорта пищевой и кальцинированной соды, прицепов и полуприцепов (первое место в России), бензола, гидравлических и пневматических двигателей, автобусов (второе место в России).

Во внешние связи региона активно вовлечен лесопромышленный комплекс, что обусловлено значительными запасами леса, который занимает 40% территории республики, а общий запас древесины составляет почти 780 млн. куб. м [94]. Флагманы лесной промышленности – компании «Ультрадекор» и «Уральский лес».

Значительный вклад во внешние связи региона вносит легкая промышленность, которая включает в себя порядка 300 предприятий, которые, например, обеспечивают спецодеждой работников «Роснефти», «Российских железных дорог», «Московского метрополитена» [131].

Внешние связи региона обеспечиваются благодаря развитой энергетической инфраструктуре. Энергосистема Башкортостана считается одной из крупнейших в России (являются частью ее единой энергетической системы), включает в себя 40 электростанций, суммарная мощность которых составляет 5,5 гигаватт, большая часть которых (94%) генерируется тепловыми электростанциями, остальные 6% создаются гидроэлектростанциями и возобновляемыми источниками энергии [131].

Мощный промышленный потенциал региона обуславливает еще один значимый фактор развития внешних связей – инновационную активность, которая поддерживается тесным и целенаправленным взаимодействием научных

структур и промышленных предприятий. С целью расширения инновационной деятельности региона и привлечения к ней других регионов формируется межвузовский студенческий кампус Евразийского научно-образовательного центра площадью порядка 145 тыс. кв. м. Уже сейчас в нем в сотрудничестве с представителями индустрии работают 21 лаборатория, действуют центры трансфера технологий и студенческого предпринимательства. Одним из итогов такой деятельности стало то, что только в 2023 г. стали 350 заявок в Роспатент на регистрацию изобретений.

Внешние связи региона активно поддерживаются благодаря развитому агропромышленному комплексу. Обработываемые земли, сельскохозяйственные угодья Башкортостана, составляют около 7 млн. гектаров, что позволяет региону не только находиться в первой десятке субъектов Российской Федерации по этому показателю, но и производить практически все основные продукты питания. Например, ежегодно собирается порядка 4 млн. тонн зерна [131]. Есть и специфические отрасли, например – в кумысоделании и производстве меда регион занимает первое место в России. Второе место в России республика занимает по поголовью лошадей и коров, производству говядины, третье место – по производству молока. Отдельные сельскохозяйственные продукты, которые можно назвать уникальными, стали настоящими символами региона: бальзамы, башкирский гусь, башкирский мед, деликатесы из конины, кумыс, травы. Ценность и оригинальность этих продуктов являются следствием неповторимых и уникальных природных условий республики.

Отдельно стоит отметить сферу производства меда: регион известен среди других субъектов России как «медовый», что стало значимой составляющей имиджа Башкортостана во внешних связях. Это стало возможным во многом благодаря наличию липовых лесов, которые составляют одну треть всех липовых лесов нашей страны. Кроме того, в Бурзянском районе республики практикуется бортевое пчеловодство в его первоначальном виде народного промысла, чего больше нет нигде в России.

Несмотря на неоспоримый потенциал республики в сфере АПК, власти и бизнес сообщества региона сталкивались с неочевидным риском нерентабельности данной сферы. Одним из решений для улучшения нишевых показателей стал проведенный маркетинговый анализ [14], в результате которого были определены следующие маркетинговые стратегии для продвижения продукции АПК в рамках внешних связей (как, впрочем, и внутри региона). Так, с 2013 г. Популяризируется специальный знак «Продукт Башкортостана», который указывает на то, что носящая его продукция изготовлена из натурального природного сырья, произведена именно в Башкортостане, соответствует стандартам, безопасна. Другим примером служит уникальное мероприятие – открытие в Башкортостане представительства Центра компетенций Халяль при Роскачестве (чего нет ни в одном другом регионе), что позволяет получить соответствующий сертификат и открывает возможности для экспорта местной продукции в регионы стран Центральной Азии и другие территории, на которых проживает мусульманское население.

Для достижения высоких стандартов действует система мер правительственной поддержки местных агропредприятий, участвующих во внешних связях.

Развитый агропромышленный комплекс и выгодное экономико-географическое положение укрепляет положение региона как крупного межрегионального логистического продовольственного узла (хаба). Этому серьезно способствует поддержанный региональным правительством проект создания системы оптовых продовольственных рынков. В этой связи необходимо отметить, что Башкортостан стал пилотным регионом в этом совместном проекте с Центросоюзом России.

Ставка правительства Башкортостана в ходе структурной адаптации внешних связей была сделана на переориентацию экспорта сырьевых продуктов на несырьевой неэнергетический экспорт (ННЭ). В ходе этой работы в этом направлении за последние годы с целью противостояния новым вызовам была развернута целая новая сеть внешних связей региона, в которой реализуются

масштабные проекты, увеличивающие долю несырьевого неэнергетического экспорта в общем объеме экспорта. Например, если в 2018 г. объем неэнергетического экспорта составлял 1,9 млрд долларов США (43,6% в общем объеме экспорта), а в 2022 г. неэнергетический экспорт достиг отметки 2,7 млрд долларов США (65,9% в общем объеме экспорта) (таблица 1). Здесь и далее диссертант приводит данные, составленные лично автором на основании полученных в ходе самостоятельного сбора и контент-анализа документов и отчетов, опубликованных на правительственных сайтах Башкортостана [117].

Таблица 1. Несырьевой неэнергетический экспорт за период 2010-2023 гг.

Год	ВТО	Экспорт	Импорт	ННЭ	Динамика ННЭ к предыдуц. году	Динамика ВТО к предыдуц. году	Доля ННЭ в экспорте
2010	10 022,2	9 400,2	622	-	-	+91,8%	-
2011	11 662,7	10 723	939,7	-	-	+16,4%	-
2012	12 336,2	11 131,8	1 204,4	-	-	+5,8%	-
2013	14 371,3	13 324,5	1 046,8	2 199,9	-	+16,5%	16,5%
2014	13 774,9	12 770,9	1 004	2 000,2	-9,1%	- 4,1%	15,7%
2015	7 084,3	6 552,6	531,7	1 747,3	-12,6%	- 48,6%	26,7%
2016	6 318,5	5 692,7	625,8	1 361,6	-22,1%	-10,8%	23,9%
2017	5 029,3	4 268,9	760,4	1 835,1	+34,8%	-20,4%	43%
2018	5 364,2	4 355,4	1 800,8	1 900,4	+3,6%	+6,7%	43,6%
2019	4 951,3	4 190,6	760,7	1 969,9	+3,7%	-7,7%	47%
2020	4 055,5	3 129,7	925,8	1 886,1	-4,3%	-18,1%	60,3%
2021	4 617,3	3 715,8	901,5	2 521,9	+33,7%	+13,9%	67,9%
2022	5 100,8	4 090,1	1 010,7	2 693,3	+6,8%	+10,5%	65,9%
6 мес. 2023	2130,7	1518,8	611,9	934,8	-36%	-17,6%	61,6%

Как видно из таблицы 1, в сравнении с 2018 г., начиная с 2021 г. неуклонно растут объемы несырьевой неэнергетической продукции различных отраслей.

Более всего увеличились показатели продукции лесопромышленного комплекса (+135,4%), легкой промышленности (+118,75%), масложировой промышленности (+905,2%), мясомолочной промышленности (+289,5%), других отраслей аграрно-промышленного комплекса региона (+552,9%).

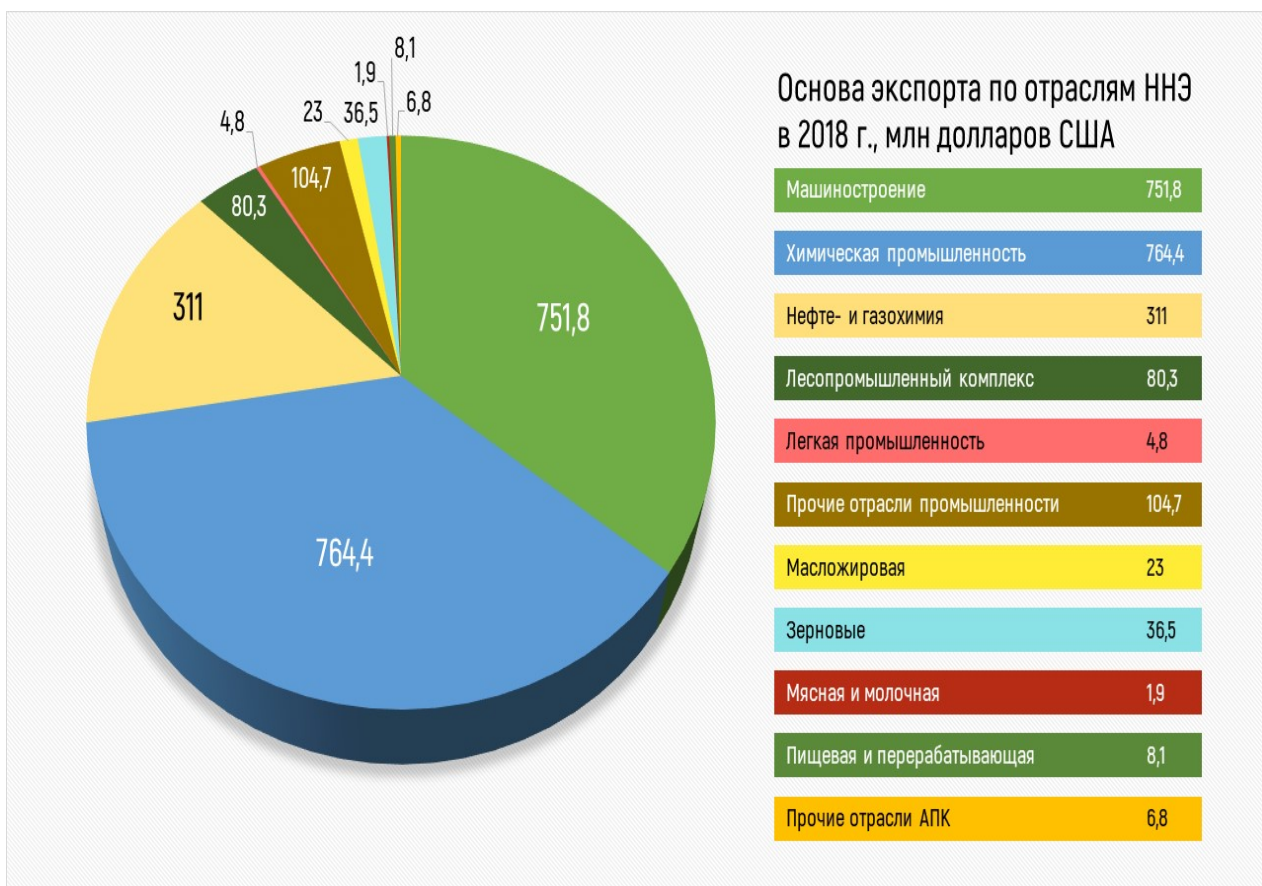

Рисунок 2 - Экспорт по отраслям несырьевой неэнергетической промышленности (2018 г.)²

² Для проведения анализа существующего массива работ по тематике, связанной с экспортом по отраслям промышленности, были выбраны несколько критериев: временной (выборка за период 2018 г.), качественный (анализ статистических данных). Для поиска использовался термин «показатели экспорта». Данные для анализа были выгружены в формате jpg с портала «Росстат» (рисунок 2).

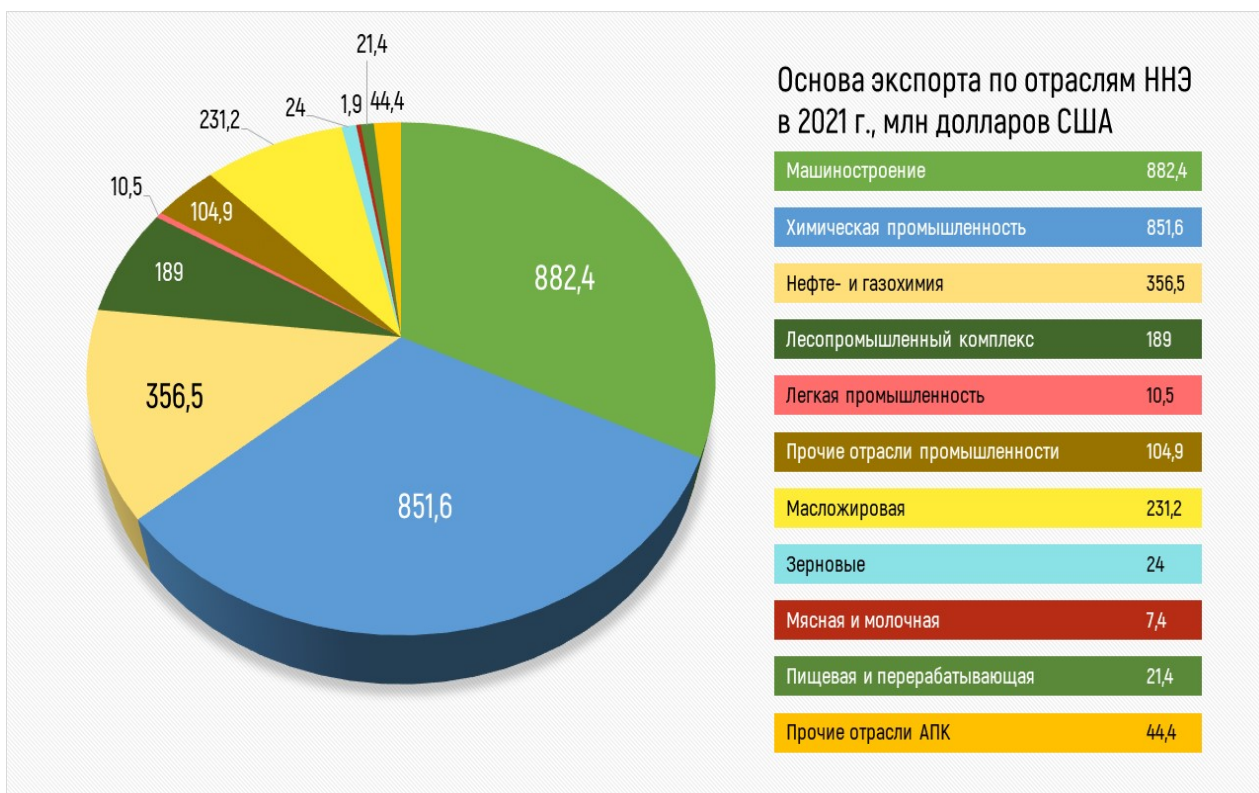

Рисунок 3 - Экспорт по отраслям несырьевой неэнергетической промышленности (2021 г.)³

Соответственно, изменилась структура экспорта в целом. Так, в 2021 г. основу экспорта составили:

- машиностроение с долей 23,75% в общем экспорте (с 2018 г. показатель увеличился на 17,4%), что обусловлено, среди прочего, расширением ассортимента и мерами по повышению качества;

- лесопромышленный комплекс с долей 5,09% в общем экспорте (с 2018 г. показатель увеличился на 135,4%);

- масложировая промышленность с долей 6,22% в общем экспорте (с 2018 г. показатель увеличился на 905,2%), что обусловлено, среди прочего, включением в линейку экспорта рапсового масла, которое вместе с

³ Для проведения анализа существующего массива работ по тематике, связанной с экспортом по отраслям промышленности, были выбраны несколько критериев: временной (выборка за период 2021 г.), качественный (анализ статистических данных). Для поиска использовался термин «показатели экспорта». Данные для анализа были выгружены в формате jpg с портала «Росстат» (рисунок 3).

подсолнечными направляется в регионы стран СНГ, Ирана, Турции, Китая (см. рисунок 2, 3).

Данные статистического анализа и контент-анализа показывают, что активность государственных органов в деле наращивания экспорта несырьевых неэнергетических товаров привела к качественным изменениям экспорта как экономической части внешних связей региона (таблица 2) [117].

Таблица 2. Основа экспорта по несырьевым неэнергетическим отраслям.

Отрасли	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Темп роста 21/18 гг.	Доля % 2021
Машиностроение	464,9	796,4	751,8	904,7	36,0	882,4	+17,4%	23,75
Химическая промышленность	593,7	722,9	764,4	661,1	92,1	851,6	+11,4%	22,92
в т. ч. нефте- и газохимия	286,0	312,2	311,0	261,5	21,7	356,5	+14,6%	9,59
Лесопромышлен ный комплекс	62,6	73,3	80,3	85,8	3,9	189,0	+135,4%	5,09
Легкая промышленность	3,5	4,3	4,8	6,1	5,4	10,5	+118,75%	0,28
Прочие отрасли промышленности	68,7	77,5	104,7	107,3	94,8	1104,9	+0,2%	2,82
Масложировая	1,5	5,7	23,0	47,9	95,8	2231,2	+905,2%	6,22
Зерновые	5,2	11,4	36,5	7,6	23,4	224,0	-34,2%	0,65
Мясная и молочная	0,7	1,2	1,9	3,2	5,5	77,4	+289,5%	0,20
Пищевая и перерабатывающая	2,9	6,9	8,1	20,2	27,8	21,4	+164,2%	0,58
Прочие отрасли АПК	8,2	11,7	6,8	24,1	25,7	44,4	+552,9%	1,19

Принятые региональным правительством меры по адаптации внешних связей региона к новым вызовам привели к дифференциации, расширению и углублению межрегионального сотрудничества в экономической сфере (позволив нарастить производство фанеры, фанерных плит, клееного бруса и др.), что подтверждается следующими показателями:

- в 4 раза возрос экспорт ациклических углеводов;
- в 13 раз возрос экспорт подсолнечного масла;
- впервые налажен экспорт фанеры, фанерных плит, клееного бруса (таблица 3) [117].

Таблица 3. Товары – лидеры роста, млн долларов США.

ТНВЭД	Товар	2018	2021	Темп 21/18 гг. %
1512	Подсолнечное масло	15,3	199,0	рост в 13 раз
2916	Монокарбоновые кислоты прочие и их производные	79,3	124,7	+56,9%
3904	Поливинилхлорид	32,2	96,0	+198,1%
4410	Древесно- стружечные плиты	63,6	114,4	
4002	Синтетический каучук	112,8	123,8	+79,9%
4412	Фанера, фанерные плиты, клееный брус (до 2022 г.: фанера)	-	52,2	+100%
7217	Проволока из нелегированной стали	42,0	59,3	+41,2%

0713	Зернобобовые	-	31,6	+100%
7213	Катанка нелегированная	35,1	46,9	+33,6%
2901	Ациклические углеводороды	6,2	24,9	рост в 4 раза

Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что работа по адаптации внешних связей региона, помимо их успешной трансформации, стала заметным фактором развития региональной промышленности, тем самым была оказана поддержка региональной промышленной политике, что позволяет проследить прямое влияние внешних связей на экономику региона. Так, в Республике Башкортостан к 2022 г. число предприятий-экспортеров возросло на 28,1% в сравнении с 2021 г. (994 предприятия) и достигло 1273, из которых 7,1% (91 предприятие) составили предприятия крупного бизнеса, остальные – предприятия малого и среднего бизнеса. При этом число предприятий, которые участвуют во внешних связях региона в части экспорта несырьевых неэнергетических товаров, в 2022 г. выросло на 27,3% (1215 предприятий) в сравнении с 2021 г. (954 предприятия) [117].

Как видно, именно предприятия малого и среднего бизнеса стали наиболее значительным фактором и драйвером роста.

Общую картину структурной трансформации экономического сотрудничества Башкортостана с зарубежными партнерами показывают следующие цифры.

Только за 2022 г. взаимный товарооборот Республики Башкортостан и Беларуси, Казахстана, Китайской Народной Республики, Турции, Узбекистана составил 2 462,4 млн долларов США. Этот показатель на 34% превысил сумму 2019 г. (1 836 млн долларов США). Причем экспорт составил 1 817,3 млн долларов США, что на 21,1% выше показателя 2019 г. (1 499,6 млн долларов США) [117].

Одним из подтверждений этому служат показатели расширения географии экспорта (таблица 4) [117].

Таблица 4. География экспорта, млн долларов США.

Регион мира	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Темп, % 21/16	Доля, % 2021
Восточная Азия	373,2	600,1	463,1	641,1	813,5	1 040,1	+178,70	28,0 %
Ближний Восток	262,7	202,6	266,5	149,5	131,8	374,3	+42,48	10,1 %
АТР, кроме Восточной Азии	144,7	201,3	262,9	264,1	183,9	202,1	+39,67	5,4 %
Северная Америка	39,3	54,9	88,6	62,6	38,7	127,8	+225,19	3,4 %

Еще одним новшеством последних лет является открытие новых авиарейсов в дружественные страны дальнего и ближнего зарубежья.

Аэропорт Уфы теперь обслуживает прямые регулярные рейсы в Беларусь и Узбекистан, существенно увеличена частотность перелетов в города Армении, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана. Эффект налицо: по итогам 2023 г. трафик в страны Евразийского Экономического Союза и СНГ подскочил на 33%, а общее число пассажиров на международных перелетах превысило 700 тыс. человек, восстановив и превысив допандемийные показатели. Сезонный буст перевозок в 2024 г. вывел динамику на пик: в пиковые летние месяцы фиксировалось 15 ежедневных вылетов по 20 международным маршрутам (включая Баку, Бишкек, дополнительно рейсы в Турцию и Объединенные Арабские Эмираты), что оживило туризм, бизнес-командировки и гуманитарные контакты, компенсируя вакуум от европейских направлений.

Таким образом, в последние годы структурная адаптация внешних связей Башкортостана происходит в меняющихся условиях на региональном (застарелые структурные экономические проблемы и новые ограничения, связанные с режимом специальной военной операции в Российской Федерации и др. обстоятельствами), национальном (сохраняющееся доминирование федерального центра), геополитическом (противостояние с наиболее развитыми странами, ужесточение и практически постоянное увеличение антироссийских санкций) уровнях.

Основными актуальными тенденциями трансформации внешних связей Башкортостана являются их приспособление к новым реалиям, структурная трансформация сотрудничества с зарубежными партнерами из дружественных стран.

При этом, сфера внешнерегионального взаимодействия характеризуется противоречивостью: с одной стороны, растет число и качество взаимодействия с регионами Азии, Ближнего и Дальнего Востока, увеличивается объем несырьевого неэнергетического экспорта, с другой стороны, усиливается зависимость от Китайской Народной Республики, а также сохраняется дисбаланс в торгово-экономических отношениях, в которых значительное место все еще занимает продукция топливно-энергетического сектора.

Данные авторского исследования показывают, что в центре структурной трансформации зарубежных связей Республики Башкортостан находится торговое сотрудничество, которое выступает в качестве основного драйвера изменений. Авторская позиция заключается в том, что такая приоритетность обусловлена несколькими факторами: во-первых, объективной невозможностью оперативно устранить весь спектр проблем, возникших в условиях новых геополитических и экономических реалий; во-вторых, необходимостью фокусироваться на наиболее стратегически значимых направлениях, где экономическая политика приобретает определяющее значение, поскольку от ее эффективности напрямую зависит не только экономическая устойчивость региона, но и его долгосрочная жизнеспособность, социальная стабильность и

способность к самостоятельному развитию в федеративной системе. В этом контексте торговое сотрудничество становится не просто тактическим инструментом, а фундаментальной основой для перестройки внешних связей, позволяя региону маневрировать ресурсами, адаптироваться к внешним вызовам и укреплять позиции на международной арене через прагматичные экономические механизмы.

Исследуемая трансформация внешних связей Республики Башкортостан носит комплексный, многоуровневый характер и охватывает ряд взаимосвязанных составляющих, каждая из которых способствует усилению акторности региона и его интеграции в новые экономические конфигурации. Данная трансформация включает в себя следующие составляющие:

- изменение структуры экономического комплекса Республики Башкортостан, диверсификации экономики, бурном развитии малого и среднего предпринимательства и расширении транспортной сети;

- существенную коррекцию структуры экспорта (диверсификация экспорта, переориентация с сырьевого на несырьевой, рост доли несырьевых и неэнергитических продукций и др.);

- положительную динамику роста экспорта в дружественные страны и их регионы при расширении номенклатуры поставляемой продукции (Узбекистан, Китай, Беларусь итд).

2.2. Институциональная трансформация внешних связей Республики Башкортостан в новых условиях развития

Еще одним важнейшим аспектом трансформации внешнерегionalных связей является институциональная адаптация в развитии сферы внешних связей Башкортостана.

Диссертант определяет институциональную адаптацию внешних связей регионов как обновление системы права, создание релевантных структур государственного управления, а также развитие таргетированной активности региональных органов власти в соответствии с трансформирующимися реалиями, вызовами и угрозами с учетом потенциала имеющихся ресурсов и открывающихся новых возможностей.

Таким образом, модель институциональной адаптации внешних связей российских регионов, как мысленно представляемая система включает в себя следующие структурные элементы (сегменты, части):

- институционально-нормативный;
- институционально-функциональный;
- институционально-деятельностный.

Институциональная адаптация внешних связей Республики Башкортостан стала возможной вследствие принятия целого ряда официальных документов и нормативно-правовых актов:

- Конституция РФ, в третьей главе которой установлено федеративное государственное устройство [75];
- Концепция внешней политики Российской Федерации, в которой провозглашены принципы равноправного и взаимовыгодного партнерства с

зарубежными странами, иностранными государствами на основе признания независимости и суверенитета, уважения, прозрачности, прагматизма, предсказуемости, бесконфликтности и пр. [76];

- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [151];

- Стратегия национальной безопасности, в которой указаны национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики по обеспечению безопасности и устойчивого развития нашей страны [150];

- Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации, направленная на установление и поддержание плодотворных отношений между российскими регионами и сопредельными государствами в разных сферах их жизнедеятельности [77];

- Федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества», в котором зафиксировано следование общепринятым нормам и принципам международного права, положениям международных договоров РФ; установлен принцип разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти центрального, регионального и муниципального уровней; учет специфики отношений между странами и их субнациональными единицами; принцип взаимной выгоды для всех сторон сотрудничества; вовлеченность населения в разработку и реализацию программ и проектов; субсидиарность и т.д. [163];

- Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», который защищает права и законные интересы российских регионов в их международной деятельности и очерчивает общую рамку для внешнеэкономической активности субъектов РФ [159];

- Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», в котором представлены полномочия

Российской Федерации и субъектов РФ в области внешнеторговой деятельности [160];

- Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который направлен на координацию всех органов и уровней управления, участвующих в бюджетной политике, фиксирует порядок взаимодействия правительства с разного рода негосударственными организациями [164];

- Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», регулирующий заключение, исполнение и прекращение договоров Российской Федерации с зарубежными акторами [161];

- Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который устанавливает общие принципы структурирования региональной системы управления и осуществления ею власти [162];

- Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации до 2025 г.», который устанавливает принципы, цели и задачи политики регионального развития [158];

- Конституция Республики Башкортостан [74];

- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [151]. Одна из целей Стратегии – сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни людей. Определены принципы, приоритеты и основные направления пространственного развития России, сценарии пространственного развития, в том числе приоритетный (целевой) сценарий, перспективные центры экономического роста, макрорегионы, перспективные экономические специализации субъектов Федерации. В Стратегии сформированы 12 макрорегионов и включение Башкортостана в состав Волго-Уральского макрорегиона в рамках данной Стратегии представляет собой значимый фактор встраивания региона в систему национальных приоритетов развития. Стратегия задаёт институциональные ориентиры и формирует «рамку» для пространственной интеграции, однако не содержит чётких механизмов

реализации в части внешнеэкономической деятельности субъектов. Для республики это выражается в том, что стратегические цели (повышение качества жизни, развитие экономических центров) не всегда соотносятся с задачами экспорта и международного позиционирования региона. Недостаток межведомственной координации и слабая детализация инструментов пространственного развития в большей степени являются проблемными аспектами;

- указ Главы Республики Башкортостан от 11.08.2017 № УГ-124 "Об автономной некоммерческой организации «Центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Башкортостан». Центр создан с целью содействия выхода республиканских экспортеров на иностранные рынки, увеличения экспортного потенциала Республики Башкортостан. Задачи Центра ориентированы на всестороннюю помощь субъектам малого и среднего бизнеса в их экспортной экспансии, предоставляя комплексный спектр услуг от информационно-аналитического сопровождения и экспертных консультаций до организационной, финансовой и логистической поддержки. Кроме того, институт активно содействует выводу на международные рынки продукции местных производителей, обеспечивая её продвижение через целевые кампании, маркетинговые исследования и партнёрские платформы, а также координирует участие государственных органов республики в выставочно-ярмарочных, конгрессных мероприятиях и форумах, что усиливает общий экспортный потенциал региона и способствует устойчивому развитию его внешних связей. Центр осуществляет свои полномочия в тесном взаимодействии с республиканскими и федеральными органами исполнительной власти, торговыми представительствами РФ в иностранных государствах и общественными объединениями предпринимателей [157]. Создание данного центра можно считать примером эффективного институционального механизма. Вместе с тем, отсутствие закреплённой на уровне закона системы оценки эффективности работы Центра и зависимости его финансирования от реальных

экспортных показателей ограничивает результативность данного инструмента;

- постановления Правительства Республики Башкортостан «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета РБ на возмещение части затрат, связанных с транспортировкой пилотных партий товаров (продукции) за рубеж», и «Об утверждении порядка предоставления в субсидий из бюджета РБ на возмещение части затрат, связанных с транспортировкой товаров на экспорт 2020 г.» [125]. Постановления предполагают снижение транзакционных и транспортных издержек для региональных производителей-экспортеров, что повышает их конкурентоспособность на внешних рынках. Также, через поддержку транспортировки пилотных партий стимулируется тестирование новых рынков и продуктов, что снижает риски и способствует инновационному поведению предприятий. Однако механизм субсидирования требует дальнейшей адаптации к реалиям внешнеторговой логистики и более прозрачного распределения средств. Высок риск возникновения случаев избыточной бюрократизации процесса подачи заявок и наличие плохой информационной осведомленности компаний о существующей программе;

- государственная программа «Развитие внешнеэкономических связей, международного и межрегионального сотрудничества Республики Башкортостан» [43]. Данная программа предполагает создание системы инструментов развития внешнеэкономической деятельности, ориентированную на развитие отношений с дружественными странами, а также реализацию комплекса институциональных мероприятий по популяризации и развития экспорта;

- Приказ Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан от 15 ноября 2021 года №110 «Об утверждении Положения о функционировании проекта «Сделано в Башкортостане» («Made in Bashkortostan», «Башкортостанда эшлэнгән»))» [130];

- Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 6 июля 2020 года №672-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации проекта «Сделано в Башкортостане» («Made in Bashkortostan», «Башкортостанда

эшлэнгэн») на 2020-2022 годы» [133]. Проект направлен на поддержку производителей несырьевой продукции в выходе на международные рынки под единым брендом, формирование положительного имиджа региона, повышение узнаваемости продукции производителей Башкортостана во всем мире. Сильной стороной вышеуказанных программ является комплексный подход к развитию экспортной инфраструктуры и продвижению регионального бренда. Однако в аналитическом плане данные программы характеризуются недостаточной увязкой с федеральными стратегиями, а также слабой системой мониторинга эффективности. Кроме того, отсутствует чёткий акцент на инновационные и цифровые инструменты поддержки экспорта (электронные торговые площадки, цифровой маркетинг, сертификация и логистика на основе новых технологий;

- порядок предоставления субсидий из бюджета Республики Башкортостан производителям несырьевых неэнергетических товаров Республики Башкортостан на возмещение части затрат, связанных с реализацией на экспорт товаров, произведенных на территории республики [124];

- Положение о конкурсе «Лучший экспортер года» среди субъектов МСП [120]. В рамках реализации Национального проекта Международная кооперация и экспорт Министерство внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан совместно с Центром поддержки экспорта Республики Башкортостан (ЦПЭ) проводят региональный этап конкурса Экспортер года в целях популяризации экспортной деятельности среди башкирских предпринимателей. Конкурс «Лучший экспортер года» Республики Башкортостан преследует стратегические цели по укреплению позиций региона на глобальной арене: стимулирование роста конкурентоспособности продукции республиканских товаропроизводителей на внешних рынках, оценка эффективности внешнеэкономической деятельности предприятий Республики Башкортостан, повышение престижа экспортной деятельности и диверсификация экспортных поставок по номенклатуре и странам. Данная программа создает позитивную динамику в формировании экспортной культуры среди предпринимателей. Вместе с тем, такие инструменты носят

преимущественно репутационный, а не экономический характер, и не всегда стимулируют долгосрочное развитие экспортного потенциала, особенно в несырьевом секторе.

Закономерным этапом в институционализации внешнеэкономической и международной политики региона стало создание основной и головной организации по координации и регулированию внешних связей региона - Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан (которое в свою очередь находится в непосредственном подчинении Правительству Республики Башкортостан, и безусловно напрямую выполняет указания Главы Республики Башкортостан), в октябре 2021 г. путем изменения статуса Государственного комитета Республики Башкортостан по внешнеэкономическим связям и конгрессной деятельности. Это обстоятельство указывает на высокое значение, которое региональное правительство придает развитию внешних связей. Формирование данного института обусловлено комплексом политических, экономических и имиджевых факторов, связанных с необходимостью повышения конкурентоспособности республики в условиях глобализации и усиливающейся межрегиональной конкуренции. Согласно «Положению о Министерстве внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан» в его полномочия входит:

- формирование и координация внешнеэкономической, международной и межрегиональной деятельности Республики Башкортостан;
- содействие продвижению продукции республиканских товаропроизводителей на внешние рынки;
- координация выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности государственных органов Республики Башкортостан [121].

Таким образом, в соответствии с вышеперечисленными нормативно-правовыми документами, а также работой правительственных структур, развитие сферы внешних связей Башкортостана проходит по следующим направлениям:

- заключение международных договоров;
- внешнеторговое сотрудничество;
- привлечение иностранных инвестиций;
- создание представительств Башкортостана за рубежом;
- приемы в республике иностранных делегаций;
- визиты официальных делегаций Башкортостана в регионы зарубежных стран;
- международное гуманитарное сотрудничество Республики Башкортостан;
- участие республики в крупнейших российских и международных конгрессно-выставочных мероприятиях;
- участие Башкортостана в выставках с презентацией экспортного потенциала и организация бизнес-миссий при участии экспортно-ориентированных предприятий республики.

Основными способами институциональной адаптации внешних связей Башкортостана к новым условиям и реалиям стали: установление пятистороннего сотрудничества между Правительством Республики Башкортостан, Министерством внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан, АНО «Центр поддержки экспорта Республики Башкортостан» (ЦПЭ РБ), институтом бизнес-шерифов, представительством АО «Российский экспортный центр» в г. Уфа, формирование плана первоочередных мер по обеспечению устойчивого развития экономики Республики Башкортостан в условиях внешнего санкционного давления, реализация многоотраслевой акселерационной программы «Экспортный форсаж», приспособление франшиз под требования конкретных иностранных регионов, содействие регионального правительства выводу предпринимателей на международные маркетплейсы, реализация проекта «Скорая экспортная помощь», проведение конкурса «Экспортер года» и др.

Как упоминалось ранее, в последние 5 лет основной тенденцией в адаптации внешних связей региона к новым вызовам стала региональная политика поддержки и расширения экспорта товаров и услуг со ставкой на переориентацию экспорта сырьевых продуктов на несырьевой неэнергетический экспорт, что позволило максимально сохранить межрегиональное сотрудничество и повысить промышленный потенциал республики.

Среди наиболее эффективных мер регионального правительства в области внешних связей, а именно в сфере наращивания экспорта несырьевых и неэнергетических товаров необходимо особо отметить вышеупомянутое субсидирование, производящееся согласно постановлению «Об утверждении Порядка предоставления в 2020 году субсидий из бюджета Республики Башкортостан производителям несырьевых неэнергетических товаров Республики Башкортостан на возмещение части затрат, связанных с реализацией на экспорт товаров, произведенных на территории Республики Башкортостан» Благодаря этим мерам удалось заметно увеличить поставки в другие регионы масел и жиров (на 986,1%), древесины и продукции деревообработки (на 140,2%), овощей, клубнеплодов и зернобобовых (на 31700%), кормов (на 450%), сахара и сахарных изделия (на 209,6%), молочных продуктов, яиц, меда (на 100%) (таблица 5) [117].

Таблица 5. Основные группы продукции, показавшие рост экспорта по сравнению с 2018 г., млн долларов США.

Группа	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Темп, % 21/18	Доля, % 2021
Продукты органической химии	202,2	261,0	314,6	249,0	201,1	21,0	+2%	8,64
Масла и жиры	-	4,9	18,7	36,1	76,7	03,1	+986,1%	5,47

Древесина и продукция деревообработки	58,7	70,5	75,6	81,5	86,1	81,6	+140,2%	4,89
Продукты неорганической химии	115,8	152,3	160,8	152,5	35,1	58,0	-1,7%	4,25
Пластмассы и изделия из них	84,	72,4	57,0	71,2	67,2	33,4	+134%	3,59
Каучук и резинотехнические изделия	87,9	128,9	114,1	73,9	83,2	25,3	+9,8%	3,37
Черные металлы	51,	56,7	81,9	55,2	56,2	07,9	+31,7%	2,90
Стекло и изделия из него	24,1	38,6	48,8	38,6	37,3	1,5	-14,9%	1,12
Прочие химические продукты	10,9	16,8	24,4	27,9	27,1	5,6	+45,9%	0,96
Овощи, клубнеплоды и зернобобовые	-	1,0	0,1	6,9	6,0	1,8	+31700%	0,86
Корма	-	1,9	5,6	14,6	21,7	0,8	+450%	0,83
Зерно	5,2	11,4	36,5	17,6	23,4	4,0	-34,2%	0,65
Сахар и сахаристые изделия	-	4,2	5,2	15,6	23,8	6,1	+209,6%	0,43
Инструменты и столовые приборы	2,5	6,9	2,6	4,4	3,9	3,5	+188,4%	0,20
Молочная продукция, яйца, мед	1,7	2,7	3,5	5,1	5,2	7,0	+100%	0,19

Как следует из данных авторских исследований, еще одним способом трансформации внешних связей региона стал разработанный региональным правительством в качестве противоковидной программы в 2019-2020 гг. «План первоочередных мер по обеспечению устойчивого развития экономики

Республики Башкортостан в условиях внешнего санкционного давления». В рамках данного плана были реализованы три финансовых мероприятия:

- выданы субсидии, частично возмещающий затраты на транспортировку товаров за рубеж;

- предоставлены частично возмещающие затраты на международную сертификацию субсидии производителям несырьевых неэнергетических товаров;

- произведен возврат денежных средств (гранты, экспортные кэшбэки).

Этот план был положительно воспринят и другими российскими регионами.

Также в Башкортостане были внедрены «Рекомендации по ведению экспортной деятельности в кризисный период и ответы на часто задаваемые вопросы», подготовленные Аналитическим центром Группы Российского экспортного центра [135].

Всего за 2019-2023 гг. из регионального бюджета Башкортостана было выделено в качестве субсидий 438 млн руб., которые получили предприятия, участвующие во внешних связях региона в части экспорта товаров, объем которых составил 40 млрд руб. По результатам этих и других мер удалось поддержать промышленность, сохранить численность предприятий, задействованных во внешних связях региона: на первое полугодие 2023 г. в республике работало 1235 экспортеров [117]. Причем каждый из них встроен в республиканскую систему мер поддержки.

Такая деятельность была поддержана и федеральным центром: с 2017 по 2022 гг. согласно программе «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» Центр поддержки экспорта Республики Башкортостан получил из российского бюджета более 335 млн руб. Примечательно, что в 2018 г. было выделено 6,8 млн руб., а в 2021 году – 110 млн руб. Шестнадцатикратное увеличение размера финансирования показывает, что региональное правительство выбрало верный курс и получило признание со стороны федерального центра (таблица 6) [117].

Таблица 6. Финансирование федерального центра.

Год	Общее финансирование, млн руб	Федеральное финансирование, млн руб	Республиканское финансирование, млн руб
2018	9,3	6,8	2,5
2019	90,8	70,8	20,0
2020	98,4	66,9	31,5
2021	151,4	110,6	40,8
2022	117,3	80,7	36,6
2023	75,07	56,48	8,59
Всего	542,27	392,28	139,99

Расчеты показывают, что эффективность инвестированных во внешние связи (в части экспорта) денежных средств составила в 2022 г. на 1 рубль 102,4 руб., что является самым высоким показателем среди всех российских регионов (например, в Московской области показатель эффективности составляет 78 2 руб.) [117].

Еще одним способом адаптации внешних связей региона к новым вызовам стали образовательные программы для субъектов малого и среднего бизнеса. Так, с 2019 г. в Республике Башкортостан действует многоотраслевая акселерационная программа «Экспортный форсаж» Школы экспорта Российского экспортного центра. В рамках этой программы с 2019 г. по первое полугодие 2023 г. поддержку получили 148 субъектов малого и среднего бизнеса. 6 субъектов малого и среднего бизнеса приняли участие в партнерской акселерационной программе, организованной бизнес-школой «Сколково».

В дополнение к действующей программе в 2021 г. в регионе инициирован пилотный проект по реализации акселерационных программ в нефтегазовой отрасли (оборудование и услуги), лесопромышленной отрасли, 2 программы по агропромышленному комплексу (продукты питания; животноводство, растениеводство, переработка). Одним из промежуточных итогов обучения в

2022 г. стало заключение новых контрактов и расширение географии внешних связей более чем третью (35%) участниками программы; 50 субъектов малого и среднего бизнеса заключили 122 экспортных контракта в 21 стране.

Очередным способом институциональной адаптации внешних связей региона к новым вызовам стало в том числе приспособление франшиз под требования конкретных иностранных регионов. Этот инструмент был разработан в тесном сотрудничестве с бизнес-школой «Сколково» в 2022 г., и признан лучшим - сведения о нем опубликованы на сайте «Смартека».

В соответствии с результатами контент-анализа можно утверждать, что эффективным способом адаптации внешних связей региона к новым реалиям стало содействие регионального правительства выводу предпринимателей на международные маркетплейсы. Так, при участии Центра поддержки экспорта Республики Башкортостан с 2019 г. по первое полугодие 2023 г. на сайтах 25 международных торговых организаций были размещены 372 уникальные компании с 436 аккаунтами, которые предложили 44 808 товаров, продаваемых в более чем 50 регионах и странах мира. Среди таких сайтов Allbiz, Alibaba, Amazon.com, Amazon.com.tr, Amazon.ae, eBay.com, Ebay.de, Ecasb, Etsy, Europages, Epinduo, Fordaq, GlobalTradePlaz, IndustryStock, Kaspi.kz, Lazada, LespromNetwork, RSTrade, Satu.kz, Supl.biz, Topfranchise, TurkishExporter.NET, Wechat.Taobao, Woodresource.com.

При размещении товаров на маркетплейсах учитывается региональная и религиозная специфика: товары представлены на двух витринах – «Классической» и «Халяль».

По данным аналитического агентства «DataInsight» в 2021 г. Республика Башкортостан заняла 1 место среди российских регионов по экспортной активности малого бизнеса на сайте «Ebay» (см. рисунок 4) [117].

ТОП ЭКСПОРТИРУЮЩИХ РЕГИОНОВ РОССИИ НА ЕВАУ

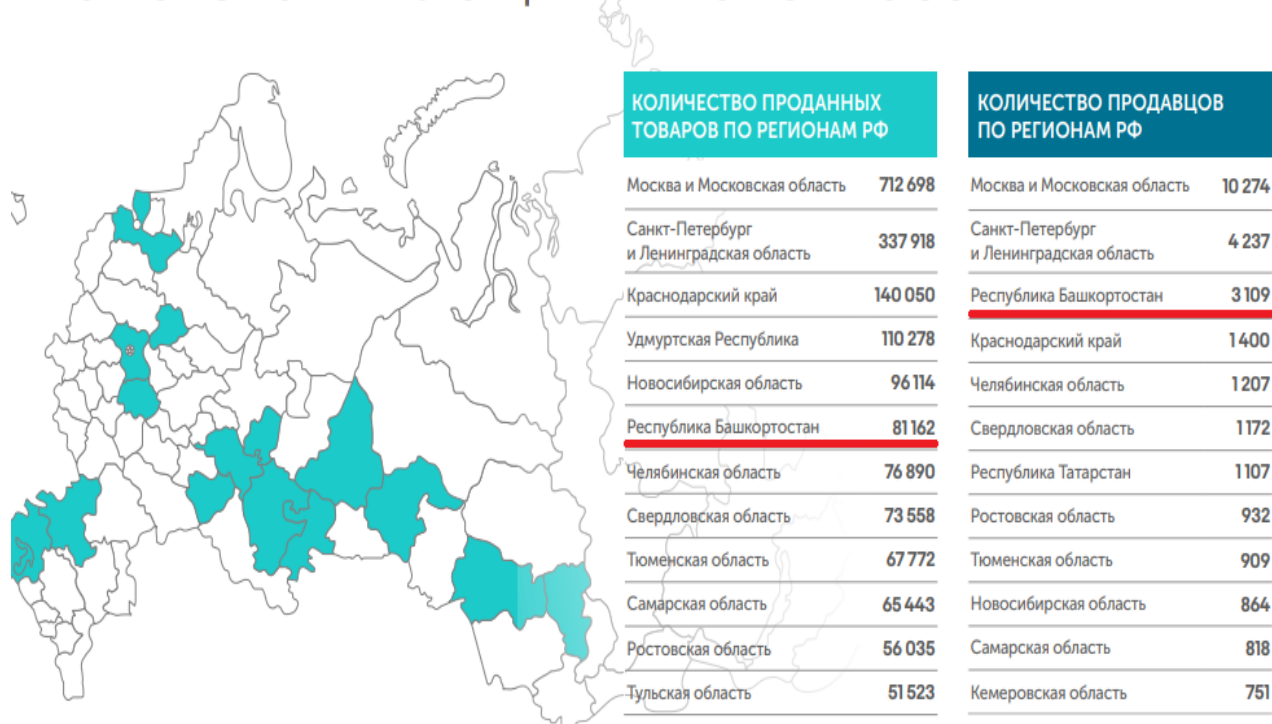

Рисунок 4 – Перечень топ экспортирующих регионов России на платформе «eBay»⁴

Также в 2021 г. году регион занял 3 место по численности продавцов (2 940) на маркетплейсах и вошел в ТОП-6 регионов России по проданным через маркетплейсы за рубеж товарам (см. рисунок 5). Также товары региональных предприятий размещаются на электронных ресурсах Российского экспортного центра.

⁴ Для проведения анализа существующего массива работ по тематике, связанной ТОП экспортирующих регионов России на торговой платформе ЕВАУ были выбраны несколько критериев: временной (выборка на дату 11.2021г.), качественный (анализ статистических данных). Для поиска использовался термин «экспортная активность». Данные для анализа были выгружены в формате jpg с портала «DataInsight» (рисунок 4).

ЭКСПОРТНАЯ АКТИВНОСТЬ СМБ ПО РЕГИОНАМ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 СОРТИРОВКА ПО ЭКСПОРТНОМУ ИНДЕКСУ

БАШКОРТОСТАН	331	ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	85	ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	71
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	184	БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	84	ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ	70
КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	150	КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	84	КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ	69
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	141	СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	84	СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ	68
МОСКВА	127	ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ	83	ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ	68
ХАКАСИЯ	123	ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ	82	ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ	63
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ	120	КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	82	ПРИМОРСКИЙ КРАЙ	62
УДМУРТИЯ	119	КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	81	СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ	62
ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	117	УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	81	ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ	62
КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	112	НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ	81	ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ	61
ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ	110	ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ	81	РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	56
ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ	109	КАРЕЛИЯ	81	ТЫВА	51
БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ	108	СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	80	КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ	49
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	105	НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	79	АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	44
МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	105	АЛТАЙСКИЙ КРАЙ	78	ДАГЕСТАН	41
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	103	ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	77	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	40
ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	100	ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ	77	КАМЧАТСКИЙ КРАЙ	38
САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	99	АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	77	ЧЕЧНЯ	38
ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	99	КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	77	БУРЯТИЯ	38
МОРДОВИЯ	98	КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ	75	КАЛМЫКИЯ	34
МАРИЙ ЭЛ	98	ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	74	МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	31
ТАТАРСТАН	94	ЧУВАШИЯ	74	ЯКУТИЯ	30
ПЕРМСКИЙ КРАЙ	92	КОМИ	73	САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ	30
НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	89	РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	73	ЧУКОТСКИЙ АО	28
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ	88	АДЫГЕЯ	73	КАРЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ	19
ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	88	КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ	73	ИНГУШЕТИЯ	14
САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ	85	ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	73		

Экспортный индекс региона рассчитан как Affinity Index и равен отношению доли экспортеров в компаниях региона (в %) к их доле во всех российских компаниях. Количество компаний по данным «Единого реестра субъектов малого предпринимательства» ФНС на 11.2021. Количество экспортеров по данным eВau на 11.2021. Среднее значение индекса = 100.

Рисунок 5 - Экспортная активность СМБ по регионам. Сортировка по экспортному кодексу⁵

По словам опрошенных экспертов, одной из лучших инициатив по трансформации внешних связей региона к новым вызовам стал проект «Скорая экспортная помощь», реализуемый с 2021 г. с целью определения экспортного потенциала Башкортостана, консультирования предприятий по вопросам выхода на внешние рынки, поддержки на стадии заключения контракта. В период с 2021 г. по первое полугодие 2023 г. в рамках проекта было осуществлено 95

⁵ Для проведения анализа существующего массива работ по тематике, связанной с экспортной активностью СМБ по регионам, были выбраны несколько критериев: временной (выборка на дату 11.2021г.), качественный (анализ статистических данных). Для поиска использовался термин «экспортная активность». Данные для анализа были выгружены в формате jpg с портала «DataInsight» (рисунок 5).

выездов, проконсультировано 335 компаний, из которых 309 малых и средних, 26 – крупных. За три года реализации проекта осуществлено 95 выездов, консультационная помощь оказана 335 компаниям (309 СМСП, 26 крупных). После этих выездов более 120 предприятий получили около 460 услуг разного рода в Центре поддержки экспорта Республики Башкортостан. Из их числа 28 компаний заключили 76 экспортных контракта на общую сумму более 8,5 млн долларов США в странах: Азербайджан, Австрия, Армения, Беларусь, Грузия, Литва, Киргизия, Казахстан, Китай, Латвия, Монголия, Саудовская Аравия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Турция. Таким образом, география внешних связей региона расширилась.

Как указали опрошенные эксперты, для популяризации расширения внешних связей региона и для их поощрения в новых реалиях в Республике Башкортостан с 2018 г. проводится конкурс «Экспортер года», о котором уже упоминалось ранее. Из названия следует, что целью мероприятия является выявление лучших экспортеров по разным направлениям. Этот конкурс привлек внимание и увеличил свой масштаб за два года: в 2018 г. в нем участвовали 20 предприятий, в 2020 г. – 29 предприятий, в числе которых 20 субъектов малого и среднего бизнеса и 9 субъектов крупного бизнеса. Правда, в 2022 г. наметилось снижение – в конкурсе приняли участие 26 предприятий (18 субъектов малого и среднего предпринимательства, 8 субъектов крупного бизнеса). Победители регионального конкурса получают возможность принять участие в аналогичном конкурсе на общероссийском уровне, где их заслуги получают высокую оценку. Стоит отметить такие предприятия, как ООО «Ирида» (2 место среди субъектов малого и среднего бизнеса в номинации «Экспортер года в сфере услуг» в 2021 г.), ООО «Южно-уральский весовой завод» (2 место среди субъектов малого и среднего бизнеса в номинации «Ответственный экспортер ESG» в 2021 г.), АО «Башкирская содовая компания» (2 место среди субъектов крупного бизнеса в номинации «Ответственный экспортер ESG» в 2021 г.), ООО «МЕТТА» (1 место среди субъектов крупного бизнеса в номинации «Новая география»), ПАО «Уфаоргсинтез» (2 место среди субъектов крупного бизнеса в номинации

«Ответственный экспортер ESG»). АО «АРТ-Оснастка» (1 место среди субъектов малого и среднего бизнеса в номинации «Ответственный экспортер ESG»), ООО «Ураллесэкспорт» (1 место среди субъектов малого и среднего бизнеса в новой номинации «Лучший экспортер в сфере электронной торговли»).

Внешние связи в экономической сфере с зарубежными партнерами обеспечиваются региональным правительством при помощи целого ряда инструментов. Например, формируются комфортные условия для ведения предпринимательской деятельности, осуществляется комплексное сопровождение инвестиционных проектов. Благодаря таким усилиям за последние 5 лет внешние инвестиции увеличились более чем наполовину, количество реализуемых инвестиционных проектов увеличилось в 3,5 раза и сейчас составляет уже более 2 000 [117]. Эта положительная динамика отразилась на положении региона в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата: республика поднялась с 23-го места на 4-е место.

Важнейшими организациями по реализации работы в сфере внешних связей вне Республики Башкортостан являются представительства Республики Башкортостан при Торговых представительствах Российской Федерации в зарубежных странах, которые усиливают эффективность работы по вышеперечисленным направлениям. Необходимость наращивания межрегионального сотрудничества стало причиной расширения деятельности субъектов по открытию их представительств на других территориях. В этой деятельности самым важным вопросом является эффективность работы этих структур и тесно связанный с этим вопрос размера их бюджетного финансирования. Эти задачи разные регионы решают по-разному, продолжается поиск оптимальной модели их функционирования. Например, в 2013 г. правительство Башкортостана закрыло представительства в Свердловской области и в Магнитогорске, а их обязанности перешли к представительству в Челябинской области. Иной путь избрали в Дагестане: в 2021 г. представительство Дагестана в Санкт-Петербурге было реорганизовано в государственное бюджетное учреждение, а представитель Дагестана в

Краснодарском крае перестал получать бюджетное финансирование и перешел на общественные начала, при этом численность представителей и представительств Дагестана уменьшилось в России с 51 до 36 [128]. Напротив, правительство Чеченской Республики запланировало увеличение количества своих представителей в российских регионах к 2025 г. до 54 [126].

В целом, работа по созданию и поддержанию должной функциональности представительств ведется Башкортостаном с 1997 г., когда было открыто Представительство Республики Башкортостан в Австрии. Годом позже начало работу Представительство Республики Башкортостан в США. Наряду с актуальными процессами парадипломатии того времени [108, с. 95], в 2005 году открылось Представительство Республики Башкортостан в Германии. Предпосылкой этому событию стало подписание Меморандума об установлении побратимских отношений между столицей Башкортостана Уфой и немецким городом Галле в 1997 году. Документ был подписан с целью развития взаимовыгодных связей в области культуры, торговли, науки и других сферах. Города обменивались официальными, культурными и бизнес-делегациями, укреплялись контакты в большей степени в общественной сфере. Ежегодно проходили молодёжные обмены между Галле и Уфой, что повышало привлекательность в сфере изучения немецкого и русского языков соответственно. В 2010 г. работа в этом направлении была свернута ввиду централизации и укрепления вертикали власти в Российской Федерации.

Несмотря на ряд негативных ограничений и обстоятельств, Башкортостан продолжил поддержку установленных внешних связей и построение новых. Касательно установленных связей стоит напомнить, что только с 2010 г. по 2018г. Башкортостан посетили с официальными визитами порядка 299 официальных представителей 107 иностранных государств, а представители Республики Башкортостан осуществили 323 официальных визита в 104 страны мира. Безусловно, мероприятия оказались полезными для развития сферы экономики в республике, более подробно данная тема будет освещена ниже в диссертации.

В это время особенно активно развивалось межрегиональное сотрудничество с регионами стран Азии, откуда регулярно прибывали официальные делегации, куда также направлялись представители регионального правительства. В рамках этого обмена устанавливались и поддерживались официальные и деловые контакты, происходил обмен опытом, привлекались иностранные инвестиции, что прямо способствовало укреплению имиджа и деловой репутации региона во всем мире. Например, с 2010 г. по 2018 г. региональным правительством было заключено 11 соглашений о сотрудничестве с 5 зарубежными странами, включая 6 соглашений с Китайской Народной Республикой и меморандумы о побратимстве.

Пандемия COVID-19 внесла существенную коррективу в устоявшуюся схему межрегионального сотрудничества под полным контролем федерального центра. В силу форс-мажора регион весной 2020 г. негласно получил большую свободу в организации внешних связей за рубежом.

Согласно данным авторского контент-анализа справочной информации Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан в рамках отчетности местному правительству за представленный период, с 2019 года по август 2023 года было осуществлено 133 приема представителей 57 зарубежных стран и 117 официальных визитов в 60 зарубежных государств, заключено 5 соглашений о взаимодействии с 4 зарубежными странами. В целом за период с 2010 г. по 2023 г. заключено 16 соглашений с органами власти 7 зарубежных стран. Выстраивание отношений с представителями иностранных государств позволило диверсифицировать направления внешнеэкономического взаимодействия, снизить зависимость от отдельных рынков и укрепить связи с азиатскими, ближневосточными и европейскими странами. Многочисленные визиты и приёмы иностранных делегаций способствовали формированию положительного образа Башкортостана как открытого, стабильного и инвестиционно-привлекательного региона. Республика стала позиционироваться как площадка для делового,

культурного и гуманитарного сотрудничества, что укрепило её «мягкую силу» в рамках субъектной дипломатии.

Как подчёркивалось ранее, весенние санкции 2022 г. спровоцировали резкую географическую ротацию внешних контактов российских субъектов: Европа и Северная Америка практически исчезли с радаров взаимного сотрудничества: визиты, приёмы, форумы свелись к нулю или минимальным онлайн-контактам из-за визовых барьеров и политического бойкота. В то же время кратно увеличилось количество визитов и приемов официальных делегаций регионов в составе стран Азии, Ближнего Востока, СНГ.

Новые реалии и вызовы обусловили необходимость переориентации внешних связей региона. Процесс изменений проходил, разумеется, под эгидой федерального центра. В 2019 г. Глава Республики Башкортостан Р.Ф. Хабиров поручил переориентировать сотрудничество на дружественные страны. В связи с этим была возобновлена работа по созданию представительств Башкортостана в странах Азии, СНГ, Среднего Востока. Так, в период с 2019 г. по 2023 г. были открыты представительства Республики Башкортостан в Беларуси, Казахстане, Китайской Народной Республике, Турции, Узбекистане. Правда, вскоре эти организации утратили самостоятельность и стали представительствами Республики Башкортостан при торговых представительствах Российской Федерации в перечисленных странах. Интеграция представительств Башкортостана в торговые представительства РФ позволяет наладить единый протокол взаимодействия с иностранными партнёрами и снизить риск дублирования функций между региональными и федеральными структурами.

Для региона это означает более скоординированные действия в сфере торговой политики, доступ к федеральной аналитике и поддержке, а также соблюдение национальных интересов на международной арене. Работа в рамках федерального торгового представительства обеспечивает формальную легитимность, признание со стороны иностранных государств и упрощение процедур регистрации соглашений и формирования деловых миссий. Это

особенно важно для стран с высокой бюрократизацией в сфере международных отношений.

Также, в Киргизии, Болгарии и Узбекистане находятся представители Республики Башкортостан на общественных началах. Чаще всего, вклад в развитие внешней деятельности подобного рода специалистов бывает недооценен. Одна из причин - слабая видимость результатов, так как общественные представители не обладают официальным статусом дипломатических или торговых представителей, поэтому их деятельность часто не попадает в официальные отчёты и статистику внешних связей. У представителей на общественных началах отсутствует прямое бюджетное обеспечение. Мероприятия, проводимые общественными представителями редко финансируются из республиканского бюджета, поэтому их вклад в развитие контактов воспринимается как второстепенный или вспомогательный. Несмотря на это, многие деловые связи, переговоры и локальные инициативы, которые начинают или поддерживают именно эти представители, формируют основу для последующих официальных проектов и инвестиций. Как, например, было в ситуации с формированием официального Представительства Республики Башкортостан при Торгпредстве РФ в Узбекистане, где у истоков формирования взаимодействия и сотрудничества стоял непосредственно представитель на общественных началах. Общественные представители часто выступают «разведкой» для новых рынков, тестируют интерес к продукции и собирают информацию о потенциальных партнёрах. Они могут выявить уникальные возможности для локализации проектов или совместных предприятий, о которых региональные органы власти узнают позже, когда проект уже требует больших ресурсов. Представитель может быстро корректировать направления работы с учётом локальных условий, чего не может делать официальное представительство, связанное федеральными инструкциями.

Возможно, усилить работу представителей на общественных началах можно было бы следующим образом:

- формализовать цели и функции. Разработать регламент и должностные инструкции для общественных представителей, где будут четко определены: цели деятельности (продвижение экспорта, культурно-образовательные инициативы, мониторинг рынка), показатели эффективности (количество контактов, заключенных соглашений, проведенных мероприятий), механизмы взаимодействия с курирующим Министерством. Это создаст структурированную систему контроля и поддержки, при этом не лишая их гибкости.

- обеспечить минимальную материально-техническую поддержку. Предоставить базовый бюджет на организацию деловых встреч, выставок, презентаций продукции региона, что позволит увеличить практическую результативность работы.

- создать регулярные каналы коммуникации с курирующим Министерством и торговыми представительствами РФ, включая ежеквартальные отчёты и онлайн-сессии. Совместное планирование деловых миссий, выставок и форумов, где общественные представители выступают «локальными координаторами» и обеспечивают предварительную подготовку способствует более плотному взаимодействию.

Деятельность официальных представительств Республики Башкортостан за рубежом и в ключевом центре Российской Федерации сосредоточена прежде всего на стимулировании экспортного потенциала: поиске и проверке надёжных контрагентов для товаропроизводителей республики, всестороннем изучении иностранных рынков с подготовкой отчётов о барьерах и возможностях, организации встреч и переговоров с потенциальными инвесторами, помощи предприятиям региона в участии на международных выставках, практически полном обеспечении и сопровождении визитов и приёмов официальных и деловых делегаций. Такой подход формирует системный механизм возможностей, укрепляя позиции региона в условиях санкций.

Так, например, Представительство Республики Башкортостан в Беларуси организовало 27 визитов и приемов официальных делегаций и бизнес-делегаций,

в результате которых в регион привлечено более чем 9,5 млрд рублей как инвестиции в совместные проекты, еще 10 млрд рублей запланировано к привлечению в перспективные проекты (таблица 7) [117].

Таблица 7. Объем ВТО (внешнего товарооборота) с Республикой Беларусь за 2016-2022 годы, млн долларов США.

Год	ВТО	Экспорт	Импорт	ННЭ	Динамика ННЭ к предыдущему году	Динамика экспорта к предыдущему году
2016	368,0	272,0	96,0	73,93	+38,8%	-
2017	438,9	351,9	87,0	101,9	+37,9%	29,38
2018	695,3	592,6	102,7	88,7	-13,0%	68,40
2019	426,4	335,9	90,5	107,2	+20,8%	-43,32
2020	285,0	186,7	98,3	92,9	-13,4%	-44,42
2021	292,5	173,4	119,1	116,2	+25,2%	-7,12
2022	328,2	191,5	136,7	-	-	115,92

Представительство Республики Башкортостан в Казахстане организовало 10 визитов и приемов официальных делегаций и бизнес-делегаций, в результате которых в регион запланировано привлечь более чем 2,5 млрд рублей; также при содействии представителя предприятиями региона заключены экспортные контракты на сумму более 50 млн рублей (таблица 8) [117].

Таблица 8. Объем ВТО с Республикой Казахстан за 2016-2022 годы, млн долларов США.

Год	ВТО	Экспорт	Импорт	ННЭ	Динамика ННЭ к предыдущему году	Динамика экспорта к предыдущему году
2016	386,2	351	35,2	213,2	+3,1%	-35,6%
2017	394,5	359,1	35,2	241,5	+13,3%	+2,3%
2018	367	343,3	23,7	265,2	+9,8%	-4,4%
2019	361,9	334,8	27	285,4	+7,6%	-2,5%
2020	298,2	276,1	22,1	241,8	-15,3%	-17,5%
2021	422,1	360,7	61,5	321,1	+32,8%	+30,6%
2022	464,4	374,4	90	-	-	+3,8%

Представительство Республики Башкортостан в Турецкой Республике организовало 10 визитов и приемов официальных делегаций и бизнес-делегаций, в результате которых в регион привлечены инвестиционные проекты на общую сумму 7,5 млрд рублей; также при содействии представителя предприятиями региона заключены экспортные контракты на сумму более 219 млн рублей (таблица 9) [117].

Таблица 9. Объем ВТО с Турецкой Республикой за 2016-2022 годы, млн долларов США.

Год	ВТО	Экспорт	Импорт	ННЭ	Динамика ННЭ к предыдущему году	Динамика экспорта к предыдущему году, %
2016	232,7	226,8	5,9	25,7	0	-
2017	158,5	148,1	10,4	60,1	+133,8	-34,70
2018	239,4	233,8	5,6	94,4	+57,1	+57,87
2019	140,1	135,8	4,3	69,1	-26,8	-41,92
2020	104,2	92,5	11,7	74	+7,1	-31,89
2021	208,6	188,1	20,5	184	+148,5	+103,35
2022	287	247,8	39,2	-	-	+31,74

Представительство Республики Башкортостан в Узбекистане организовало 17 визитов и приемов официальных делегаций и бизнес-делегаций, в результате которых в регион запланировано привлечь более чем 3,9 млрд рублей; также при содействии представителя предприятиями региона заключены экспортные контракты на сумму более 850 млн рублей (таблица 10) [117].

Таблица 10. Объем ВТО с Республикой Узбекистан за 2016-2022 годы, млн долларов США.

Год	ВТО	Экспорт	Импорт	ННЭ	Динамика ННЭ к предыдущему году	Динамика экспорта к предыдущему году
2016	68,6	56,4	12,3	52	12,7	+10%
2017	65	54,1	10,9	53,8	-5,2	-3,9%
2018	68,6	64	4,6	63,2	+5,5	+18,2
2019	99,3	82,7	16,6	81,2	+44,9	+29,2%
2020	140	114,7	25,3	97,9	+40,9	+38,7%
2021	113,4	97,7	15,7	93,8	-19	-14,8%
2022	150,3	132	18,3	-	-	+35,1%

Представительство Республики Башкортостан в Китайской Народной Республике организовало 6 визитов и приемов официальных делегаций и бизнес-делегаций, в ходе которых решаются вопросы об инвестиционных проектах и экспортных контрактах. Вместе с тем стоит отметить, внешние связи региона с Китайской Народной Республикой постоянно расширяются, особенно в области экономики (таблица 11) [117].

Таблица 11. Объем ВТО с Китайской Народной Республикой за 2016-2022 годы, млн долларов США.

Год	ВТО	Экспорт	Импорт	ННЭ	Динамика ННЭ к предыдущему году	Динамика экспорта к предыдущему году
2016	397,1	299	98,1	279,5	-38,6%	-
2017	674,2	545,6	128,6	540,7	+93,4%	+82,47
2018	634,2	419	215,1	407,7	-24,6%	-23,20
2019	808,3	610,4	197,9	609,9	+49,6%	+45,68
2020	939,3	783,5	155,7	765,2	+25,5%	+28,36
2021	985,8	816,9	168,8	782,9	+2,3%	+4,26
2022	1 232,5	871,6	360,9	-	-	+6,70

Согласно данным авторского контент-анализа, среди конкретных межрегиональных проектов можно выделить следующие наиболее значительные. Совместно с белорусским холдингом «Амкодор» в Башкортостане был открыт завод по выпуску машин и оборудования для послеуборочной обработки семян с общим объемом инвестиций более 2,5 млрд. рублей. Примечательно, что почти все материалы и комплектующие выпускаются местными предприятиями. Стартовало строительство еще одного завода по производству строительной и коммунальной техники, общая стоимость которого превышает 10 млрд. рублей.

Совместно с турецким холдингом «Лимак» в рамках государственно-частного партнерства в городе Уфе построен «Восточный выезд», представляющий собой крупнейший инфраструктурный проект общей стоимостью более 40 млрд. руб., в состав которого входит тоннель протяженностью более одного километра, мост через реку Уфу, эстакады и автодорога. Данный проект, несомненно, укрепит позиции региона как логистического и транспортного узла (хаба). Этому способствует и расширение в регионе сети автомобильных газонаполнительных компрессорных станций при участии узбекистанской компании «ГазРесурс». В дальнейшем совместно с узбекистанской стороной планируется строительство в Башкортостане завода по

производству газовых баллонов, а также цементного завода стоимостью около 9 млрд. рублей.

Внешние связи региона в экономической сфере протягиваются и в дальнее зарубежье. Так, запланирована реализация пула проектов с предприятиями регионов Китайской Народной Республики по производству двигателей, электронного оборудования, фиброцементных плит и др.

Двусторонность внешних связей региона в экономической сфере ясно прослеживается в реализации проекта Уральского пружинного завода в Республике Казахстан – строительство предприятия по производству пружин для транспортных средств, в т.ч. железнодорожных вагонов, стоимостью более 5 млн долл. Также в Казахстане Уфимская группа компаний «Петон» инициировала строительство Жанаозенского газоперерабатывающего завода стоимостью порядка 28 млрд руб.

Согласно авторскому опросу экспертов, в укреплении внешних связей в пользу региона действуют 3 основных фактора, которые создаются региональным правительством: выгода, скорость и комфорт.

Фактор выгоды состоит в том, что региональное правительство представляет существенные субсидии, налоговые преференции, налоговые вычеты (распространяемые на прибыль от инвестиций), частично возмещает расходы на пользование инфраструктурой, адаптирует региональное законодательство под запросы участников внешних связей, особенно, инвесторов. Здесь же следует отметить создание и функционирование 5 территорий опережающего развития и особой экономической зоны «Алга», 12 индустриальных и 19 технопарков. На базе этих преференциальных зон происходит в том числе межрегиональное сотрудничество.

Фактор скорости заключается в том, что региональное правительство постоянно повышает степень оперативности предоставления мер государственной поддержки. Например, 30 дней (срок сокращен в 2 раза в сравнении с прошлыми периодами) занимает процесс предоставления преференций и/или земельного участка по заявке инвестора, в 6 раз уменьшен

перечень требуемых для заявки документов, при этом предоставляются льготы, а если реализуется приоритетный проект, то стоимость предоставляемой аренды снижается в 10 раз. Тем самым заметно облегчены требования для получения государственной поддержки для участников внешних связей. Кроме того, действует программа защиты и поощрения инвестиций. Для быстрого запуска международных проектов производственная инфраструктура планируется к реализации на обеих территориях взаимодействия. Например, при проектировании двух технопарков совместно с партнерами из Узбекистана – в Ташкентской области и в Башкортостане планируется управление одним органом. Таким образом, предполагается, что два территориальных подразделения будут иметь одну торгово-производственную инфраструктуру.

Также региональное правительство создало возможность и условия для инвесторов строительства завода от стадии котлована до его запуска под денежный заем за 1 год вместо обычных 3-5 лет.

Фактор комфорта заключается в наличии специально разработанной оригинальной сервисной модели сопровождения проектов, в основу которой положены два принципа – «одно окно» и «под ключ». В рамках этой модели осуществляется комплексная работа с поддержкой сотрудников и обеспечением человеческими ресурсами. Например, региональное правительство субсидирует затраты на сертификацию персонала, содействует в перемещении работников на новые места и пр. В качестве дополнительной меры стимулирования предлагается реализация специальной программы по возведению доступного арендного жилья на льготных условиях для работников компаний, размещённых в особых экономических зонах, территориях опережающего социально-экономического роста и аналогичных кластерах. Это позволит привлечь квалифицированные кадры, снизить социальные риски и повысить лояльность персонала в стратегических отраслях. Комплекс таких инициатив стал основой для совместной разработки с партнёрскими регионами амбициозного инвестиционного проекта под названием «Евразийский экономический центр». Проект ориентирован на предоставление многоуровневых преференций -

налоговых льгот, субсидий, административных упрощений как на уровне субъектов Федерации, так и федерального центра. Уникальность подхода заключается в том, что объём поддержки напрямую привязан к показателям добавленной стоимости, генерируемой участниками, то есть к реальной экономической отдаче от их деятельности. В отличие от традиционных аналогов на других территориях, где стимулы распределяются по географическому принципу независимо от результатов, здесь акцент на механизмах, зависящих от эффективности работы, что обеспечивает целесообразность расходов и долгосрочную жизнеспособность кластера.

Также планируется создание условий для снятия логистических барьеров для предпринимателей из разных регионов России и стран зарубежья. При этом ясно, что на региональном уровне в отдельно взятом субъекте федерации довольно сложно сформировать особые условия для международного сотрудничества.

Также, институциональная таргетированность правительственных структур Башкортостана в сфере развития внешних связей отчетливо прослеживается в деятельности по организации и проведению следующих наиболее значимых официальных мероприятий: Российско-иранский социально-экономический форум «Золотые нити шёлкового пути» в Республике Башкортостан (2017г.); Международный Евразийский гуманитарный форум под эгидой ЮНЕСКО (2018г.); визит официальной делегации в Республику Индонезия для участия в работе 47 Всемирного Конгресса Международного совета организации фольклорных фестивалей и традиционных искусств (CIOFF) (2017г.); «Неделя телевидения провинции Аньхой КНР в РБ» (2019г.); презентация в Уфе университетов провинции Цзянси КНР, Российско-Китайский научный симпозиум и 18-е заседание Российско-Китайской подкомиссии по сотрудничеству в области спорта, заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству (2018г.); Дни иранской культуры в Республике Башкортостан (2018г.); визит официальной делегации в Киргизскую Республику для участия в мероприятиях III Всемирных игр кочевников

и

Международного

этнокультурного фестиваля «Вселенная кочевников» (2016г.); визит делегации в КНР для участия в Форуме «Сообщество международного телевизионного сотрудничества Шелкового пути – 2018», форум Международной организации труда (2024г.) и Международный фестиваль искусств «Сердце Евразии» (2024г.) и др.

Перечисленные форумы и масштабные мероприятия создавали платформу для установления и развития деловых, научных и культурных связей, объединяя представителей органов власти, бизнес-сообщества, научные институты и творческие коллективы. Презентации университетов провинции Цзянси, Российско-Китайский научный симпозиум и участие в заседаниях подкомиссий по гуманитарному и спортивному сотрудничеству позволили закрепить партнёрства в образовательной и научной сферах. Российско-иранский социально-экономический форум «Золотые нити шёлкового пути» и участие в форумах, связанных с международным трудом и культурой, создавали возможности для продвижения башкирских товаров, развития туризма, а также поиска совместных инвестиционных проектов, что укрепляет экспортный потенциал региона. Эффективность некоторых мероприятий была ограничена необходимостью согласования с федеральными органами, международными организациями (ЮНЕСКО, CIOFF) и принимающими странами. Это кратно замедляло принятие решений и снижало автономию региона в организации и проведении инициатив. В целом, результаты участия в форумах и фестивалях часто трудно измерить количественно без четкой системы мониторинга, что осложняет оценку их реального вклада в развитие внешних связей и оценку – какие мероприятия дают долгосрочную отдачу, а какие носят преимущественно символический характер.

К этому крупному направлению примыкает также развитие внешних связей в сфере гуманитарного сотрудничества, которое организуется рядом министерств и ведомств Республики Башкортостан по следующим направлениям:

- участие в мероприятиях Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество);

- организация гастролей творческих коллективов Республики Башкортостан и фотовыставок о республике в приоритетных зарубежных странах;

- поддержка землячеств, выходцев из Республики Башкортостан, проживающих в зарубежных странах, содействие в проведении мероприятий землячеств;

- поддержка обществ дружбы Башкортостана с зарубежными странами.

По вышеупомянутым направлениям министерствами и ведомствами в республике организуется большое количество значимых культурных мероприятий и событий самой разной тематики и направленности. Среди них наиболее заметны и масштабны Международный Аксаковский праздник, Международный фестиваль балетного искусства имени Рудольфа Нуреева, Международный фестиваль оперного искусства «Шляпинские вечера в Уфе», Международный фестиваль искусств «Сердце Евразии». Систематически в регионе проходят дни культуры разных народов: азербайджанцев, армян, грузин, евреев, казахов, молдаван, узбеков, туркмен, таджиков, немцев и др. Творческие коллективы Башкортостана ежегодно представляют культуру и искусство республики в Беларуси, странах Центральной Азии, Сербии, Венгрии, Турции и многих других республиках и странах.

Одним из ключевых достоинств сложившегося взаимодействия в гуманитарной сфере является её комплексность и межведомственный характер. Участие различных государственных структур позволяет обеспечить многоуровневый подход к реализации гуманитарной политики — от культурно-просветительских до образовательных и общественных форматов взаимодействия. Участие республики в проектах «Россотрудничества» обеспечивает институциональную поддержку и доступ к федеральным ресурсам, что повышает масштаб и легитимность проводимых мероприятий. Гастроли

творческих коллективов и фотовыставки, проходящие в дружественных странах, позволяют не только продвигать культурное наследие и национальную идентичность Башкортостана, но и создают предпосылки для укрепления межрегиональных связей в гуманитарной сфере. Поддержка землячеств и обществ дружбы формирует значимый инструмент мягкой силы — они становятся посредниками между республикой и соотечественниками за рубежом, укрепляют чувство принадлежности к исторической родине и способствуют сохранению национальных традиций.

Однако, несмотря на некоторые успехи, развитие гуманитарного сотрудничества сталкивается с рядом проблем и вызовов. Наиболее заметным ограничением является недостаточная координация между ведомствами, участвующими в организации международных гуманитарных инициатив, что нередко приводит к дублированию мероприятий, рассогласованию приоритетов и отсутствию единой системы оценки эффективности. Зачастую гуманитарные акции остаются разовыми и не сопровождаются последующими институциональными шагами, которые могли бы закрепить их результаты на долгосрочной основе. Сохраняется также недостаточная ориентация мероприятий на современные форматы культурной дипломатии — цифровые платформы, международные онлайн-проекты, совместные программы с иностранными университетами и неправительственными организациями. Это снижает охват аудитории и ограничивает возможности республики в формировании современного международного имиджа. Кроме того, деятельность по поддержке землячеств и обществ дружбы, хотя и имеет высокий потенциал, часто носит инициативный, а не системный характер. Потенциал землячеств мог бы использоваться более целенаправленно — для продвижения интересов республики в экономической и образовательной сферах, содействия привлечению инвестиций и развитию экспортных связей.

Вместе с тем сохранять и развивать действующие направления гуманитарного сотрудничества необходимо, поскольку именно они формируют устойчивый фундамент для внешнеполитической субъектности региона.

Оптимизация данной системы должна быть направлена не на сокращение мероприятий, а на повышение их согласованности, устойчивости и результативности. Целесообразно формировать долгосрочные программы культурного и гуманитарного присутствия и активности Башкортостана за рубежом, объединяющие культурные, образовательные и информационные проекты под единым стратегическим брендом. При этом необходимо развивать цифровую компоненту международного взаимодействия - виртуальные выставки, онлайн-фестивали, совместные мультимедийные проекты, которые позволят расширить географию участия республики при относительно небольших ресурсах. Сочетание традиционных форм взаимодействия — гастролей, выставок, поддержки диаспоры — с инновационными механизмами продвижения культурного и образовательного потенциала позволит сделать гуманитарное направление внешней политики республики более эффективным и стратегически значимым для укрепления её роли в евразийском пространстве.

Другое заметное направление в рамках исследования институционального аспекта – это вовлечение музеев и других культурных учреждений в развитие внешних связей региона. В Башкортостане находятся музейные коллекции, которые широко известны в других регионах: сарматские золотые изделия; экспозиция, посвященная полярнику Валерию Альбанову и др. Эти коллекции, с одной стороны, являются центром притяжения туристов и исследователей из других регионов, с другой стороны, – становятся предметом культурного продвижения региона в рамках выездных выставок в других субъектах Российской Федерации или за рубежом. Тем самым укрепляются и углубляются внешние связи региона, в частности, в сферах культуры и туризма. Развитию межрегионального туризма способствуют и приобретшие широкую известность в стране и снискавшие популярность иные достопримечательности, а именно – общественные пространства (сквер Ленина) и памятники (фонтан «Семь девушек», памятник башкирскому поэту Мустаю Кариму, монумент Герою России генералу Минигали Шаймуратову, памятник Салавату Юлаеву) в городе Уфе и других населенных пунктах региона. К этому стоит добавить широкие

возможности для сплавов по горным рекам, ряд известных горнолыжных баз, а также активно развивающееся в последнее время направление – организация конных и этно-туров.

В ходе заседания Правительства республики в 2024 году об итогах реализации государственной программы «Развитие культуры и искусства», премьер-министром Правительства республики было заявлено, что Башкортостан входит в тройку наиболее успешных российских регионов в сфере продвижения культурных, научных и образовательных инициатив по линии ЮНЕСКО. Одним из примеров здесь является геопарк «Янган-Тау», который первым в России, а также в странах СНГ был включен в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО.

С целью реализации дифференцированного маркетингового подхода и оказания социальной поддержки с 2023 г. правительство региона реализует специальную программу субсидирования региональных туроператоров, предлагающих туры для пенсионеров в Абхазию, Беларусь в рамках программы «Башкирское долголетие», стартовавшую при содействии Министерства предпринимательства и туризма Республики Башкортостан и федеральных ведомств. Благодаря этим субсидиям снижается стоимость путешествий для пожилых людей. С 2024 г. аналогичная программа стала действовать в отношении поездок в Узбекистан.

Отдельно необходимо отметить развитие институционального аспекта в сфере медицины и оздоровления. Республиканские органы власти (Министерство здравоохранения Республики Башкортостан) действуют в сотрудничестве с находящимися в городе Уфе Всероссийским Центром глазной и пластической хирургии и Уфимским Институтом глазных болезней, которые признаны во всем мире и широко известны как ведущие центры в области офтальмологии с уникальными компетенциями, которые специализируются на проблемах тканевой и клеточной регенерации. Также в регионе располагается значительное количество санаториев и лечебно-оздоровительных центров различного профиля – порядка 60 санаториев, среди которых всероссийскую

известность получили «Янган-тау», «Кургазак» и «Красноусольский», куда стабильно стараются попасть граждане из других регионов и стран с целью получения качественного лечения. О качестве этих здравниц говорит то, что в них проходят восстановление российские космонавты. В истории региона и российской истории содержатся подтверждения преимуществ Башкортостана как туристического центра: достопримечательности Башкортостана посещали писатель Л.Н. Толстой, конструктор стрелкового оружия М.Т. Калашников, Президент России В.В. Путин и др.

Из последних новаций регионального правительства при построении внешних связей в сфере туризма необходимо отметить формирование промышленного туризма. В этом направлении предполагается включение в туристические маршруты наиболее известных промышленных предприятий – от заводов с давней историей (например, старейшие медеплавильные заводы – настоящие промышленные объекты исторического наследия) до эффективных стартапов, базирующихся в особых экономических зонах, на территориях опережающего развития и в промышленных технопарках региона. С 2024 г. в программу экскурсии включены 2 индустриальных парка. Это направление позволяет открыть для туристов мир трудовых людей разных эпох, достичь иммерсивности, создать эффект погружения в реалии горнорудного производства XVIII века, так и в современную реальность промышленного производства, в котором применяются новейшие и передовые технологии. В рамках некоторых визитов иностранных делегаций, также включено посещение вышеуказанных объектов.

С целью продвижения региона как туристического центра в странах зарубежья на белорусском телевизионном канале «Беларусь 1» выходят видеоматериалы о достопримечательностях Башкортостана.

Благодаря вышеуказанному - ежегодно регион посещают более 2 млн. туристов.

Еще одно перспективное направление развития внешних связей – это проведение конгрессов и форумов, для реализации которых задействованы

практически все республиканские ведомства. На сегодняшний день регион организует ряд масштабных собраний, конференций, съездов, форумов различной направленности (политических, экономических, научных, культурных, спортивных и др.), в которые вовлечены российские и зарубежные участники. Так, в 2023 г. в республике состоялся X Форум регионов России и Беларуси, летом 2024 г. столица региона принимала VIII Форум молодых дипломатов стран БРИКС, 26-27 ноября 2024 г. в г. Уфе прошел XX Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана. Регулярно проводятся деловые форумы: Международная неделя бизнеса, Всероссийский инвестиционный сабантуй «Зауралье» и др.

Региональное правительство активно развивает внешние связи в сфере науки и высшего образования в кооперации с вузами региона. Например, в настоящий момент в вузах республики обучаются около 10 тысяч иностранных студентов, большая часть которых прибыла из стран Центральной Азии [117]. В ходе сотрудничества с регионами стран ШОС и БРИКС оказывается активное содействие по созданию ассоциации университетов ШОС и БРИКС, а также представительства в Башкортостане Ассоциации евразийских университетов.

Особое внимание региональное правительство уделяет развитию внешних связей в сфере культуры. Так, положено начало первому в России Музею кочевых цивилизаций, который отражает тысячелетнюю эпоху Великой Степи. Эта инициатива реализуется в тесном взаимодействии с учеными из других стран и регионов, входящих в ареал Великой Степи. В июле 2024 г. вошла в строй первая очередь этого музея.

Что касается рассмотрения развития внешнеторгового сотрудничества с точки зрения институционального аспекта, особое внимание стоит уделить ранее уже упомянутой организации - АНО «Центр поддержки экспорта Республики Башкортостан» (ЦПЭ РБ). Одной из основных предпосылок создания Центра поддержки экспорта Башкортостана стало то, что в 2017 г. республика вошла в число 22 пилотных российских субъектов, в которых был внедрен Региональный экспортный стандарт. ЦПЭ РБ входит в пятерку

наиболее эффективных среди аналогичных структур по всей России: например, в 2023 г. он занял второе место в общероссийском рейтинге эффективности. При участии Центра поддержки экспорта Республики Башкортостан только за первое полугодие 2023 г. было заключено 976 экспортных контрактов на сумму более 340 млн долларов США. Причем в наиболее трудный период, который начался со ввода антироссийских санкций в марте 2022 г., объем экспорта удалось не просто сохранить, но и преумножить в 1,5 раза в сравнении с 2021 г., а число зарубежных партнеров увеличить до 50, тем самым была существенно расширена география внешних связей [117].

Специалисты указывают на следующие наиболее перспективные направления построения и поддержания внешних связей региона:

- формирование межрегиональной сетевой структуры;
- кластеризация;
- институциональные механизмы;
- формирование транспортного каркаса;
- кооперация в целом [152, с. 153-157].

Как видно, процесс развития институционального аспекта внешних связей Башкортостана в целом соответствует этим направлениям. Так, регион активно выстраивает разнообразные сети для построения и поддержания эффективного взаимодействия и способствует формированию единого пространства. Башкортостан совместно с другими регионами с целью развития и расширения инновационных процессов создает различные кластеры как по территориально-географическому, так и по отраслевому признакам. Регион постоянно создает новые и модернизирует существующие институты с учетом внутренней и международной обстановки, совершенствует правила их функционирования. Башкортостан формирует удобную дорожно-транспортную инфраструктуру большой протяженности и разного типа с целью максимизировать эффективность использования региональных ресурсов и сократить логистические издержки.

Регион оптимизирует механизмы взаимодействия гражданских и государственных структур, содействует государственно-частному партнёрству (ГЧП), под которым понимается взаимодействие государства, предпринимателей, общественных деятелей, направленное на решение социально-значимых задач на условиях взаимной выгоды. Такой подход позволяет консолидировать ресурсы, привлекать заинтересованных лиц, обеспечивать результативное сотрудничество, что в целом способствует как региональному развитию, так и укреплению внешних связей региона.

Таким образом, институциональный аспект развития сферы внешне взаимодействия Башкортостана заключается в таргетированности на развитие транспортной инфраструктуры (межрегиональные автомобильные и железнодорожные маршруты, авиационные рейсы, продовольственные и другие склады и хранилища и др.), расширение взаимодействия в сфере науки, образования и технологий (проект межвузовского студенческого кампуса Евразийского научно-образовательного центра, создание Ассоциации университетов ШОС и БРИКС и др.), масштабирование маркетинговых мероприятий по продвижению региональной продукции (внедрение специальных маркировок, введение халяльных стандартов и др.), развитие культурных (проект музея Великой Степи и др.) и туристических связей (организация конных и этно-туров, геопарка «Янган-Тау» и др.).

О таргетированности усилий государственных органов Республики Башкортостан и, в первую очередь, в экономической сфере свидетельствует:

- создание зон опережающего развития, технопарков;
- развитие прежде всего транспортной инфраструктуры;
- формирование более комфортных условий для ведения предпринимательской деятельности (исследование рисков, комплексное сопровождение инвестпроектов);
- разработка и запуск международных проектов (строительство предприятий, инвестиции);
- бюджетное финансирование и субсидирование экспортных проектов;

- открытие в г. Уфе НОЦ (научно-образовательного центра мирового уровня)

Институциональная активность государственных органов Республики Башкортостан во многом опирается на некоторую децентрализацию российской вертикали власти, предоставление регионам большей автономности и самостоятельности в решении проблем адаптации к новым геополитическим реалиям, обход санкций, импортозамещение. Пришло понимание того, что невозможно решить проблемы только на федеральном уровне, необходимо подключить региональную активность. Эта траектория подчеркивает, как политическое строительство напрямую стимулировало трансграничные связи, обеспечивая долгосрочную стабильность в многонациональной России.

Представленное исследование показывает наличие ставки на расширение самостоятельности российских регионов как части современной модели адаптации. Внешние связи регионов привели к расширению и интенсификации связей Республики Башкортостан с большим числом дружественных стран, прямых продуктивных контактов не только с региональными, но и центральными органами зарубежных государств с целью повышения эффективности взаимодействия, обходя санкции, реализации совместных масштабных проектов. Переход к прямым контактам Республики Башкортостан с регионами и центральными властями зарубежных стран – это новый этап и следствие институциональной активности государственных органов Республики Башкортостан.

Трансформация сотрудничества Башкортостана с зарубежными партнерами на сегодняшний день состоит, прежде всего, в переориентации на взаимодействие с регионами стран Центральной и Малой Азии, Ближнего Востока и Дальнего Востока. Для обеспечения этой переориентации применяются следующие основные инструменты: оптимизация законодательства и административных процедур, расширение сети представительств региона в странах центрально-азиатского, ближневосточного

и дальневосточного регионов, разработка и реализация межрегиональных проектов, создание межрегиональных транспортно-логистических хабов.

Автор считает, что существующие программы развития поддержания и расширения внешних связей Башкортостана необходимо дополнить и разнообразить новыми мероприятиями социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками за рубежом, инициативами сближения по линии побратимства, проектами по созданию межрегиональных «умных» пространств, возможно, сети «умных» городов.

В целом, реалии внутренней и внешней политики Российской Федерации обуславливают изменение способов использования потенциала ее регионов и необходимость трансформации модели межрегиональной интеграции. По существу, предлагаемые меры предполагают коренную перестройку межрегиональных взаимодействий и устоявшейся модели специализации труда, традиционно обусловленной экономико-географическим положением субъектов и их ресурсным потенциалом. Такая трансформация позволит адаптировать экономику к новым реалиям: обеспечить сбалансированный рост регионов в условиях санкций, реализовать приоритеты импортозамещения через локальные цепочки, а главное укрепить государственность. В итоге вырастет благосостояние граждан, улучшится качество жизни, сократятся региональные диспропорции, а страна обретёт большую стратегическую автономию [151].

Диссертант полагает, что с учетом текущих обстоятельств и мировой практики перспективная модель развития внешних связей регионов должна основываться на следующих принципах:

- обоюдовыгодное совмещение общегосударственных и региональных интересов и расширение внутренней и внешней акторной деятельности регионов;
- расширение межрегиональной проектной деятельности, управление которой осуществляется небольшой командой экспертов;
- выдвижение внешних связей регионов как открытого процесса включения государства в сети международного сотрудничества;

- сосредоточенность исключительно на вопросах развития промышленного потенциала, торговых отношений, культурных связей, науки и образования, туризма и осознанное отстранение от политических проблем.

Диссертант исходит из того, что внешние связи регионов являются одним из наиболее эффективных способов осуществления деятельности региона в условиях современных реалий и текущих вызовов с целью сохранения и развития как самих регионов, так и объединяющего их государства. Укрепление и расширение внешних связей регионов позволит успешно противостоять нарастающим политическим угрозам и экономическим кризисам на региональном и на государственном уровнях, что сейчас является одной из важнейших задач для России.

Заключение

Регион как участник внешних связей представляет собой обладающую признаками внутренней и внешней акторности политико-государственную единицу, наделенную полномочиями для решения собственных задач в сфере взаимодействия с другими структурными политическими единицами. Такой регион обладает определенными полномочиями, позволяющими ему решать задачи, связанные с установлением и развитием взаимодействия с другими политико-административными образованиями как внутри страны, так и за ее пределами. Важно отметить, что регион в данном контексте выступает не просто как пассивный объект государственной политики, а как активный субъект, способный самостоятельно инициировать и поддерживать международные и межрегиональные связи. Эта субъектность проявляется в способности региона формулировать собственные внешнеполитические приоритеты в рамках общегосударственной стратегии, создавать институциональные механизмы для их реализации, аккумулировать необходимые ресурсы и выстраивать устойчивые партнерские отношения с зарубежными контрагентами. Развитие региональной субъектности во внешних связях является закономерным следствием глобализационных процессов и одновременно ответом на вызовы современной международной системы.

Внешние связи региона охватывают все формы самостоятельного взаимодействия и сотрудничества с другими субъектами как внутри государства, так и на международной арене. Это включает в себя экономическое, культурное, научное, образовательное и технологическое сотрудничество, а также участие в

совместных проектах и программах. Внешние связи региона могут быть как двусторонними, так и многосторонними, что позволяет ему гибко адаптироваться к изменяющимся условиям и вызовам современного мира. Многосторонний формат сотрудничества открывает дополнительные возможности для участия в региональных интеграционных объединениях, трансграничных инициативах и международных организациях субнационального уровня.

Современные внешние связи регионов подвержены влиянию множества факторов, которые определяют их развитие и трансформацию. К числу ключевых факторов, формирующих современную архитектуру внешнерегionalного взаимодействия, относятся следующие.

- глобализация, выражающаяся в зависимости внешних региональных связей от изменения мировых процессов развития, представляет собой фундаментальный фактор трансформации системы международных отношений на всех уровнях;

- глокализация, понимаемая как нелинейное и диалектическое развитие глобально-локального взаимодействия, отражает противоречивый характер современных трансформационных процессов. С одной стороны, происходит углубление интеграции регионов в глобальное пространство, с другой – усиливается стремление к сохранению региональной идентичности, культурного своеобразия и экономической специализации;

- геополитические изменения остаются ведущей движущей силой, трансформирующей внешние связи регионов и определяющей динамику и масштаб их активности. В условиях глобальной нестабильности и противостояния с западными странами и их союзниками регионы вынуждены переориентировать свои внешние связи. Это выражается в ограничении сотрудничества с регионами развитых государств и активизации взаимодействия с регионами Ближнего Востока, Дальнего Востока, Центральной Азии и Южной Америки. Важную роль также играет наличие общих границ и интересов, что

способствует укреплению связей между соседними территориями и формированию трансграничных регионов сотрудничества;

- экономические потребности перестройки и развития региональной экономики в условиях мирохозяйственной современной турбулентности и торговых войн выступают мощным стимулом активизации внешнерегиональной деятельности. Потребности развития региональной экономики в условиях беспрецедентного санкционного давления и необходимости импортозамещения требуют поиска новых рынков сбыта, источников инвестиций, технологий и компетенций;

- децентрализация власти под влиянием как внутренних, так и внешних условий развития национальных государств расширяет потенциал внешнерегиональных связей.

- социокультурные факторы, состоящие в наличии общих традиций, ценностей и опыта совместной деятельности, способствуют укреплению взаимодействия между регионами. Социально-гуманитарное сотрудничество играет важную роль в укреплении взаимопонимания и доверия между регионами, что включает в себя обмен культурными ценностями, проведение совместных мероприятий и поддержку образовательных программ. Социокультурные факторы особенно значимы для регионов с выраженной этнокультурной спецификой, которые могут использовать свою идентичность как конкурентное преимущество в международном взаимодействии.

- технологические факторы, состоящие в развитии информационно-коммуникационных технологий и цифровизации общества, открывают новые возможности для установления и поддержания внешних связей. Цифровая инфраструктура позволяет регионам быстрее и эффективнее налаживать контакты с зарубежными партнерами, в том числе в виртуальном пространстве. Развитие цифровых платформ взаимодействия, электронных систем торговли, виртуальных выставок и онлайн-переговоров существенно снижает транзакционные издержки международного сотрудничества и делает

внешнерегиональную деятельность более доступной для широкого круга участников.

На современном этапе основными тенденциями в развитии внешних связей российских регионов являются их адаптация к новым региональным, национальным и международным условиям, трансформация взаимодействия с зарубежными партнерами и целевое развитие межрегионального сотрудничества.

За последние пять лет ключевой тенденцией в сфере внешнеэкономических отношений стало переориентирование внешних связей регионов на поддержку и расширение экспорта товаров и услуг. Это включает в себя переход от экспорта сырьевых продуктов к несырьевому неэнергетическому экспорту, что способствует сохранению межрегионального сотрудничества и повышению промышленного потенциала регионов.

Что касается политико-географической трансформации сотрудничества Республики Башкортостан с зарубежными партнерами, она в настоящее время характеризуется значительной переориентацией на взаимодействие с регионами стран Центральной и Малой Азии, Ближнего Востока и Дальнего Востока. Этот процесс обусловлен как глобальными геополитическими изменениями, так и необходимостью адаптации к новым экономическим и технологическим реалиям. Для успешной реализации этой стратегии используются различные инструменты, которые позволяют укрепить позиции региона на международной арене и обеспечить устойчивое развитие внешних связей.

Основным инструментом переориентации является адаптация внешних связей регионов Российской Федерации, то есть приспособление структурных и институциональных аспектов внешних связей, их структуры и задач к вызовам, угрозам и новым реалиям. Адаптация внешних связей представляет собой сложный многоуровневый процесс, включающий пересмотр приоритетов, реорганизацию институциональных механизмов, развитие новых компетенций и формирование адекватной ресурсной базы для реализации трансформированной стратегии внешнерегионального взаимодействия.

Структурные аспекты адаптации предполагают комплексную перестройку системы внешних связей региона с учетом изменившихся условий функционирования. К числу основных направлений структурной адаптации относятся следующие компоненты:

- разработка и реализация межрегиональных проектов. Совместные проекты в таких сферах, как энергетика, транспорт, сельское хозяйство и туризм, позволяют не только укрепить экономические связи, но и создать долгосрочные партнерские отношения.

- создание транспортно-логистического хаба. Развитие транспортной инфраструктуры, включая автомобильные и железнодорожные маршруты, а также логистические центры, способствует увеличению товарооборота и упрощению доступа региональной продукции на новые рынки.

Автор исходит из того, что структура внешних связей региона не является статичной категорией, а представляет собой совокупность взаимозависимых элементов и связей между ними, где изменения в одном направлении, например экономическом или гуманитарном, неизбежно вызывают перестройку всей системы. Системное понимание структуры внешних связей предполагает анализ не только отдельных элементов системы, но и характера связей между ними, механизмов их взаимовлияния и закономерностей эволюции под воздействием внешних и внутренних факторов.

В то время как в рамках институционального аспекта, который рассматривается автором как неотъемлемая часть адаптационных изменений, используются следующие инструменты, направленные на создание организационных и правовых механизмов эффективной реализации трансформированной стратегии внешних связей:

- совершенствование законодательства и административных процедур. Упрощение таможенных процедур и административных процессов делает регион более привлекательным для иностранных инвесторов и партнеров;

- расширение институционально-функциональной структуры внешних связей Республики Башкортостан. Открытие новых представительств в странах

Центральной Азии, Ближнего Востока и Дальнего Востока позволяет наладить прямые контакты с местными партнерами, что способствует развитию торгово-экономического, культурного и научного сотрудничества.

Инновационность предложенного диссертантом подхода заключается в системно-структурном осмыслении внешних связей Республики Башкортостан не как совокупности отдельных направлений международного взаимодействия, а как динамической, саморазвивающейся системы, где каждый элемент – экономическое, культурное, гуманитарное, научное сотрудничество – образует взаимосвязанную подсистему, находящуюся в постоянном процессе трансформации под воздействием внешнеполитических, институциональных и социально-экономических факторов.

Инновационность авторской концепции проявляется также и в том, что гуманитарное и культурное сотрудничества не рассматриваются как одни из структурообразующих элементов внешних связей, а как вспомогательная сфера экономического аспекта.

Взаимосвязь структурных и институциональных изменений обеспечивает устойчивость процесса трансформации внешних связей и создает механизмы их адаптации к меняющимся условиям без утраты базовых характеристик и накопленного потенциала.

Перспективная модель развития внешних связей региона должна основываться на следующих принципах, которые обеспечивают сбалансированность, эффективность и устойчивость системы внешнерегionalного взаимодействия в долгосрочной перспективе:

- баланс интересов. Сочетание общегосударственных и региональных интересов с расширением внешней активности регионов позволяет достичь синергетического эффекта и укрепить позиции страны на международной арене;
- проектный подход. Развитие межрегиональных проектов, управляемых небольшими командами политиков и экспертов, обеспечивает гибкость и эффективность в реализации инициатив;

- интеграция в международные сети. Использование внешних связей регионов как инструмента включения государства в глобальные сети сотрудничества способствует укреплению международного авторитета и расширению возможностей для взаимодействия;

- фокус на приоритетных направлениях. Концентрация на развитии промышленности, торговли, культуры, науки, образования и туризма при сознательном избегании политических вопросов позволяет минимизировать риски и сосредоточиться на достижении конкретных результатов.

В заключении следует отметить, что проведенное исследование трансформации внешних связей Республики Башкортостан позволило не только выявить основные тенденции и закономерности этого процесса, но и сформулировать концептуальные основы для понимания эволюции внешнерегionalной деятельности российских субъектов Российской Федерации в целом. Результаты исследования свидетельствуют о том, что внешние связи регионов становятся все более важным фактором национального развития, требующим системного подхода к их организации и стратегического планирования.

Опыт Республики Башкортостан демонстрирует, что успешная адаптация региона к изменяющимся внешним условиям требует одновременной трансформации как структурных, так и институциональных аспектов системы внешних связей.

Перспективы дальнейшего развития внешних связей российских регионов, в том числе Республики Башкортостан, будут определяться способностью адаптироваться к нарастающей динамике изменений в международной среде в новых условиях глобальной конкуренции. Это требует совершенствования институциональных механизмов внешнерегionalной деятельности, развития экспертно-аналитического потенциала, подготовки квалифицированных кадров и создания благоприятных условий для участия в международном сотрудничестве широкого круга региональных акторов.

Дальнейшие перспективные направления исследования могут включать углубленный анализ институциональных и кадровых аспектов, которые определяют долгосрочную эффективность региональной внешней деятельности. В частности, целесообразно сосредоточиться на анализе путей совершенствования институциональных механизмов внешнерегиональной деятельности, что позволит не только выявить непрочные места в текущих моделях взаимодействия, но и разработать практические рекомендации по их оптимизации. Например, на примере Республики Башкортостан можно детально изучить опыт создания и функционирования координационных советов или межрегиональных рабочих групп. Подобные структуры, как показывает практика, способствуют повышению эффективности взаимодействия с зарубежными региональными партнерами, упрощая обмен информацией, координацию совместных проектов и оперативное решение возникающих проблем, таких как, например, логистические барьеры. Такой анализ мог бы включать не только оценку организационных моделей, но и мониторинг их влияния на ключевые показатели внешнего сотрудничества: объемы торговли, инвестиционные потоки и количество реализованных инициатив, что в итоге укрепит акторность Республики Башкортостан как самостоятельного субъекта во внешней политике.

Представляется интересным исследование развития экспертно-аналитического потенциала регионов России, где акцент фокусируется на роли региональных аналитических центров, научно-исследовательских институтов и экспертных сообществ в прогнозировании трансформаций внешних связей. В условиях глобальной конкуренции, санкционного давления и быстрых геополитических сдвигов эти структуры становятся незаменимыми для оперативного выявления трендов, рисков и возможностей. Это не только повысит точность стратегического планирования, но и позволит регионам активно формировать свою внешнюю повестку, минимизируя зависимость от централизованных решений и адаптируясь к многополярному миру, где конкуренция за рынки и технологии выходит на первый план.

Кроме того, предметом исследования может стать подготовка квалифицированных кадров для внешней деятельности регионов, с акцентом на программы обучения и сертификации специалистов в области международного сотрудничества. Перспективные направления здесь включают возможное создание межвузовских программ с фокусом на «регионалистику», партнерства с зарубежными университетами (например, в Китае или Индии), внедрение сертификационных курсов по переговорам и культурной адаптации, а также стажировки в представительствах за рубежом. Такой подход не только восполнит кадровый дефицит, но и сформирует поколение профессионалов, способных эффективно представлять региональные интересы, лоббировать проекты и интегрировать локальные инициативы в глобальные сети, что критически важно для устойчивой трансформации внешних связей в посткризисных реалиях.

Перспективным представляется анализ создания благоприятных условий для участия в международном сотрудничестве широкого круга региональных акторов, таких как бизнес-ассоциации, НКО, муниципалитеты, на материалах Башкортостана. Предложения по оптимизации включали бы упрощение процедур аккредитации, грантовую поддержку, платформы для выстраивания взаимодействия между акторами и включение данных акторов в состав рабочих групп и официальных делегаций. Такой плюрализм усиливает легитимность и масштаб региональной внешней активности, распределяя риски и ресурсы, а также стимулируя развитие инновационной составляющей, что в итоге повышает общую акторность субъекта Федерации.

В целом, на наш взгляд, систематический анализ темы в вышеуказанных областях от институциональных инноваций и аналитического усиления до кадровых реформ и вовлечения негосударственных акторов - способен внести весомый вклад в более глубокое научное понимание механизмов успешной трансформации как структурных, так и институциональных аспектов внешних связей регионов Российской Федерации.

Это не только обогатит теоретическую базу политики федерализма и региональных исследований, но и предоставит практические инструменты для политической деятельности, обеспечивая адаптивность российских субъектов к вызовам глобализации, санкций и многополярности, с Республикой Башкортостан в качестве модельного кейса для других ресурсных регионов.

Список использованных источников и литературы

1. Абишева М.А., Мармонтова Т.В., Дуламбаева Р.Т., Баглай Б. Страновые стратегии противодействия COVID-19: опыт системного анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 5. С. 167–179.
2. Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М., 2001.
3. Акимов Ю.Г. Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций // Управленческое консультирование. 2016. № 2(86). С. 25-33.
4. Антошин А.В. Южно-Тихоокеанский регион: история и современность: учебное пособие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/130016> (дата обращения: 03.02.2025).
5. Арапов С.В., Курочкина А.А., Петрова Е.Е. Теоретические и методологические основы регионального управления: Учебное пособие для аспирантов. Направление подготовки 38.06.01 «Экономика». Российский государственный гидрометеорологический университет. Санкт-Петербург. 2022.
6. Артеев С.П. Эволюция международных связей Республики Коми с Венгрией. дисс. ... канд. полит. н. М.: МГИМО. 2018.
7. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитические факторы развития трансграничных регионов. Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. 2(51). С. 60-71.

8. Баков А.А., Керимов А.А. Международная активность регионов: основные направления и инструменты парадипломатической деятельности // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14. № 2(188). С. 102-108.
9. Баков А.А., Керимов А.А. Регионы как эффективный участник международных отношений: условия формирования новой практики в международной деятельности // Дискурс-Пи. 2018. № 3-4. С. 164-172.
10. Бакулина С.Д. Аксиосфера региона: опыты трансляции и способы репрезентации культуры места (на материале южных регионов Западной Сибири). Омск: Изд-во ОмГПУ. 2013. 392 с.
11. Баранов Н.А. Мировая политика в условиях геополитической неопределенности: тренды и перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 3. С. 486-504.
12. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Весь Мир. 2004. С. 102–103.
13. Бахлова О.В., Макшаева Е.Н. Соотечественники в современной политической повестке России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. вып. 4. С. 467-475.
14. Башкирия аграрная: реальность и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://panoramarb.ru/articles/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/2024-09-05/bashkiriya-agrarnaya-realnost-i-perspektivu-3912101> (дата обращения: 02.04.2025).
15. Башкирская энциклопедия [гл. ред. М. А. Ильгамов]. Т. 5. Уфа: Башкирская энциклопедия. 2011.
16. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии 2003. № 6(1). С. 24–53.
17. Бекбосынов М.Б. О некоторых тенденциях российского федерализма // Вопросы политологии. 2011. № 3(3). С. 82-91.

18. Благодатских В.Г., Керимов А.А. Внешние и внутренние факторы участия регионов в международной деятельности // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2(18). С. 215-221.
19. Богатырева О.Н. Децентрализация и регионализация во Франции: основные этапы // Российский юридический журнал. 2017. № 6(117). С. 109.
20. Богатырева О.Н. Процессы децентрализации в европейских странах // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 2. С.7.
21. Бош А., Вонортас Н. «Умная специализация» как стимул инновационной экономики в развивающихся странах. Уроки Бразилии // Форсайт. 2019. Т. 13. № 1. С. 32-47.
22. Бродель Ф. История цивилизаций. Пер. с фр. М.: Весь мир, 2004. 552 с.
23. Будущее логистики: Что ждет Россию в 2025 году? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spb-runo.ru/news/logistika/budushchee-logistiki-chto-zhdyet-rossiyu-v-2025-godu/> (дата обращения: 15.02.2025).
24. Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Конкурентоспособность российских регионов: хорошие институты или хорошая география? Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 5-14.
25. Вельм И.М. Современные акторы мировой политики и международных отношений // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2024.Т. 8. № 3. С. 384-388.
26. Венская Конвенция о праве международных договоров. Вена, 23 мая 1969 г. // Ведомости ВС СССР. 10.09.1986. № 37. Ст. 772.
27. Вербицкая Т.В. Экономический патриотизм в системе обеспечения национальной безопасности как конституционно-правового института / Т.В. Вербицкая, Н.О. Вербицкая, А.А. Конов // Научные труды. Российская академия юридических наук: Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXV Международной научно-практической конференции,

26–29 ноября 2024. Москва: ООО Издательская группа «Юрист», 2025. С. 112–118.

28. Верховланцева К.В. Опыт участия российских регионов в европейских трансграничных пространствах (на примере еврорегиона «Карелия»). Власть. 2009. № 3. Р. 70–73.

29. Виолин С.И. Оценка влияния мер региональной политики федерального уровня на межрегиональное взаимодействие в России // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3 (60). С. 48–53.

30. Владиславлева Т.Б. Государственное управление региональным развитием в условиях пандемии COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 22–36.

31. Власти Сахалина подписали соглашение с администрацией Шахтерска в ДНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20220630/soglashenie-1799153074.html> (дата обращения: 04.04.2025).

32. Волкова А.В., Борисова О.В. Гражданская оценка развития инновационной инфраструктуры мегаполиса: вызовы и уроки современной административной реформы // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14. № 1. С. 88–96.

33. Волкова А.В., Кулакова Т.А. Движение городов-побратимов в управлении региональной политикой: опыт новых территорий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №3. С. 581–600.

34. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. №2(8). С. 30–58.

35. Вульфович Р.М. Город как платформа: миф или реальность? // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2019. Т. 10. № 2(39). С. 63–68.

36. Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН. 2019. 178 с.

37. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / Ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2020. 365 с.

38. Габдрахманова Л.Н. Развитие горизонтального федерализма в современной России: тенденции межрегионального сотрудничества (на примере Республики Башкортостан): автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. полит. н. Уфа, БашГУ. 2012.

39. Гандалоева З.М. Политическая лимология в контексте субнациональных границ / З.М. Гандалоева // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14, № 2(107). С. 560-566.

40. Генеральное консульство Китая во Владивостоке начало передачу дальневосточным регионам партий медицинских масок из КНР в качестве ответного жеста на оказанную ранее помощь в борьбе с пандемией коронавирусной инфекции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ok.ru/myshagaemp/topic/151412100734318> (дата обращения: 01.02.2025).

41. Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая. ЭКО. 2014. 6(480). С. 5-24.

42. Гончаров А.С., Уварова Г.Г. Региональная политика России в условиях геополитической турбулентности 2020-х гг.: особенности реализации и тренды развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 156–163.

43. Государственная программа «Развитие внешнеэкономических связей, международного и межрегионального сотрудничества Республики Башкортостан» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://foreign.bashkortostan.ru/documents/active/534354/> (дата обращения: 04.02.2025).

44. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. Гос. ун-т-Высш. шк. экономики. М.: ГУ ВШЭ. 2003. 492 с.
45. Гринченко Е.А. Региональная миграционная политика: актуальные проблемы и современные тенденции // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 6(64). С. 173-191.
46. Губарьков С.В. Российская экономика в условиях адаптации к новому мировому экономическому порядку // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2022. № 4(101). С. 9–21.
47. Дахин А.В., Авдонин В.С. Отечественная политическая регионалистика и регионоведение: транзит представлений о региональном политическом процессе в свете вопросов международных связей региона и муниципальной политики // Власть. 2021. № 6. С. 151-164.
48. Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евро-Арктическом регионе [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://narfu.ru/upload/medialibrary/abb/deklaratsiya-o-sotrudnichestve-_bear_.pdf (дата обращения: 01.03.2025).
49. Дергачёв В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. 2010. 519 с.
50. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М. 2003.
51. Дубровина О.Ю. Политико-правовое регулирование международного сотрудничества регионов: актуальность и особые принципы // Власть. 2018. № 7. С.95-99.
52. Елсуков М. Ю. Развитие подходов к реализации региональной политики в России // Управленческое консультирование. 2024. №3(183). С. 86-96.
53. Еремина Н.В. Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? (на примере Шотландии и Уэльса) // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 42-51.

54. Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. 2019. Ч. 10. № 2. С. 5-19.

55. Закрепин П.В. Субъект РФ как объект исследования в отечественной политической науке // PolitBook. 2023. № 1. С. 133-246.

56. Заметина Т.В. Российский федерализм и процессы глобализации // Современные проблемы юридической науки и практики: материалы Международной заочной научно-практической конференции/ Поволжский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации. Энгельс: Редакционно-издательский центр ПКИ. 2015. С. 28-30.

57. Зарубина Л.А., Кудряшова Е.В. Программы приграничного сотрудничества как ресурс социально-экономического развития Баренцева региона (на примере программы «Коларктик»). Современная Европа. 2019. 4(89). С. 85-96.

58. Земцов С.П., Барина В.А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65-81.

59. Золотарев Ф. Е. Города как агенты: анализ факторов становления в качестве вспомогательного ресурса внешней политики РФ // Российская политика в условиях современной международно-политической напряжённости: институты, тенденции, трансформации: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН ко Дню политолога в Донецком государственном университете – Донецк: Донецкий государственный университет. 2024. С. 73.

60. Золотарев Ф.Е. Сетевой анализ внешних связей у субнациональных акторов России // Постсоветские исследования. 2023. № 4(6). С. 457-471.

61. Зуенко И.Ю. Пандемия коронавируса и российско-китайское региональное сотрудничество. Известия Восточного института. 2020. №2.

62. Иванов В.Н., Жундубаев М.К. Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана: основные приоритеты. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. 7(292). С. 38-51
63. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение (экономика и управление) М. 2000.
64. Иншаков О.В., Иншакова Е.И. Кластерное развитие российской наноиндустрии как стратегический компонент «умной специализации» регионов // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 4 (18). С. 4-15.
65. Казаков М.А., Лысцев М.С. Военное сотрудничество как составляющая российско-японских отношений: 1993-2017 гг. Вестник ННГУ. 2018. № 2. С. 9-16.
66. Калинина А.Э., Митрофанова И.В., Чернова О.А. Антикризисная политика южнороссийских регионов в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 3. С. 296–316.
67. Калинина К.В. Национальная идея в России (историко-политологический аспект) // Вопросы национальных и федеративных отношений: Сб. ст. аспирантов и преподавателей / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова. М.: Изд-во РАГС. 2004.
68. Камынин В.Д., Лямзин А.В. Концепт «Парадипломатия Свердловской области» в исследованиях уральских учёных // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева. 2021. С. 301.
69. Канатбеков Э.К. Влияние геополитического фактора на формирование политической культуры международных отношений // Вестник Бишкекского государственного университета. 2020. № 4(54). С. 48-51.
70. Карякин В.В. Геополитическая регионалистика. М.: Автономная некоммерческая организация социальноэкономического и политического консалтинга «Центр этнических и международных исследований». 2018.

71. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6 (40).
72. Климанов В.В. Регионы после пандемии: извлеченные уроки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regcomment.ru/analytics/regiony-posle-pandemii-izvlechennye-uroki/> (дата обращения: 26.03.2025).
73. Комлева В.В. Государственные стратегии региональной политики в условиях глобализации: опыт Японии // Социально-экономические явления и процессы. 2018 Т. 13. № 1. С. 5-13.
74. Конституция Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20211231101638/https://docs.cntd.ru/document/935100256> (дата обращения 04.02.2025).
75. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 25.03.2025).
76. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/5a8fbcac394ddab0776787a083406b2583bd2bdc/ (дата обращения: 06.03.2025).
77. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document29/> (дата обращения: 06.03.2025).
78. Королева Е.Н., Хмелева Г.А., Агаева Л.К. Концептуальная модель формирования «умной специализации» региона // Экономика и предпринимательство. 2018. № 11 (100). С. 494-498.
79. Кочетков Е.Е. Региональное пространство: особенности возникновения и трансформации // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 4. С. 145-150.
80. Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А. Международная проектная деятельность как инструмент регионального развития и стимулирования

сотрудничества (на примере участия Архангельской области в программе приграничного сотрудничества «Коларктик»). Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 88-97.

81. Кузнецов Д.А. Возможности формирования комплексного подхода к исследованиям региональной интеграции и трансрегионализма // Мировая политика. 2019. № 1. С. 1-13.

82. Кузнецова О.В. Межрегиональное сотрудничество в России: перспективы кооперации региональных властей // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 16–25.

83. Кузнецова О.В. Становление национальной городской политики в России в контексте европейского опыта // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 4. С. 7-20.

84. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития России - 2030: новации и перспективные направления исследований// Вестник Российской академии наук. 2025. № 2. С. 12-21.

85. Лагутина М.Л. Актуальные тенденции в развитии регионализма в период пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/aktualnyetendentsii-v-razvitii-regionalizma/> (дата обращения: 26.03.2025).

86. Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 263.

87. Латкин А.П. Новый подход к классификации факторов регионального социально-экономического развития // Вестник Евразийской науки. 2024. Т. 16. № 3.

88. Лебедева М.Л. Теоретические основы регионального политического процесса // Социально политические науки. 2016. №2. С. 71-74.

89. Лебедева М.М. Акторы в международных отношениях и мировой политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics->

andcomments/analytiks/aktory-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-i-mirovoy-politike/ (дата обращения: 04.02.2025).

90. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 47. № 2. С. 125–133.

91. Лебедева М.М. Тенденции развития международных связей субнациональных территорий // Межрегиональные и межгородские связи на Евразийском пространстве в условиях системных изменений мирового порядка: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Тюмень: ТюмГУ-Press. 2024. С. 7-9.

92. Лебедева М.М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 7–16.

93. Левочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-3. С. 446-453.

94. Лесное хозяйство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/26015> (дата обращения: 03.04.2025).

95. Лисоволик Я. Синхронность экономической политики в условиях пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/comments/sinkhronnost-ekonomicheskoy-politiki-vusloviyakh-pandemii/> (дата обращения: 26.03.2025).

96. Логвинова И.В. Координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. М.: МГИМО-Университет. 2018. 238 с.

97. Логвинова И.В. Проблема классификации факторов, влияющих на международные связи субъектов Российской Федерации и регионов зарубежных государств // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. XIII. №3. С. 250-255.

98. Мальцев М.А. Основные концепты теории национального государства: этнос, нация, национальное государство, национальные интересы, национальная безопасность // Труд. Профсоюзы. Общество. 2024. № 4(86). С. 84-91.

99. Мартынов М.А., Чирун С.Н. Региональные политические элиты: особенности функционирования в регионах РФ ресурсного типа // Власть. 2024. №5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-politicheskie-elity-osobennosti-funktsionirovaniya-v-regionah-rf-resursnogo-tipa> (дата обращения: 02.02.2025).

100. Мартынов В.С. Сети городов как альтернатива государствам: уязвимая теория или реальное будущее? // PolitBook. 2016. № 2. С. 73-86.

101. Медеубаев Е.И. Проблемы безопасности и трансграничного сотрудничества в зоне казахстанско-российских пограничных территорий: опыт приграничного сотрудничества Актюбинской области (РК) и Оренбургской области (РФ) // Современные евразийские исследования. 2015. №1. С. 54-59.

102. Меркулов А.В. Политическая элита в системе властных отношений: Теоретический подход. Вестник ПАГС. 2017. №6. С. 120.

103. Меркулова Ю.А. Влияние региональных политических элит на современную политику России // Научный лидер. 2024. №35.

104. Михайленко Е.Б. Заключение: Эволюция международных связей Свердловской области: вот, новый поворот? // Свердловская область: эволюция международных связей (1991-2022): Монография. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2022. С. 302-307.

105. Михайленко Е.Б. Регионализм в международных институтах и возможности для РФ // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития. Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием. Москва. 2024. С. 406.

106. Михайленко Е.Б. Теоретические подходы: парадипломатия, регионализм, международная субъектность // Свердловская область: эволюция международных связей (1991-2022). 2022. С. 28-38.

107. Мунхбат Д. Паломничество монголов: традиции и современность. Народы и религии Евразии. 2018. 2(15). С. 79-84.

108. Наронская А.Г., Ситниченко А.К. Особенности парадипломатии Свердловской области и регионов Германии // СССР и его наследие: проблемы мировой политики и международных отношений: V Чемпаловские чтения, посвященные 100-летию образования СССР: Сборник научных статей и сообщений по материалам международной научной конференции, Екатеринбург, 17–18.11.2022 / Ответственный редактор О.С. Поршнева, составитель Ю.М. Галкина. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 2023. С. 95.

109. Насыров И.Р., Якубов Ю.Д. Представительства субъектов Федерации как институт межрегионального сотрудничества (опыт Республики Татарстан) // Регионология. 2023. Т. 31. № 4. С. 684–700.

110. Негосударственные участники мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой, М.В. Харкевича. М.: Аспект Пресс. 2013. 208 с.

111. Неймарк М.А. Центробежные процессы и размежевания как мегатренд кризисной геополитики // Современная Европа. 2024. №3 (124). С.174-185.

112. Нейсбит Дж. Мегатренды: десять новых тенденций, трансформирующих нашу жизнь. М.: АСТ; Ермак. 2003.

113. Никифоров Ю.Н. Пути формирования политической системы Республики Башкортостан // Вестник ВЭГУ. № 5. 1997.

114. Никлаус А.А. Понятийно-категориальное осмысление территориального пространства // ПОИСК. 2021. № 3. С. 91-100.

115. Норвегия и Архангельская область России разрабатывают совместный туристический маршрут по Северу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kr.ru/online/news/1882143/> (дата обращения 01.03.2025).

116. Одинцова А.В. Опыт и проблемы приграничного сотрудничества. Федерализм. 2015. № 4(80). С. 97-110.

117. Официальная статистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 03.04.2025).

118. Пашкус В.Ю. Стратегия прорывного позиционирования и ее применение при продвижении брендов территорий // Современные политические стратегии / отв. ред. В.А. Гуторов, Д.А. Мальцева. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия. 2022. С. 164–188.

119. Побратимы Донбасса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russia-donbass.ru/pobratimy-donbassa> (дата обращения: 04.04.2025).

120. Положение о конкурсе «Лучший экспортер года» среди субъектов МСП [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://foreign.bashkortostan.ru/documents/active/82833/> (дата обращения: 04.02.2025).

121. Положение о Министерстве внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://foreign.bashkortostan.ru/upload/uf/ce3/5t49jo4pb9y9op5yb3r2maj9vh3sfm1e/p_525_20211015.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

122. Попков Ю.В. Концептуальные вопросы государственной национальной политики: взгляд из регионов // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. 2018. С. 22-27.

123. Попова О.В. Студенческая молодежь российских мегаполисов: ценностные ориентации и эффекты политической онлайн мобилизации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 107. № 5. С. 118–129.

124. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 23 августа 2021 года № 410 «Об утверждении Порядка предоставления в 2021 году

субсидий из бюджета Республики Башкортостан производителям несырьевых неэнергетических товаров Республики Башкортостан на возмещение части затрат, связанных с реализацией на экспорт товаров, произведенных на территории Республики Башкортостан» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nra.bashkortostan.ru/32841/> (дата обращения 04.02.2025).

125. Постановление Правительства Республики Башкортостан «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета РБ на возмещение части затрат, связанных с транспортировкой пилотных партий товаров (продукции) за рубеж, и Порядка предоставления в субсидий из бюджета РБ на возмещение части затрат, связанных с транспортировкой товаров на экспорт» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://foreign.bashkortostan.ru/documents/active/282606/> (дата обращения: 04.02.2025).

126. Постановление Правительства Чеченской Республики № 317 от 19.12.2013 «Об утверждении государственной программы «Региональная политика и федеративные отношения Чеченской Республики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/430606687> (дата обращения: 20.03.2025).

127. ППС Коларктик 2014-2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kolarctic.info/ru/kolarctic-2014-2020-ru-2/> (дата обращения: 02.02.2025).

128. Представительства и представители Правительства Республики Дагестан // Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pprd.ru/ministerstvo> (дата обращения: 20.03.2025).

129. Президентские гранты РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=291ae48d-2f55-46fd-b05e-ff4f1af85bdf> (дата обращения: 03.03.2025).

130. Приказ Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан от 15 ноября 2021 года № 110 «Об утверждении Положения о функционировании проекта «Сделано в

Башкортостане» («Made in Bashkortostan», «Башкортостанда эшлэнгән»))» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://foreign.bashkortostan.ru/documents/active/597837/> (дата обращения: 04.02.2025).

131. Промышленное производство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/26006> (дата обращения: 03.04.2025).

132. Пьянкова С.Г., Митрофанова И.В., Ергунова О.Т., Хоружая Е.Ю. Российская практика функционирования институтов регионального развития в условиях пандемии // Экономика: вчера, сегодня завтра. 2020. Т. 10. № 9А. С. 176–189.

133. Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 6 июля 2020 года № 672-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации проекта «Сделано в Башкортостане» («Made in Bashkortostan», «Башкортостанда эшлэнгән») на 2020-2022 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://foreign.bashkortostan.ru/documents/active/294713/> (дата обращения: 04.02.2025)

134. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН. 2015. 137 с.

135. Рекомендации по ведению экспортной деятельности в кризисный период и ответы на часто задаваемые вопросы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://foreign.bashkortostan.ru/documents/active/282202/> (дата обращения: 04.02.2025).

136. Репичев А.И., Тугачева Л.В., Воробьева А.В., Авдеева Д.А. Возможности разработки региональных инновационных стратегий на принципах «умной специализации» // Вопросы управления. 2018. № 2 (32). С. 37-45.

137. Российские регионы как международные акторы / Под ред. А.С. Макарычева. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова. 2000. С. 29-31.

138. Рустамова Л.Р. Внешние связи приграничных российских регионов // Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(1). С. 177–206.
139. Самойлов Г.М. Внешние связи регионов КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 46–55.
140. Санкции против России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://x-compliance.ru/statistics> (дата обращения: 03.02.2025).
141. Сарабасова К.Ж. Межрегиональное сотрудничество субъектов Российской Федерации // Актуальные исследования. 2024. № 7-2(189). С. 62-66.
142. Свердловская область: эволюция международных связей (1991–2022) / А. С. Бурнасов, Т. В. Вербицкая, Ф. Е. Золотарев, Камынин В.Д., Ковалев Ю.Ю., Лямзин А.В., Михайленко Е.Б., Мухаметов Р.С., Наронская А.Г., Храмов А.Б. 2-е издание, стереотипное. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2024. С.16-17.
143. Себенцов А.Б. Приграничное сотрудничество в порубежье России: в поисках новых подходов и форм // Вестник Института географии РАН. 2024. № 4. С. 11–25.
144. Сергеев В.М. Неравномерность глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/neravnomernost-globalizatsii/> (дата обращения: 09.04.2025).
145. Слука Н.А. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 1. С. 203-226.
146. Снижение логистических затрат в 2025 году: работающие методы в условиях санкций и дефицита транспорта [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.megaresearch.ru/new_reality/snizhenie-logisticheskikh-zatrat-v-2025-godu-rabotayuschie-metody-v-usloviyah-sankciy-i-deficita-transporta (дата обращения: 10.04.2025).
147. Соловьев А.И. Политика и управление государством: очерки теории и методологии. М.: Изд-во Аспект Пресс. 2021. 256 с.

148. Спартак А.Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 7. С. 7–29.

149. Степанова С.В. Развитие туризма в приграничных российских регионах. Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2017. 4(84). С. 17-27.

150. Стратегия национальной безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 06.03.2025).

151. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).

152. Строев П.В. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов // Проблемы современной экономики. 2022. № 3(83). С. 153-157.

153. Субанакоев Г.Ю. Анализ приграничного сотрудничества России и Монголии (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 3. С. 58-64;

154. Телегин Д.С. Регионализация как ответ на вызовы современной глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 353-357.

155. Тишков В.А. Этнология и политика. М. 2003.

156. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: ГУ ВШЭ. 2006. С. 39.

157. Указ Главы Республики Башкортостан от 11.08.2017 № УГ-124 "Об автономной некоммерческой организации «Центр координации поддержки экспортно ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Башкортостан» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://foreign.bashkortostan.ru/documents/active/2831/> (дата обращения: 04.02.2025).

158. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации до 2025 г.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641> (дата обращения: 06.03.2025).

159. Федеральный закон от 04.01.1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347> (дата обращения: 06.03.2025).

160. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/20277> (дата обращения: 06.03.2025).

161. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8063> (дата обращения: 06.04.2024).

162. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393> (дата обращения: 06.03.2025).

163. Федеральный закон от 26.06.2017 г. №179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/federalnyy_zakon_ot_26_iyulya_2017_g_179_fz_ob_osnovah_prigranichnogo_sotrudnichestva.html (дата обращения: 06.03.2025).

164. Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2014/07/03/strategia-dok.html> (дата обращения: 06.03.2025).

165. Феофанов К.А. Цивилизационное моделирование региональных международных отношений (на примере Большой Евразии) // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 1(9). С. 50-62.
166. Хмелева Г.А., Королева Е.Н., Курникова М.В. Стратегия «умной специализации»: европейский опыт и уроки для России // Вестник Самарского муниципального института управления. 2019. № 3. С. 35-45.
167. Цзиньхуэй В. Проблемы и перспективы российско-китайского политического взаимодействия на Дальнем Востоке: дисс. ... канд. полит. н. М.: МГУ. 2023. 235 с.
168. Цыганков П.А. Акторы и факторы в международных отношениях и мировой политике // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. 2008. С. 30-35.
169. Штульберг Б.М., Введенский В.Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. М. 2000.
170. Щербинин А.И. Социально-политические проблемы города в быстро меняющемся мире на границе исследовательских // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума / под ред. Т.А. Сенюшкиной. Симферополь: Ариал. 2021. С. 483–488.
171. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Право на город»: политическое конструирование постпандемийного мироустройства // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 169–177.
172. Яковлев П. П. Российская экономика в условиях меняющегося мироустройства: вызовы и ответы // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 3(30). С. 27–42.
173. Alger C. F. The UN System and Cities in Global Governance. New York: Springer International Publishing. 2014. 175 p.
174. Assembly of European Regions Statute. AER [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aer.eu/aerstatute/> (дата обращения: 02.04.2025).

175. Bernauer T., Kalbhenn M. Nonstate Actors in Global Governance: Legitimacy Through Diverse Contributions // *International Studies Quarterly*. 2025. 69(2). P. 43-48.
176. Blatter J. Beyond hierarchies and networks: Institutional logics and change intransboundary spaces // *Governance*. 2003. № 4(16). P. 503–526.
177. Bowles P. Rebalancing China's growth: some unsettled questions // *Canadian Journal of Development Studies*. 2012. № 1. Vol. 33. P. 1–13.
178. Cheng J. Local Government's Role in a Transitional Economy: The Case of Guangdong // *China in the Reform Era*. 1999. P. 9–33.
179. Cheung P., Chung J., Lin Z. Provincial Strategies of Economic Reform in PostMao China: Leadership, Politics, and Implementation. Routledge: CRC Press. 2016. 328 p.
180. Chien S., Gordon I. Territorial competition in China and the West // *Regional Studies*. 2008. Vol. 42. № 1. P. 31–49.
181. Cooper R. *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*. L. 2003. P. 76.
182. Criekemans D. Regional Sub-State Diplomacy from a Comparative Perspective: Quebec, Scotland, Bavaria, Catalonia, Wallonia and Flanders // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2010. V. 5. № 1–2. February. P. 37.
183. Cull N. *Reputational Security: Refocusing Public Diplomacy for a Dangerous World*. Polity. 2024.
184. Curtis S., Acuto M. The Foreign Policy of Cities // *The RUSI Journal*. 2018. № 6. T. 163. P. 8–17.
185. D'Hooghe I. China's public diplomacy shifts focus: From building hardware to improving software // *The Asia Dialogue* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cpianalysis.org/2013/10/24/chinas-public-diplomacy-shifts-focus-from-building-hardwareto-improving-software/> (дата обращения: 30.03.2025).
186. Dahl R. *Who Governs?: Democracy and Power in an American City*. Yale University Press. 1961. 355 p.

187. Derriennic J.-P. Esquisse de problématique pour une sociologie des relations internationales [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.worldcat.org/title/esquisse-de-problematique-pour-unesociologie-des-relationinternationales/oclc/252000544/editions?referer=di&editionsView=true> (дата обращения: 05.04.2025).

188. Duchacek I. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Eds. H. Michelmann, P. Soldatos. Oxford. 1990. P. 1-33.

189. Durà A., Camonita F., Berzi M. and Noferini A. Euroregions, Excellence and Innovation across EU borders // *A Catalogue of Good Practices*. Barcelona, Department of Geography, UAB. 2018. 254 p.

190. Europe 2020. Flagship initiative Innovation Union [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/innovation-unioncommunication-brochure_en.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

191. Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/index_en (дата обращения: 04.03.2025).

192. European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. Council of Europe [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/fulllist//conventions/rms/0900001680078b0c> (дата обращения: 02.04.2025).

193. Fiscal, Political, and Developmental Dimensions of Decentralization: A Comparative Review. Rijal et al., *Politeia: Jurnal Ilmu Politik*. 2024. Vol. 16 No. 2.

194. Fornes G., Mendez A. *The China-Latin America Axis*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 2018. 343 p.

195. Frątczak-Müller J., Mielczarek-Żejmo A. Cross-Border Partnership – the Impact of Institutions on Creating the Borderland Communities (the Case of Spree-

Neisse-Bober Euroregion) // *Innovation The European Journal of Social Science Research*. 2015. № 29(1). P. 1-21.

196. Goh E. *The modes of China's influence: Cases from southeast Asia // Asian Survey*. 2014. Vol.54. P.825-848.

197. Gregory B. *American Diplomacy's Public Dimension: Practitioners as Change Agents in Foreign Relations*. Palgrave Macmillan. 2024. P. 35–36.

198. Hafner-Burton E. M., Kahler M., Montgomery A. H. *Network Analysis for International Relations // International Organization*. 2023. №63(3). P. 559-592.

199. Haggerstrand T. *Innovation Diffusion in a Spatial Process*. Chicago: University of Chicago Press. 1967.

200. Herrshel T., Newman P. *Cities as International Actors: Urban and Regional Governance Beyond the Nation State*. London: PalgraveMacmillan. 2017. 268 p.

201. Hooghe L., Marks G., Schakel A. *The Rise of Regional Authority: A Comparative Study of 42 Democracies*. London, Routledge. 2010. 240 p.

202. *International Relations Theory and Regional Transformation / Ed. by T.V. Paul*. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. 322 p.

203. Jacob J. *China's Provinces and Foreign Policy: Lessons and Implications for India and Its States // Institute of Chinese Studies Working Paper*. 2014. December. P. 2–14.

204. Jin H., Qian Y., Weingast B.R. *Regional decentralization and fiscal incentives: Federalism, Chinese style // Journal of public economics*. 2005. № 9–10. Vol.89. P. 1719– 1742.

205. Jones L., Zeng J., *Understanding China's Belt and Road Initiative: beyond 'grand strategy' to a state transformation analysis // Rising powers and state transformation*. 2020. P. 19-42.

206. Kangas A. *Global Cities, International Relations and the Fabrication of the World // Global Society*. 2017. Vol 31. Issue 4. P. 531-550.

207. Keating M. *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. Edward Elgar. 1998. 242 p.

208. Keohane R.O., Nye J.S. *Transnational Relations and World Politics*. International Organization. 1972. Vol. 25. No. 3. P. 329-349.
209. Komninos N. *The age of intelligent cities: Smart environments and innovation-for-all strategies*. L&NY: Routledge, 2015. 298 p.
210. Korab-Karpowicz W. *The Clash of epochs: Traditional, modern, postmodern, and evolutionity*. Perspectives on Political Science. 2019. № 3(48). P. 170–182.
211. Kuestra R. *Paradiplomacy, Its Actors and Trends: State of the Art and Additional Contributions // Contexto Internacional vol. 47(1)*. 2025.
212. Laucht C., Allbeson T. *Twin Cities, Special ed.: Urban Internationalism: Coventry, Kiel, Reconstruction and the Role of Cities in British-German Reconciliation. 1945–49*. Urban History file. Retrieved May 30. 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/156273/1/TWIN_Cities_Spec_ed_Urban_Internationalism_Coventry_Kiel_1945_49_rev_final_final_edit.pdf (дата обращения: 03.04.2025).
213. Lawrence R. *Deriving Collaborative Aims and Outcomes: A Case-Study of CrossBorder Cooperation in Central and Eastern Europe*. Evaluation. 2011. №17. P. 365-382.
214. Lecours A., Moreno L. *Paradiplomacy and stateless nations: a reference to the Basque Country Montreal* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tamilnation.co/conflictresolution/countrystudies/basque/paradiplomacy.htm> (дата обращения: 26.03.2025).
215. Lemoine F. et al. *The Geographic Pattern of China's Growth and Convergence within Industry // Working Paper CEPII*. 2014. № 2014-04. 46 p.
216. Liu X., Thomas N. *China's paradiplomacy: a pilot study of subnational relations with neighboring countries* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <file:///Users/admin/Downloads/fpos-7-1666964.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

217. Luo Y. From foreign investors to strategic insiders: Shifting parameters, prescriptions and paradigms for MNCs in China // *Journal of world Business*. 2007. Vol. 42. № 1. P. 14–34.
218. Marks L., Laird Y., Trevena H., Smith BJ., Rowbotham S. A scoping review of citizen science approaches in chronic disease prevention // *Front Public Health*. 2022.
219. Melissen J. *The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice*. Palgrave Macmillan. 2005. P. 5. 12.
220. Messerschmidt L., Palmtag T., Rommel T. Local Economic Consequences of Foreign Direct Investment in Democracies and Autocracies. *International Studies Quarterly*. 2025. Volume 69. Issue 2.
221. Michelmann Hans J. 2009. *Foreign Relations in Federal Countries* // ed. Hans Michelmann. McGill-Queen's UP. 2009. P. 3-8.
222. Mikhailova E., Wu C.-T. Ersatz twin city formation? The case of Blagoveshchensk and Heihe. *Journal of Borderlands Studies*. 2017. № 4(32). P. 513–533.
223. Mircea B. *European Instruments of Cross-border Cooperation. Case Study: the Romanian-Ukrainian Border*. Maron F., Pozarlik G. *Identités, citoyennetés et démocratie, 20 ans après*. Bruxelles: Editions Bruylant. 2010. P. 265-280.
224. Mitchell J. Lobbying «Brussels». *The Case of Scotland Europa* // *European Urban and Regional Studies*. October. 2010. 17 (4). P. 287-297.
225. Noferini A., Berzi M., Camonita F., Durà A. Cross-Border Cooperation in the EU: Euroregions Amid Multilevel Governance and Reterritorialization. *European Planning Studies*. 2019. 28(1). P. 35-56.
226. Nye J.S. *The future of power*. New York: Public Affairs. 2011. 320 p.
227. Oliveira J. The Place of the Region in IR // *Contexto Internacional*. 2017. Vol. 39. № 1. P. 97-115.
228. Palard J. Avant-propos. Les relations internationales des régions en Europe // *Études internationales*. 1999. No. 30 (4). P. 653–656.

229. Quinn M. Wales and the EU and UN / Welsh Assembly Government. Cardiff. 2008. P. 145–146.
230. Risse T. Transnational Actors and World Politics // Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B. Simmons. London: Sage. 2002. P. 255-274.
231. Robertson R. Glocalization: Time Space and Homogeneity Heterogeneity. Global Modernities / Ed. By Featherstone M., Lash S. and Robertson R. London: Sage. 1995. P. 28.
232. Rokkan S., Urwin D. The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism. London: Sage. 1982.
233. Russett B., Starr H., Kinsella D. World Politics. Menu for Choice. Belmont: Wadsworth. 2004. P.12-19.
234. Sabau C. Cross-Border Cooperation in Europe: The Case of Bihor-Hajdu Bihar Euroregion // International Business Research. 2012. 5(3). P. 91-99.
235. Saner R., Yiu L. International Economic Diplomacy: Mutations in Post-Modern Times // Discussion Paper in Diplomacy № 84. Geneva, 2003. P. 41.
236. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 2001. 447 p.
237. Scott J. Constructing Familiarity in Finnish-Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions // European planning studies. 2013. № 21(1). P. 75-92.
238. Scully R., Jones R.W. Europe, regions and European regionalism. Springer. 2010. 277 p.
239. Sil R., Katzenstein P. Analytic Eclecticism in the the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics Cambridge University Press, 2010. Vol. 8. № 2. P. 411–431.
240. Soldatos P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign Policy Actors // Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. Eds. H. Michelmann, P. Soldatos. Oxford. 1990. P. 34–53.
241. Sonnenfeld J., Tian S., Sokolowski F., Wyrebkowski M., Kasprowicz M.

Business Retreats and Sanctions Are Crippling the Russian Economy [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4167193 (дата обращения: 12.03.2025).

242. Sousa L. Understanding European Cross-border Cooperation: A Framework for Analysis. *Journal of European Integration*. 2013. 35(6). P. 669-687.

243. Sterling B. Stop Saying «Smart Cities» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/02/stupid-cities/553052/> (дата обращения: 01.04.2025).

244. Tavares R. *Paradiplomacy: cities and states as global players*. Oxford University Press. 2016. 256 p.

245. Trench A. *The Practice of Multi-Level Government: How Intergovernmental Relations Work in Federal Systems / The State of the Nations*. Ed. by A. Trench. Exeter. 2008. P. 224.

246. *United Cities and Local Governments* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.uclg.org/> (дата обращения: 03.04.2025).

247. Van Kemenade W. *China, Hong Kong, Taiwan, Inc.: The Dynamics of a New Empire*. New York: Vintage. 2010. P. 290.

248. *Wales Meet Boosts Cultural Ties with Qatar* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dohapress.net/culture-&-art/4977-wales-meet-boostscultural-ties-with-qatar.html> (дата обращения: 22.03.2025).

249. *Welsh Assembly Government 2006. Concordat on International Relations* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wales.gov.uk/about/concordats/concordathome/concordat5?lang=en> (дата обращения: 22.03.2025).

250. *Welsh Assembly Government. Wales For Africa: A Framework for Welsh Assembly Government Action on International Sustainable Development* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://new.wales.gov.uk/firstminister/publications/sustaindevelop/walesafricaframework/frame.pdf?lang=en> (дата обращения: 22.03.2025).

251. Wiseman G. Polyilateralis and New Modes of Global Dialogue // Discussion Paper № 55. Diplomatic Studies Programme. Leicester. 1999. 26 p.
252. Xu C. The fundamental institutions of China's reforms and development // Journal of economic literature. 2011. Vol. 49. № 4. P. 1076–1151.
253. Zhimin C., Junbo J. Chinese Provinces as Foreign Policy Actors in Africa // China in Africa Project. 2009. № 22. P.21.
254. 中华人民共和国行政区划 (Administrative territorial structure of PRC) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.cn/guoqing/2005-09/13/content_5043917.htm (дата обращения: 22.03.2025).
255. 中华人民共和国宪法 (Constitution of PRC) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm (дата обращения: 26.03.2025).